SOVREMENNIK 1837

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

7

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.
1837.

СОВРЕМЕННИКЪ.

VII.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sovremennik_1837_7

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.
1837.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK

Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 – 1613

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГАЛУБЪ.

I.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ купака,
Не для разбойничей потѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ нежданой встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Ташартуба.—
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучитъ уныло пѣснь Муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоятъ предъ саклею печальной;

Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небесвой,
Мятутся спутанные кони;
Всѣ ждутъ.— Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ.— Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской:
Неразряженую пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.
Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смирля молча пылъ коней.—
Ужъ потухалъ закатъ огнистой
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой

Достигли тихіе волы.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой,
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой....
Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу—
И скорбному старику отцу
Такъ молвилъ важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ
Какъ ты, въ ауль чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сего дня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ! покоренъ будь судьбѣ!
Другова я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь — —
Труды мои ты самъ оцѣнишь,
Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ
Главу потупя молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнитъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ;
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.

Онъ любитъ — по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольняго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Неэрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ
Какъ вѣтеръ въ небѣ....
Но отецъ
Уже Тазитомъ недоволенъ.
«Гдѣ-жъ, мыслитъ онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проверство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дни въ ауле нѣтъ его,

На третій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ ты? сынъ!

Сынъ.

Въ ущельи скалъ
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Дарiалъ.

Отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отецъ.

А не видалъ-ли ты Грузинъ,
Иль Русскихъ?

Сынъ.

Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлискiй ѣхалъ Армянинъ.

Отецъ.

Онъ былъ со стражей?

Сынъ.

Нѣтъ, одинъ.

Отецъ.

За чѣмъ печальнымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнулъ къ нему съ утеса? —

Потупилъ очи сынъ Черкеса
Не отвѣчая ничего. —

Тазитъ опять коня сѣдласть,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

Отецъ.

Гдѣ былъ?

Сынъ.

За бѣлою горой.

Отецъ.

Кого ты встрѣтилъ на курганѣ?

Сынъ.

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

Отецъ.

О милосердая судьба!
Гдѣ-жь онъ? ужели на аркапѣ

Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньи,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ» мыслитъ онъ, «не замѣнитъ
Онъ никогда другова брата!
Не научился мой Тазитъ
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды;
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ Нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ
На третій, блѣденъ какъ мертвецъ
Приходитъ онъ домой. — Отецъ
Его увидя вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ
. . . . . .

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостата.

Отецъ.

Кого? кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отецъ.

Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай наглядусь!

Сынъ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...

Отецъ.

Ты долга крови не забылъ...
Врага ты навзничь опрокинулъ...
Не правда-ли? ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стонаньемъ

Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣ-жъ голова? подай... нѣтъ силъ....

Но сынъ молчитъ потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи
И сыну грозно возопилъ:
«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,
Ты не Чеченецъ — ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты Армянинъ —
Будь проклятъ мной — поди — чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно,
Чтобъ ты какъ раненый олень
Бѣжалъ тоскуя безотрадно,
Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали,
И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты.... бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
— Сказалъ и на земь легъ — и очи
Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда-же приподнялся онъ,
Былъ темень синій небосклонъ. —

II

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались —
Привычны игры начались:
Верьхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. — Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между дѣвами, одна
Молчитъ уныла и блѣдна
..... Въ толпѣ стоятъ четою странной,
Стоятъ не видя ничего.
И горе имъ: онъ — сынъ изгнанной,
Она — любовница его....
О было время!... съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ,
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ.
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу

Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣдѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась какъ заря,—
Или у водъ когда стояла
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ
И долго кованый кувшинъ
Волною звонкой наполняла....
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
Давно мила, по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я.
Благослови любовь мою
Я бѣденъ — но могучь и молодъ,
Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный
Твоимъ сынамъ— кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ....»

А. Пушкинъ.

ГРАФЪ КАЛІОСТРО.

(Отрывокъ изъ второй части романа: «Искуситель»*).*

.....«Я такъ же какъ и ты много путешествовалъ и объѣхалъ почти всю Европу» началъ говорить фонъ-Борхъ, обращаясь къ Закамскому. «Въ 1789-мъ году я прожилъ всю осень въ Римѣ. У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ и въ томъ числѣ одно къ графу Ланцелотти; но я слишкомъ мѣсяцъ не былъ ни съ кѣмъ знакомъ, кромѣ услужливыхъ чичероніевъ и моего хозяина, претолстаго и преглупаго макаронщика, который ревновалъ свою жену къ цѣлому міру, не смотря на то, что она была стара и дурна какъ смертный грѣхъ. Съ утра до вечера я бѣгалъ по городу и каждый разъ возвращался домой съ новымъ запасомъ для моихъ путевыхъ записокъ. Я не намѣренъ вамъ разсказывать обо всѣхъ прогулкахъ по Римскимъ улицамъ, не стану описывать мой восторгъ при видѣ Колизея, Пантеона и другихъ остатковъ древняго Рима, не скажу даже ни слова о томъ какъ я былъ пораженъ огромностію и величіемъ храма Св. Петра, какія воспоминанія пробудились въ душѣ моей при видѣ Ка-

питолія и съ какимъ наслажденіемъ я смотрѣлъ на произведенія великихъ художниковъ Италіи. Все это тысячу разъ повторялось каждымъ путешественникомъ, и этотъ неизбѣжный, заказной восторгъ, эти приторныя фразы а-ла-Дюпати, и казенныя восклицанія, давно ужъ опротивѣли и надоѣли всѣмъ до смерти.

Однажды — это было мѣсяца два по пріѣздѣ моемъ въ Римъ — я отправился безъ всякой цѣли шататься по городу. Пройдя нѣсколько времени берегомъ Тибра, я повернулъ на мостъ, весьма красивой наружности, но къ сожалѣнію обезображенный статуями, которыя не только въ Римѣ, но и во всякомъ порядочномъ городѣ, были бы не у мѣста. Я остановился по срединѣ моста, чтобъ полюбоваться видомъ замка Святаго Ангела. Онъ подымался предо мною, по ту сторону Тибра, какъ угрюмый исполинъ, посѣдѣвшій на стражѣ священнаго Рима. Эта городская тюрьма походитъ издали на огромную круглую башню съ плоской кровлей, на которой выстроенъ цѣлый замокъ; не смотря на свою строгую и даже нѣсколько тяжелую архитектуру, замокъ Св. Ангела мнѣ очень понравился, и я глядѣлъ на него съ такимъ вниманіемъ, что не замѣтилъ сначала какого-то прохожаго, закутаннаго въ широкій плащъ, который прислонясь къ мостовымъ перилямъ, казалось еще внимательнѣе меня разсматривалъ это зданіе. Онъ былъ росту средняго не дуренъ и не хорошъ собою; но глаза его! ... въ самой Италіи, классической землѣ пламенныхъ, оду-

шевленныхъ взоровъ, я не видывалъ ни чего подобнаго; казалось искры сыпались изъ этихъ глазъ не очень большихъ, но быстрыхъ, исполненныхъ огня и черныхъ какъ смоль. Не знаю почему, но я не могъ удержаться, чтобъ съ нимъ не заговорить: —Вы вѣрно такъ же какъ и я любуетесь этимъ чуднымъ зданіемъ? — сказалъ я по-Италіянски, указывая на замокъ Св. Ангела. — Незнакомый бросилъ на меня такой недовѣрчивый и въ тоже время проницательный взглядъ, что я совершенно смутился. Повторяя мой вопросъ, я сбился съ толку, заговорилъ вздоръ, и сдѣлалъ непростительную ошибку. Незнакомый улыбнулся, поглядѣлъ на меня довѣрчивѣе, и сказалъ въ полголоса: «вы иностранецъ?...»

— Да, отвѣчалъ я. —

«Вы вѣрно путешественникъ, и если не ошибаюсь родина ваша далеко отсюда?»

— Вы отгадали: я Русской. —

«Русской!» повторилъ незнакомый, взглянувъ на меня еще веселѣе. «Вамъ должно быть здѣсь очень жарко; я знаю вашу холодную Россію; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ Петербургѣ; у меня есть тамъ пріятели; я имѣлъ честь знать лично князя Потемкина; но мы кажется не понравились другъ другу. Я также очень часто бывалъ....»

Тутъ назвалъ онъ мнѣ пять или шесть извѣстныхъ именъ и поговоривъ еще нѣсколько времени о Петербургѣ, вдругъ остановился и сказалъ мнѣ. «вы

кажется спрашивали меня, нравится-ли мнѣ этотъ замокъ? Не знаю какъ вамъ, а мнѣ онъ вовсе не нравится.»

— Однакожъ вы очень пристально на него глядѣли. —

«И очень часто это дѣлаю; если зло неизбѣжно, то надобно стараться заранѣе къ нему привыкнуть.»

— Привыкнуть.. — прервалъ я съ удивленіемъ. — Да на что вамъ къ нему привыкать? вѣдь этотъ замокъ тюрьма.... —

«Хуже» прервалъ незнакомый «это Римская Бастилія, а кто знаетъ Парижскую. . . Но вы меня не поняли; это зданіе не всегда было тюрьмою. Знаете ли вы, для чего оно было построено?»

Я почти обидѣлся этимъ вопросомъ; спросить у магистра Дерптскаго университета, знаетъ-ли онъ что замокъ Св. Ангела былъ нѣкогда мавзолеемъ императора Адріана! Да этотъ вопросъ стыдно даже сдѣлать и студенту. Я закидалъ незнакомца историческими фактами, прочелъ ему наизусть сказаніе знаменитаго Прокопія о томъ какъ Велизарій, осажденный въ Римѣ Готоами, защищался, бросая въ нихъ мраморныя статуи, которыми этотъ мавзолей былъ украшенъ, какъ въ средніе вѣка, Папа Бонифацій IX превратилъ его въ крѣпостной замокъ, какъ герцогъ Бурбонскій, осаждая въ немъ Папу Климента VII-го, былъ убитъ на приступѣ. — Послѣ этаго — продолжалъ я... «Хорошо, хорошо!» — закричалъ незнакомецъ, стараясь перерва-

потокъ моего краснорѣчія. «Я вижу, вы человѣкъ ученый, но дѣло не въ томъ; если вы знаете первобытное назначеніе замка Св. Ангела, то поймете для чего я прихожу смотрѣть на это роскошное кладбище, построенное для одного покойника. Смерть зло—неизбѣжное!... да, неизбѣжное!» прибавилъ онъ почти шопотомъ. «даже и для того, кто измѣряетъ свою жизнь не годами, а столѣтіями.»

— Какъ, столѣтіями? — повторилъ я — да неужели есть такіе люди? —

Незнакомый вздрогнулъ и какъ будто бы спохватясь, сказалъ съ улыбкою: «вы опять меня не поняли; развѣ жизнь цѣлаго народа не походитъ на жизнь одного человѣка? Развѣ повелитель безчисленныхъ народовъ, владыко міра, древній Римъ, не умеръ, какъ умеръ вотъ этотъ бытъ можетъ, безцвѣтный гражданинъ,» продолжалъ незнакомый, указывая на похоронную процессію Братьевъ Кающихся, которая въ эту минуту показалась на берегу Тибра. «Не думаете-ли вы, что обширная могила, которую мы называемъ Римомъ, хотя нѣсколько походитъ на этотъ гордый, могучій, кипящій жизнію Римъ? О, еслибы вы его видѣли?» прибавилъ незнакомецъ и черные глаза его засверкали «еслибъ вы видѣли этотъ живой Римъ, эту родину всего высокаго и прекраснаго.... вы не стали бы тогда называть Римлянами народъ, который выдумалъ арлекина, создалъ паяца и славится своими макаронами, а Римомъ—этотъ жалкій городъ, напо-

минающій мнѣ цыганскій таборъ, расположенный на развалинахъ Пальмиры. И вы разсуждаете о высокомъ и прекрасномъ — перестаньте! вы не знаете ни того ни другаго. Вы называете изящнымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ ваши кукольныя комедіи; горсть людей сберется въ какой нибудь каменный балаганъ, назоветъ его Санъ-Карло или Ла-Скала, а себя—публикою, и думаетъ, что видитъ передъ собою высокое и прекрасное зрѣлище!.... Жалкіе пигмеи!... да если вы не вѣрите преданіямъ, такъ посмотрите на развалины Колизея, не говорятъ ли онѣ вамъ, что всѣ ваши дѣтскія затѣи есть не что иное, какъ жалкія пародіи забавъ великаго Рима. Вы плачете, когда въ вашемъ балаганѣ, на этихъ презрѣнныхъ подмосткахъ, какой нибудь паяцъ-трагикъ заколетъ себя деревяннымъ кинжаломъ, а въ Колизеѣ сотни людей умирали не шутя, чтобъ заслужить рукоплесканіе восьмидесяти тысячъ зрителей. Вы удивляетесь вашимъ холстинным морямъ и трехъ-аршиннымъ кораблямъ изъ картузной бумаги. А Колизей, по мановенію Кесаря, превращался въ обширное озеро и настоящія военныя галеры не представляли морское сраженіе, но дрались въ самомъ дѣлѣ, для забавы гордыхъ Римлянъ. Да!... все это было» примолвилъ незнакомый грустнымъ голосомъ «давно, очень давно!... вѣка прошли, настанутъ другіе; но Римъ не воскреснетъ!....»

Незнакомый замолчалъ, потомъ, какъ будто бы говоря съ самимъ собою, продолжалъ: «Давно-ли

кажется?... да! такъ точно, это было восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова..... какой волшебный праздникъ! Императоръ торжествовалъ открытіе Колизея.... съ восходомъ солнечнымъ началъ волноваться и шумѣть вѣнчанный Римъ, какъ море хлынулъ онъ со своихъ семи холмовъ и высокія стѣны Колизея унизались народомъ.... раздался громъ рукоплесканій — онъ вошелъ — царь вселенной, радость міра, кроткій, богоподобный Титъ! О какъ онъ былъ прекрасенъ!..... какъ шли къ нему эти шелковыя кудри, эта томная блѣдность лица, эти усталыя глаза, и даже этотъ прыщикъ на лѣвой щекѣ.....» —

«Прочь съ дороги!» раздался грубый голосъ, и кто-то толкнулъ меня очень невѣжливо въ спину — «шляпу долой!» закричали изъ-подъ своихъ бѣлыхъ колпаковъ нѣсколько Братьевъ Кающихся. Я повиновался; мимо меня тянулась похоронная процессія; за нею несли гробъ, а позади человѣкъ триста всякаго рода людей и нищихъ, подвигались медленно впередъ, заняли почти всю ширину моста. Когда этотъ нечаянный приливъ народа схлынулъ, я остался опять на просторѣ; но незнакомца уже не было. Вы можете судить, какое впечатлѣніе произвели на меня странныя слова этаго чудака, который разсказывалъ о праздникѣ, данномъ за восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, какъ о балѣ, на которомъ онъ танцовалъ недѣли двѣ тому назадъ. — Если это не сумасшедшій, подумалъ я, такъ ужь вѣрно какой нибудь

балагуръ, который хотѣлъ надо мною позабавиться. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось.

Дня черезъ три, прогуливаясь по знаменитой улицѣ Корсо, которая служитъ въ обыкновенные дни гуляньемъ, а на масляницѣ маскерадною залою для цѣлаго Рима, я сошелъ съ тротуара, чтобы перейти на противоположную сторону. На самой срединѣ улицы, столь человѣкъ въ большой бѣлой шляпѣ съ широкими полями; казалось, онъ вовсе забылъ, что вокругъ его ѣздятъ безпрестанно экипажи. Въ ту самую минуту, какъ я дѣлалъ это замѣчаніе, щегольватая коляска, заложенная парою великолѣпныхъ лошадей, мчалась во всю рысь по самой срединѣ улицы. Кучеръ зазѣвался, коляска была уже въ десяти шагахъ отъ человѣка въ бѣлой шляпѣ и этотъ бѣдилкъ былъ бы непремѣнно задавленъ, еслибъ я не успѣлъ схватить его за руку и оттащить въ сторону. Когда опасность миновалась и незнакомый сталъ благодарить меня, я узналъ въ немъ чудака, съ которымъ повстрѣчался на мосту Святаго Ангела.

«Если не ошибаюсь» сказалъ онъ «мы ужь съ вами знакомы; вы тотъ Русской путешественникъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе разговаривать дня три тому назадъ.»

— Да, — отвѣчалъ я — помнится, вы мнѣ разсказывали о какомъ-то праздникѣ, который давался въ Колизеѣ, восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христо-

ва, и на которомъ вы любовались Императоромъ Титомъ.—

Незнакомый улыбнулся. «Вы, господа сѣверные жители,» сказалъ онъ «никогда не поймете насъ, живыхъ, пламенныхъ дѣтей юга; то что представляется только вашему воображенію, мы видимъ въ самомъ дѣлѣ; вы переноситесь иногда мыслію въ прошедшее, вспоминаете о немъ, а для насъ оно становится настоящимъ. Когда я говорилъ съ вами о древнемъ Римѣ, вѣка изчезали и *вѣчный городъ* подымался изъ своихъ развалинъ; я видѣлъ его, я жилъ въ немъ.... смѣйтесь, господинъ Русской, смѣйтесь! наши Италіянскія, волканическія головы, кажутся вамъ полоумными. Пусть такъ! но мы живемъ двойною жизнію; для насъ и среди Русскихъ снѣговъ будутъ цвѣсти розы, наше южное воображеніе украситъ померанцовыми цвѣтами, усыпаетъ золотыми апельсинами и ваши гробовыя сосны и эти мертвыя, единобразныя березы; оно растопитъ вѣчные льды Сибири и разрисуетъ прозрачною лазурью туманныя небеса вашей родины. Что нужды если обманъ не истина, когда этотъ обманъ дѣлаетъ насъ счастливыми!»

—Посмотрите, посмотрите! — прервалъ я — вотъ ѣдетъ назадъ та самая коляска, которая чуть, чуть васъ не задавила. —

Незнакомый поднялъ глаза. Въ коляскѣ сидѣлъ развалясь какой-то франтъ; онъ посматривалъ гордо

на проходящихъ; инымъ кланялся по Римскому обычаю рукою, другимъ отвѣчалъ на низкіе поклоны едва замѣтною улыбкой, и такъ явно чванился и важничалъ своимъ нарядным экипажемъ, съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣхъ бѣдныхъ пѣшеходцевъ, что вотъ такъ и хотѣлось плюнуть ему въ лице.

«А!» вскричалъ незнакомый «Да это кавалеръ Габріелли! такъ онъ-то хотѣлъ задавить меня? Бѣдняжка!»

— Однакожь у этаго бѣдняжки славный экипажъ — сказалъ я шутя.

«Да недолго онъ имъ провладѣетъ.»

— А что? видно изъ послѣднихъ денегъ? ..... тфу батюшки! какія лошади, какая упряжь. —

«Да, это правда» — сказалъ незнакомый «все хорошо, кромѣ кучера.»

— Помилуйте, чѣмъ же онъ дуренъ; посмотрите какой молодецъ. —

—«Ну нѣтъ! не очень красивъ собою.»

— Что вы? славный кучеръ! — а какая богатая ливрея! —

«Да я вамъ говорю не объ этомъ ливрейномъ кучерѣ, а вотъ что сидитъ подлѣ него.»

— Подлѣ него? да гдѣ же? —

«Съ лѣвой стороны.»

— Я никого не вижу. —

«Видно я позорчѣе васъ. Этотъ ливрейный кучеръ для одного парада — бѣдненькой! онъ только что держитъ возжи, а въ самомъ-то дѣлѣ правитъ лошадьми не онъ, а пріятельница, которая сидитъ съ нимъ рядомъ на козлахъ.»

— Пріятельница, что за пріятельница? —

«Смерть!» шепнулъ отрывисто незнакомый, и прежде чѣмъ я опомнился отъ удивленія, коляска помчалась какъ вихрь, зацѣпила за каменный столбъ, опрокинулась и понеслась далѣе. Почти у самыхъ воротъ дель-Поноло остановили лошадей; мы подошли; вокругъ изломанной коляски стояла толпа народа. Мы съ трудомъ продрались впередъ: на мостовой лежали кавалеръ Габріелли и кучеръ его — оба мертвые.

«Ну» сказалъ незнакомый посмотрѣвъ на меня пристально «вы вѣрно ужь не думаете, что я сумасшедшій?»

Я такъ былъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова.

«Послушайте!» продолжалъ незнакомый «кажется мы не даромъ такъ часто встрѣчаемся другъ съ другомъ, а сверхъ того» прибавилъ онъ съ улыбкою — «вы сегодня спасли меня отъ смерти или хотѣли спасти, а это одно и тоже; мы должны познакомиться короче: какъ васъ зовутъ?

— Фонъ-Борхъ. —

«Фонъ-Борхъ? это не Русская фамилія.»

—Мой дѣдушка былъ Нѣмецъ. —

«Тѣмъ лучше! я очень люблю Нѣмцевъ; ихъ называютъ мечтателями, идеалистами—да, это правда, они не Французы и не Русскіе, которые стараются подражать Французамъ. Они не смѣются надъ тѣмъ чего не понимаютъ, и не смотря на свою ученость, не называютъ обманомъ и заблужденіемъ все то, чего нельзя объяснить разсудкомъ и доказать какъ дважды два четыре. Вы каждый день въ первомъ часу можете застать меня дома; я нанимаю квартиру въ улицѣ дель-Пелигрино, почти напротивъ палатъ кардинала Вице-Канцлера. Входъ съ улицы; спросите графа Александра Каліостро ».

—То есть—перервалъ Князь Двинскій, который давно уже вертѣлся отъ нетерпѣнія — не графъ, не Александръ и не Каліостро, а просто: сынъ бѣднаго ремесленника Іосифъ Бальзамо.

«Это еще не доказано» сказалъ магистръ, «да прошу ваше сіятельство не прерывать меня, а не то я замолчу.»

— Вотъ и разсердился! а за что? Ну подумай самъ: когда колдуны бываютъ графами? Сенъ-Жермень былъ такой же точно графъ, какъ и этотъ Бальзамо, Нострадамусъ и Фаустъ были ученые, Твердовскій также, Фламель, Богъ знаетъ кто, Сведенборгъ также, Брюсъ.... Ахъ, да бишь: виноватъ!— онъ былъ графъ, совсѣмъ забылъ! —

«Да перестань князь!» закричалъ я «что ты мѣшаешь ему разсказывать. Ну, что Борхъ? ты очень удивился, когда онъ сказалъ тебѣ свое имя?»

— И удивился и обрадовался. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ этимъ знаменитымъ человѣкомъ и я на другой же день явился къ нему въ двѣнадцатомъ часу утра. Онъ только-что всталъ съ постели и едва успѣлъ накинуть на себя халатъ изъ богатой Турецкой матерiи. Комната, въ которой онъ меня принялъ была убрана очень просто, на полкахъ стояли книги, а на большомъ столѣ лежали бумаги и толстыя свитки пергамента. На окнѣ стояла открытая аптечка съ стеклянными пузырьками и баночками; въ одномъ углу на бронзовомъ треножникѣ лежала мертвая голова, а у самыхъ дверей сидѣла черная огромная кошка. Когда я вошелъ, она ощетинилась и глаза ея засверкали. — «Бiондетта!» закричалъ Калiостро «пошла вонъ!»

Кошка, какъ умная лягавая собака, тотчасъ отправилась въ другую комнату, но проходя мимо, очень на меня косилась.

Графъ сѣлъ подлѣ меня на канапе и началъ разговаривать со мною о Россiи. Все, что онъ говорилъ, было такъ умно, всѣ замѣчанiя его были такъ справедливы, что я слушалъ его съ истиннымъ наслажденiемъ. Отъ времени до времени вырывались однакожь у него какiя-то странныя фразы: напримѣръ онъ спросилъ меня часто-ли бываютъ наводъ-

пенія въ Петербургѣ, и когда я отвѣчалъ ему, что это бываетъ очень рѣдко, то онъ значительно улыбнулся и сказалъ: «я былъ увѣренъ въ томъ; я знаю, *онъ* теперь ужь не такъ злится на Русскихъ; они ему угодили, украсили любимую дочь его, великолѣпную Неву, одѣли ее гранитомъ».— И когда я спросилъ, о комъ онъ говоритъ — Каліостро тотчасъ перемѣнилъ рѣчь, и началъ разговаривать о другомъ. Во время нашего разговора я замѣтилъ на столѣ между различныхъ бумагъ манускриптъ на папирусѣ; вы знаете мою страсть ко всѣмъ древнимъ рукописямъ; я не могъ скрыть моего любопытства. «Этотъ манускриптъ привезенъ мною изъ Египта,» сказалъ Каліостро «и вы можете его видѣть только въ такомъ случаѣ, если вы..... дайте мнѣ вашу руку.»

Я повиновался. Графъ пожалъ ее какимъ-то особеннымъ образомъ, и какъ будто-бы ждалъ отвѣта: я молчалъ. «О!» сказалъ онъ «да вы еще не родились, такъ о годахъ васъ спрашивать нѣчего. А для того, чтобъ разобрать что нибудь въ этомъ манускриптѣ, надобно имѣть по крайней мѣрѣ семь лѣтъ; оставьте его!»

Въ эту минуту вошелъ въ комнату старикъ лѣтъ шестидесяти; голова его была повязана пестрымъ платкомъ, а блѣдное лицо выражало нестерпимое страданіе.

«Что тебѣ надобно?» сказалъ Каліостро.

— Извините синьоръ! — сказалъ старикъ — я живу подлѣ васъ; мнѣ сказали, что вы докторъ. —

«А ты боленъ?»

— Вотъ третьи сутки глазъ не смыкаю; такая головная боль, что не приведи Господи! ни дня ни ночи покою! Если это продолжится, то я брошусь въ Тибръ или размозжу себѣ голову. —

— «Поверетто!».... шепнулъ Каліостро «постой на минутку!» Онъ вынулъ изъ аптечки небольшой пузырёкъ и подавая его старику, сказалъ: «на, любезный! понюхай изъ этой стклянночки въ три пріема, при каждомъ разѣ говори про себя.....» тутъ проговорилъ онъ какое-то слово, котораго я не могъ разслышать. Едва старикъ исполнилъ его приказаніе, какъ схватилъ себя обѣими руками за голову и закричалъ:—Боже мой!... что это?... не сонъ ли? моя голова такъ свѣжа, такъ здорова!.. ахъ синьоръ, позвольте мнѣ взять съ собою это лекарство!—

«Не нужно, мой другъ!» сказалъ Каліостро «теперь ужь у тебя голова болѣть не станетъ; ступай съ Богомъ.»

Старикъ началъ-было говорить о своей благодарности, но графъ разсердился и почти вытолкалъ его за двери. «Благодарность!» повторилъ онъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ «я знаю эту людскую благодарность!... нѣтъ, старикъ, меня не обманешь! если когда нибудь невѣжды приговорятъ сжечь на кострѣ бѣднаго Каліостро, какъ злодѣя

и чернокнижника, то можетъ быть первую вязанку дровъ принесешь ты, чтобъ угодить палачамъ твоего благодѣтеля».

Двери опять отворились; молодая женщина въ рубищѣ, съ двумя оборванными ребятишками, вошла въ комнату и бросилась въ ноги къ Каліостро.

«Что ты милая? что ты?» спросилъ графъ.

— Вы нашъ спаситель — проговорила женщина всхлипывая — вы дали мнѣ лѣкарство, отъ котораго мой мужъ въ одни сутки почти совсѣмъ выздоровѣлъ; онъ еще слабъ и не могъ самъ придти изъявить вамъ свою благодарность. . . .—

«Опять благодарность!» прервалъ Каліостро нахмуривъ брови «хорошо, хорошо, голубушка, я знаю чего ты хочешь; на! возьми, и ступай вонъ!» Онъ сунулъ ей въ руку кошелекъ, набитый деньгами, и прежде чѣмъ она успѣла опомниться, выпроводилъ ее вонъ и захлопнулъ за нею двери.

Ну князь! теперь я спрошу тебя: неужели эти дѣла и поступки, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, доказываютъ, что Каліостро былъ шарлатанъ и безстыдный обманщикъ?»

— А по твоему они доказываютъ противное? — сказалъ съ усмѣшкою князь.

«Какъ, Двинскій!.... а старикъ, котораго онъ при мнѣ вылѣчилъ?...»

—Мастерски притворялся больнымъ — перервалъ князь.

«А это бѣдное семейство?...

— Славно сыграло свою роль!—

«А кавалеръ Габріелли?...»

— Котораго убили лошади?—

«Ну да! ты вѣрно скажешь, что и онъ былъ въ заговорѣ, потому что Каліостро предузналъ его смерть?»

— Случай, мой другъ, и больше ничего. Развѣ нельзя было лошадямъ понести, изломать коляску, убить кучера и сѣдока? Все это могло случиться самымъ естественнымъ образомъ, и надобно признаться, случилось очень кстати, чтобъ оправдать дичь, которую порол тебѣ этотъ архи-шарлатанъ Каліостро. Да чтожъ ты? любезный другъ, вѣдь ты обѣщался доказать не словами, а самымъ дѣломъ, что я напрасно не вѣрю твоимъ мистическимъ бреднямъ, а вмѣсто этаго, вотъ ужь цѣлый часъ ты разсказываешь намъ сказки. —

«Хочешь, Князь, слушать, такъ слушай! а не хочешь.....»

— Хочу, хочу!..—

«Эхъ, братецъ» сказалъ я «не мѣшай ему. Ну, Борхъ разсказывай!»

«Недѣли двѣ сряду» продолжалъ Магистръ, «я почти не разлучался съ графомъ Каліостро; бесѣды наши становились съ каждымъ днемъ интереснѣе; казалось, онъ полюбилъ меня, но не смотря на это, всякой разъ заминалъ рѣчь, когда я просилъ

его сдѣлать меня, если не участникомъ, то по-крайней мѣрѣ свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ необычайныхъ явленій, о которыхъ онъ такъ много мнѣ разсказывалъ. — « Ужь не воображаете-ли вы, что это сущая бездѣлка » говорилъ всегда Каліостро, «что этимъ можно забавляться, какъ какимъ нибудь физическимъ опытомъ? Не думаете ли вы, что сблизить васъ съ существами неземнаго міра, такъ же для меня легко, какъ свести съ какимъ нибудь изъ моихъ знакомыхъ? Вы очень ошибаетесь. Для моихъ глазъ, эти существа видимы и въ собственномъ ихъ образѣ; но чтобъ сдѣлать ихъ доступными до вашихъ земныхъ чувствъ, я долженъ ихъ облекать въ формы вещественныя, а этаго они очень не любятъ. »

Однажды онъ спросилъ меня, знакомъ ли со мною графъ Ланцелотти, и когда я отвѣчалъ, что у меня есть къ нему рекомендательное письмо, Каліостро сказалъ: « ступайте къ нему сегодня, познакомьтесь съ нимъ, а послѣ завтра часу въ осьмомъ вечера отправьтесь въ Тиволи; тамъ, не далеко отъ малыхъ каскадовъ, вы встрѣтите человѣка въ бѣлой шляпѣ и черномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ; скажите ему ваше имя и ступайте за нимъ. Быть можетъ вы знаете виллу, которую нанимаетъ графъ Ланцелотти, но вамъ все-таки нуженъ проводникъ; если вы пріѣдете одни, васъ не примутъ, да и ворота будутъ заперты; вамъ надобно будетъ пройти садомъ. »

— Ого! — сказалъ я шутя — да это походитъ на акое-то любовное приключенiе; такая таинственость..... —

«Необходима» перервалъ Калiостро «то что вы увидите у графа Ланцелотти, не должно имѣть много свидѣтелей.»

— А что-жь такое я увижу? —

«То что вы хотѣли давно уже видѣть; вотъ въ емъ дѣло: у графа Ланцелотти умеръ на этихъ диняхъ скороностижно богатый родственникъ; онъ здѣлалъ еще при жизни духовное завѣщанiе, которымъ отказываетъ по смерти все свое имѣнiе графу. Что духовная существуетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнiя, но ее не могли никакъ отыскать въ бумагахъ покойника, и все это огромное имѣнiе можетъ достаться, вмѣсто графа Ланцелотти, одному ближайшему родственнику, который теперь въ Неаполѣ. Я обязанъ семейству графа единственнымъ благомъ, испытаннымъ мною въ теченiи всей бѣдственной и бурной моей жизни: мой другъ, моя милая жена, Лоренца, была воспитана въ ихъ домѣ, и вотъ почему, не смотря на опасность, которая мнѣ угрожаетъ, я рѣшился..... да!» продолжалъ Калiостро, поглядѣвъ съ робостiю вокругъ себя «я рѣшился вызвать покойника съ того свѣта и заставить его сказать, гдѣ спрятана духовная, безъ которой его послѣдняя воля не можетъ быть исполнена.»

*

— Какъ! — вскричалъ я, обезумѣвъ отъ радости — вы хотите сдѣлать меня свидѣтелемъ.....—

«Да! и если предчувствіе меня не обманываетъ,» продолжалъ Каліостро, взглянувъ печально на замокъ Святаго Ангела, который видѣнъ былъ изъ окна вдали за Тибромъ, — «если меня погребутъ заживо въ этой обширной могилѣ, если ничто не спаситъ меня отъ злобы и ненависти людей, то я сдѣлаю васъ моимъ наслѣдникомъ. — Да! я не хочу, чтобы вмѣстѣ со мною погибло то, что стоило мнѣ такъ дорого, моя Лоренца не переживетъ меня.... и ее также ждутъ высокія стѣны, тѣсная келья и медленная смерть!.... О! зачѣмъ я не устоялъ противъ искушенія!... Зачѣмъ хотѣлъ утолить эту неутолимую жажду познаній.... О! еслибы я могъ возвратиться, забыть все!....» — Каліостро закрылъ руками лице и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ: «Нѣтъ!..... нѣтъ! кто разъ поднесъ эту чашу къ устамъ своимъ, тотъ будетъ пить ее до конца, и какая бы горечь ни была на днѣ, онъ не долженъ и не можетъ остановиться! .... Теперь ступайте» прибавилъ онъ пожавъ мнѣ руку «не забудьте: послѣ завтра, въ восемь часовъ, въ Тиволи.... мы до тѣхъ поръ не увидимся — я хочу эти два дня провести съ моей Лоренцою — прощайте!»

На другой день я познакомился съ графомъ Ланцелотти, а на третій, часу въ осьмомъ послѣ обѣда, былъ уже въ Тиволи. — На дворѣ было душно. Хо-

тя солнце начинало уже садиться, но жаръ все еще былъ нестерпимъ и я не встрѣтилъ почти никого изъ гуляющихъ, даже подлѣ самыхъ каскадовъ, гдѣ было нѣсколько посвѣжѣе. Прошло болѣе часу. Я умиралъ отъ нетерпѣнія; вмѣсто того, чтобы любоваться великолѣпною картиною Тиволійскихъ водопадовъ, я смотрѣлъ по сторонамъ, не могъ стоять спокойно на одномъ мѣстѣ и ходилъ всадъ и впередъ какъ часовой, который ждетъ не дождется, чтобъ его смѣнили. Наконецъ вдали, между миртовыхъ деревьевъ, мелькнула бѣлая шляпа и черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ въ черномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ сошелъ подъ гору. Я поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, сказалъ мое имя и черный плащъ, поклонясь мнѣ очень вѣжливо, попросилъ за собою слѣдовать. Съ полчаса мы шли молча по тропинкѣ, которая извивалась по скату горы. Вилла Адріана осталась у насъ на лѣвой рукѣ. Пройдя поперегъ густую оливковую рощу, мы повернули по широкому проспекту, обсаженному тополями и подошли къ запертымъ воротамъ довольно большаго дома, у котораго на лицевой сторонѣ всѣ окна были закрыты ставнями. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ вдоль каменной стѣны, мы вошли въ узкою калиткою въ обширный садъ, и я увидѣлъ въ концѣ длинной аллеи красивый портикъ, у котораго всѣ колонны были обвиты виноградными лозами. — Передъ ними на широкой, уставленной цвѣтами терассѣ, встрѣтилъ меня графъ Ланцелотти; онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ ласковымъ голосомъ: «я давно васъ ожидаю, господинъ Борхъ; ка-

ліостро хотѣлъ, чтобъ вы были свидѣтелемъ того, что будетъ происходить у меня сегодня. Вы другъ его, слѣдовательно я могу положиться на вашу скромность. Прошу покорно войти, я представлю васъ всему обществу.»

Мы вошли въ круглую залу, которая освѣщалась сверху стекляннымъ куполомъ. Жена хозяина и еще какая-то пожилая дама сидѣли на канапе, подлѣ нихъ стоялъ высокій мужчина, меньшой братъ графа Ланцелотти, а поодаль, въ темномъ углу, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти въ черномъ платьѣ. Признаюсь я очень удивился, когда, разсмотрѣвъ хорошенько этаго господина, замѣтилъ на головѣ его скуфью Римскаго аббата. «Чтожъ это значитъ?» подумалъ я, «неужели въ присутствіи духовной особы, Каліостро рѣшится вызывать съ того свѣта покойника? Это что-то больно неловко!» Вѣроятно хозяинъ замѣтилъ мое удивленіе; онъ подвелъ меня къ аббату и сказалъ: «вотъ искренній другъ нашего семейства — Синьоръ Казотти; не безпокойтесь! онъ только по своему платью принадлежитъ къ здѣшнему духовенству и не раздѣляетъ его ненависти къ графу Каліостро, котораго любитъ и уважаетъ отъ всей души.» Поговоривъ еще нѣсколько минутъ со мною, хозяинъ скрылся. Въ залѣ царствовала такая глубокая тишина, какъ будто-бы въ ней никого не было; я замѣтилъ что всѣ посматривали на меня весьма недовѣрчиво; изрѣдка хозяйка шептала что-то на ухо своей сосѣдкѣ и покачивала го-

ловою. Аббатъ также молчалъ, какъ убитый. Я нѣсколько разъ начиналъ съ нимъ говорить, но онъ всякой разъ отвѣчалъ мнѣ однимъ наклоненіемъ головы и улыбкою, которая походила на самую отвратительную гримасу.

Болѣе двухъ часовъ продолжалась эта молчаливая бесѣда; хозяинъ не возвращался, братъ его ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, графиня продолжала перешептываться съ своею сосѣдкою, а господинъ аббатъ отправился гулять по саду. Сначала этотъ таинственный шопотъ и тишина возбуждали во мнѣ не вовсе непріятное ощущеніе; это торжественное и продолжительное молчаніе казалось мнѣ необходимымъ приготовленіемъ къ тѣмъ чудесамъ, которыя я долженъ былъ видѣть; оно располагало мою душу къ принятію необычайныхъ впечатлѣній, и даже наводило на меня какой-то невольный трепетъ; сердце мое рвалось вонъ изъ груди отъ нетерпѣнія; при каждомъ шорохѣ я вздрагивалъ и робко озирался кругомъ; но когда прошло часа полтора безъ всякой перемѣны, то это единообразное молчаніе, прерываемое едва слышнымъ шопотомъ, начало казаться мнѣ вовсе незабавнымъ; хозяинъ не возвращался, и я рѣшился наконецъ послѣдовать примѣру синьора Казотти, то есть отправился гулять по саду. На темносинихъ небесахъ вовсе непохожихъ на наше сѣверное, блѣдное небо, сіяла полная луна, и въ саду было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ въ залѣ. Я пошелъ по первой, попавшейся мнѣ дорожкѣ, она привела меня къ небольшой по

меранцевой рощѣ, посаженной вдоль садовой стѣны. Прохладный вѣтерокъ доносилъ до меня шумъ Тивольскихъ водопадовъ. Я остановился, чтобы прислушаться къ этимъ отдаленнымъ звукамъ, въ которыхъ было что-то гармоническое и музыкальное. Не прошло двухъ минутъ какъ у садовой стѣны за померанцевыми деревьями кто-то сказалъ въ полголоса: «спрячьтесь здѣсь въ кустахъ, чтобъ васъ не замѣтили; когда будетъ надобно, я самъ приду за вами.» Вслѣдъ за этимъ раздался шорохъ и все умолкло. «Чтобъ это значило?» подумалъ я «неужели здѣсь какъ въ Террачинѣ разбойники грабятъ у самыхъ городскихъ воротъ? Быть не можетъ! я давнобъ объ этомъ слышалъ; но кто-жъ эти люди, которые должны прятаться въ кустахъ, чтобъ ихъ не замѣтили?» Терзаясь въ догадкахъ, я рѣшился наконецъ возвратиться въ залу и объявить графу Ланцелотти или женѣ его, что подлѣ ихъ дома есть какая-то засада. На террасѣ встрѣтилъ меня Аббатъ Казотти. «Ступайте скорѣе» сказалъ онъ, «васъ только однихъ и дожидаются.» Въ круглой залѣ никого ужъ не было. Аббатъ взялъ меня за руку и, пройдя со мною нѣсколько темныхъ комнатъ, повелъ длиннымъ коридоромъ; онъ остановился въ концѣ его, постучалъ въ запертую дверь, она растворилась и мы вошли въ обширную комнату, которая слабо освѣщалась повѣшенною сверху лампадою о трехъ рожкахъ. Графъ Ланцелотти и все остальное общество сидѣло на поставленныхъ рядомъ креслахъ; я помѣстился въ самыхъ крайнихъ, а Казотти сталъ позади меня; занавѣсъ, повѣшенный

во всю ширину комнаты, раздѣлялъ ее на двѣ части; я поглядѣлъ вокругъ себя: ни на одномъ изъ присутствующихъ лица не было; мужчины старались покрайней мѣрѣ казаться спокойными, но женщины не скрывали своего страха и дрожали какъ въ сильной лихорадкѣ. Признаюсь и мое сердце замирало отъ ужаса, но вскорѣ любопытство и нетерпѣніе совершенно подавили во мнѣ всякое чувство боязни. Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ ароматическое куреніе наполнило всю комнату, тихо отдернулся занавѣсъ, и мы увидѣли графа Калiостро передъ небольшимъ жертвенникомъ, на которомъ стояла жаровня и лежала толстая книга въ черномъ бархатномъ переплетѣ. Вся эта часть комнаты освѣщалась огромнымъ серебрянымъ подсвѣчникомъ о семи свѣчахъ. Калiостро былъ въ черномъ платьѣ, безъ галстуха и съ распущенными по плечамъ волосами; лице его было блѣдно, черные глаза блистали вдохновеніемъ, а изъ полуоткрытыхъ устъ вылетали какія-то невнятныя слова. Онъ держалъ въ рукахъ золотую коробочку, изъ которой продолжалъ сыпать порошокъ въ жаровню; изъ нее подымались облака зеленоватаго дыма, и сильный ароматическій запахъ распространялся болѣе и болѣе по всей комнатѣ. Позади меня раздался громкій вздохъ; всѣ взрогнули; «я задыхаюсь!» проговорилъ болѣзненнымъ голосомъ синiоръ Казотти, «мнѣ дурно!»—Ступайте вонъ!—шепнулъ графъ Ланцелотти и аббатъ, шатаясь какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты. Никогда не забуду взгляда, который бросилъ вслѣдъ за нимъ Калi-

остро. Казалось онъ хотѣлъ имъ превратить въ пепелъ бѣднаго Казотти. Когда все пришло опять въ прежній порядокъ, Каліостро взялъ съ жертвенника книгу, отошелъ къ сторонѣ и началъ читать въ полголоса. Какъ я ни напрягалъ мой слухъ, но не могъ ничего разобрать. За то ни одно движеніе Каліостро не укрылось отъ моихъ глазъ. Онъ часъ отъ часу становился тревожнѣе, грудь его волновалась, посинѣвшія губы дрожали, волосы примѣтнымъ образомъ становились дыбомъ, крупныя капли пота текли по лицу, и онъ, какъ будто-бы изнемогая отъ сильнаго напряженія, отъ времени до времени переставалъ читать и казалось съ трудомъ переводилъ дыханіе. Вдругъ вся наружность его измѣнилась, глаза запылали, яркій румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ: замѣтно было, что послѣ тяжкой борьбы наступала минута одоленія и торжества; Каліостро закрылъ книгу и мочнымъ голосомъ, который и теперь еще раздается въ ушахъ моихъ, повторилъ трижды какое-то таинственное слово; при третьемъ разѣ, что-то похожее на электрическое потрясеніе, пробѣжало по всѣмъ моимъ нервамъ; стоящій передъ жертвенникомъ семисвѣтильникъ погасъ, и на насъ повѣяло могильнымъ холодомъ. Незнаю, что происходило съ другими, я могу говорить вамъ только о моихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Мнѣ было страшно; но этотъ страхъ вовсе не походилъ на тотъ, который при видѣ опасности, стѣсняетъ наше сердце; онъ скорѣй напоминалъ это страданіе, эту неизъяснимую тоску, которая въ смертный часъ, какъ жадный коршунъ, падаетъ на груди

умирающаго грѣшника. Я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, никто ко мнѣ не прикасался; но не смотря на это *отгадывалъ* чье-то невидимое присутствiе. За минуту насъ было только шестеро, а теперь я чустовалъ—да, господа! смѣйтесь надо мною, а я точно не видѣлъ, не слышалъ, а *чувствовалъ*, что кто-то седьмой былъ вмѣстѣ съ нами. Между тѣмъ Калiостро бросилъ еще въ жаровню нѣсколько щепотей порошку; дымъ заклубился, поднялся аршина на три къ верху, и вмѣсто того, чтобы разойтись по всей комнатѣ, остановился неподвижно надъ жертвенникомъ; мало по малу оконечности его стали принимать опредѣленную форму; верхняя часть этаго дымнаго облака округлилась, что-то похожее на сложенныя крестомъ руки обрисовалось на его срединѣ, которая начала бѣлѣть, и чрезъ нѣсколько минутъ, предстaвилось намъ, хотя еще гусклое, но уже совершенно правильное изображенiе человѣка въ бѣломъ саванѣ. Съ каждымъ мгновенiемъ это явленiе дѣлалось яснѣе и вещественнѣе, формы округлились, черты лица стали отдѣляться одна отъ другой и вдругъ полупрозрачный образъ блѣднаго, изнеможеннаго болѣзнiю старика, съ лицемъ грустнымъ, но спокойнымъ, тихо опустился на полъ и сталъ передъ жертвенникомъ.

«Праведный Боже!» вскричалъ графъ Ланцелотти «это онъ!»

Двери съ шумомъ распахнулись и нѣсколько слугъ вбѣжали торопливо въ комнату. Привидѣнiе исчезло.

«Ечеленце!» проговорилъ одинъ изъ людей, «домъ окруженъ солдатами!»

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

«Намъ измѣнили!» вскричалъ хозяинъ.

— Кажется ищутъ графа Каліостро — продолжалъ слуга — самъ синьоръ Баржело (*) ведетъ сюда своихъ збировъ. —

«Спасайтесь Каліостро!» сказала торопливо графиня «вы можете задними дверьми выдти въ садъ.»

— Тамъ стоятъ двое часовыхъ, — шепнулъ слуга.

Каліостро не трогался съ мѣста.

«Спасайтесь! Бога ради спасайтесь!» закричалъ графъ Ланцелотти «вы и насъ погубите вмѣстѣ съ собою!»

— Нѣтъ! — сказалъ Каліостро — всѣ ваши усилія спасти меня будутъ напрасны; мой часъ наступилъ! —

Въ коридорѣ раздались шаги приближающихъ людей. Каліостро подошелъ ко мнѣ. «Я обѣщалъ сдѣлать васъ моимъ наслѣдникомъ и долженъ сдержать мое слово» сказалъ онъ въ полголоса, подавая мнѣ запечатанный пакетъ. «Тутъ не болѣе десяти словъ; но этого довольно, чтобъ сблизить васъ съ тѣмъ, отъ кого вы узнаете всё.»

(*) *Баржело*, названіе главнаго начальника Полицейской команды въ Римѣ.

Я взялъ пакетъ и спряталъ его поспѣшно въ карманъ.

« Еще одно слово» продолжалъ Калiостро « я былъ обязанъ клятвою передать кому нибудь мою тайну; но ничто не обязываетъ васъ воспользоваться этимъ пагубнымъ наслѣдствомъ... незабывайте этаго!»

Тутъ полицейскiй начальникъ съ толпою збировъ вошелъ въ комнату.

« Кто здѣсь Калiостро? » спросилъ онъ повелительнымъ голосомъ.

— Я! — отвѣчалъ графъ Калiостро.

«Именемъ правительства» продолжалъ полицейскiй начальникъ «я беру васъ подъ стражу.»

— Позвольте спросить...— сказалъ графъ Лапцелотти.

«И вы также графъ» прервалъ полицейскiй «должны явиться со мною въ Дель-говерно (*) Ваша связь съ этимъ негодяемъ, все что я вижу въ этой комнатѣ... но вы могли быть обмануты и я надѣюсь!... Гости ваши свободны; я запишу только ихъ имена. Этого самозванца» продолжалъ чиновникъ, указывая на Калiостро «въ замокъ Святаго Ангела, а вы графъ извольте ѣхать со мною.»

(*) „Дель-говерно,—Римскiй уголовный судъ.

На другой день меня попросили выѣхать изъ Рима. Спустя шесть лѣтъ послѣ этого приключенія, я узналъ, что Каліостро умеръ въ замкѣ Святаго Ангела, а жена его пропала безъ вѣсти. Говорятъ, что она такъ же кончила жизнь въ заключеніи. Бѣдная Лоренца, какъ она была прекрасна!

М. Загоскинъ.

МЕСТЬ.

Fremale voice sings.

«By thy cold breast and serpent smile,
«By thy unfathom'd gulfs of guile,
«By that most seeming virtuous eye,
«By thy shut soul's hypocrisy; —
«I call upon thee!.., and compel
«Thyself to be thy proper Hell!...

(Manfred.)

Есть злая страсть, есть чувство проклятое,
Всё земнородное имъ страждетъ и болитъ:
Имъ сердце у людей трепещетъ ретивое,
Имъ безсловесныхъ кровь губители но кипитъ.
Недугъ, — ему во исцѣленье
Чужая скорбь и токи слёзъ чужихъ. —
Сладъ ненасытимый, — въ терзаньи жертвъ своихъ,
Въ предсмертной мукѣ ихъ онъ ищетъ утоленья.
Отъ падшихъ ангеловъ та страсть наслѣдство есть,....
Та страсть,....ей имя *Месть!!*....

* * *

Месть чуетъ змій, какъ непарокомъ
Наступитъ путникъ на него;

И весь ядъ жала своего
Вонзитъ безпечному урокомъ
Въ пыли ползущій врагъ его.

Въ груди мохнатой львицы смѣлой
Бушуетъ месть, и передъ ней
Дрожитъ пришлецъ оторопѣлый,
Тропой забредшій опустѣлою
Къ убѣжищу ея дѣтей.

У львицы когти, — когти злые, —
У львицы зубъ какъ мечъ стальной, ...
И вотъ, остыли подъ травой
Густой крови слѣды живые, . . . —
Пришлецъ погибъ въ глуши лѣсной.

Когда полуденною Местью
Дитя Италіи горитъ,
Онъ весь вражда, . . . онъ дорожитъ
Своей враждой, . . . душой и честью
Онъ съ нею связанъ, съ нею слитъ.

Кинжалъ въ рукѣ его сверкаетъ, . . .
Кинжаломъ бредитъ онъ во снѣ, . . .
Онъ въ вражью грудь ударъ во тьмѣ
Одинъ, но мѣткій, направляетъ . . .
И жертва спитъ въ сырой землѣ.

Сыну набѣговъ и хищеній,
Черкесу мести духъ врожденъ;
Ему Коранскихъ повелѣній,
Ему Эдемскихъ упоеній
Плѣнительней, святѣе онъ

Коня, красавицу, и злато
На шашку промѣнятъ онъ;
Неспадный гнѣвъ ему вожатый,—
Ему сопутникъ звукъ булата,—
Онъ дѣлу крови обрѣченъ!

Въ ущельяхъ горъ, въ степи безбрежной
Скитаясь тѣнью, день и ночь,
Изсохнетъ въ злобѣ онъ мятежной
Пока врагу булатъ надежный
Главы съ плечей не сброситъ прочь.

* *
*

Всё мстить!!... Но женщинѣ безгласной, безоружной,
Чѣмъ ей воздать обидамъ клеветы? . . .
Что̀ дѣлать женщинѣ, когда,—кумиръ ненужный,
Развѣнчанный кумиръ забывчивой мечты,—
Она съ подножія минутныхъ поклоненій
Измѣной свержена, ... когда, безъ сожалѣній,
Слѣпой досадою тщеславной суеты
Она вдругъ брошена на судъ хмѣльныхъ сужденій,
На смѣхъ язвительный ничтожной остроты? . . .

Что можетъ женщина, когда изъ устъ порока
Хула нечистая ей издали шипитъ?....
Неправду дерзкую она-ль изобличитъ?
Она-ль унизится до пошлаго упрека?....
Нѣтъ!... совѣсть за нее!... спокойна и горда,
Вѣрна самой себѣ она всюдѣ, всегда.
Пусть на злорѣчіе въ ней сердце негодуетъ:—
Духъ кротости ей сердце уврачуетъ,
Духъ мудрости ей душу освѣжитъ!...
Она презрѣньемъ наказуетъ,
Она забвеніемъ караетъ и казнитъ!...

Г. Е. Р.

Село Анна 1836.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ ТЕОРІИ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ (*).

Quique pii vates, et Phœbo digna locuti,
Inventas aut qui vitam excoluere per artis,
Quique sui memores alios fecere merendo:
Omnibus his nivea cinguntur tempora vitta.

6-я книга *Энеиды*, ст. 662—665.

1. О жидкостяхъ (Fluides).

Наблюдатели природы, съ давнихъ временъ, старались воспользоваться силами, которыя она сама образуетъ, для произведенія движеній механическихъ. Первый, кажется, Архимедъ подымалъ своимъ винтомъ (vis) воду съ глубины на верхъ. Одинъ изъ древнихъ Греческихъ философовъ подарилъ человѣчеству обыкновенный насосъ, котораго однако дѣйствіе, въ теченіи 2000 лѣтъ, т. е. до самаго Галилея, оставалось безъ точнаго физическаго истолкованія.

(*) Когда незабвенный издатель «Современника» убѣждалъ меня быть его сотрудникомъ въ этомъ журналѣ, я представлялъ ему, безъ всякой лицемѣрной скромности, безъ всѣхъ увертокъ самолюбія, сколько сухія статьи мои, по моему мнѣнію, должествовали казаться неумѣстными въ періодическихъ листахъ, одной легкой литературѣ посвященныхъ. Не такъ думалъ Пушкинъ: онъ говорилъ, что иногда случалось ему читать въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, полезныя статьи о наукахъ естественныхъ, переведенныя изъ иностранныхъ журналовъ или книгъ; но что переводы въ такомъ го-

Какая непостижимая медленность! Обращая взоръ на ежедневныя явленія природы, какъ бы казалось не дойти скорѣе до открытія сходства жидкости водяной съ жидкостію атмосферическою! Плаваетъ рыба, летаютъ птицы: не должно ли бы было ежедневное наблюденіе ихъ движеній, привести къ мысли, что тѣ и другія опираются на вещества между собою подобныя? Но сего не довольно, древность оставила намъ почтенную сказку или быль, что Архимедъ, занимаясь, по приказанію царя Сиракузскаго, средствами открыть въ золотой царской коронѣ количество чистаго золота, долго трудился напрасно, но что купаясь однажды, и почувствовавъ уменьшеніе собственной тяжести, выскочилъ изъ

сударствъ, гдѣ люди образованные, которымъ «Современникъ» особенно посвященъ, сами могутъ прибѣгать къ оригиналамъ, — всегда казались ему какою-то бѣдною заплатою не замѣняющею недостатка собственнаго упражненія въ наукахъ.—Не такъ думали и его продолжатели, которые мнѣ благосклонно сообщили, что одно изъ послѣднихъ желаній покойника было исполненіе моего обѣщанія: доставить въ «Современникъ» статью *о теоріи паровыхъ машинъ*, изложенной по моей собственной методѣ. Можно еще противиться волѣ живыхъ; но загробный голосъ имѣетъ что-то повелительное, чему сѣтующее сердце не смѣетъ не повиноваться.

Кн. Козловскій

Именно въ послѣдній разговоръ мой съ Пушкинымъ 26 Января (на балѣ у гр. Разумовской) просилъ онъ меня написать къ кн. Козловскому и напомнить ему объ обѣщанной статьѣ, для «Современника». Принимая сіе порученіе, могъ ли я предвидѣть, что роковой жребій, постигнувшій его на другой день, былъ уже непреложно отмѣченъ въ урнѣ судьбы, и что нѣсколько часовъ послѣ, увижу Пушкина на одрѣ смерти и услышу послѣднее его дружеское прощаніе.

Кн. Вяземскій.

воды и закричалъ: εὕρηκα! εὕρηκα! нашелъ! нашелъ! Сей первый законъ Гидростатики, что *тѣло теряетъ въ водѣ относительно столько тяжести, сколько находится ему въ равномъ ему объемѣ* (volume) *жидкости, тѣломъ занимаемой*, законъ, на которомъ основана мѣра удѣльной тяжести, (gravité spécifique), принадлежащей разнаго рода тѣламъ въ отношеніи къ другимъ, долженствовалъ кажется, привести и къ созерцанію атмосферической жидкости. Чистое понятіе о семъ гидростатическомъ началѣ такъ важно для нашего предмета, что читатели, конечно, простятъ мнѣ, если я имъ напомню самый простой догодъ сего закона. Я кладу на одну чашку вѣсовъ кусокъ вѣсящій фунтъ золота, а на другую—фунтовую гирю и усматриваю, что обѣ чашки находятся въ равновѣсіи. Потомъ снимаю кусокъ золота и привязываю его на ниткѣ подъ пустою чашкою; равновѣсіе не измѣняется, но погрузивъ висящее золото въ сосудъ наполненный водою, я примѣчаю, что чашка съ фунтовою гирею понизилась. Изыскивая способъ возстановить равновѣсіе разными тяжестями, на пустую чашку положенными, я наконецъ нахожу, что 19-я часть фунта оное возстановляетъ, и слѣдовательно, заключаю, что фунтъ золота потерялъ въ водѣ 19-ю часть своей тяжести. А какъ золото замѣнило въ сосудѣ равный себѣ объемъ, то слѣдовательно: въ равныхъ объемахъ, золото 19 разъ тяжелѣе воды.

Сей законъ водяной жидкости, извѣстный подъ именемъ Архимедова, пролагалъ кажется нетрудный

путь къ открытію другаго, по которому вода подымается въ насосѣ изъ глубины на поверхность земли.

Насосъ или сосущая помпа (la pompe à suçion) не только былъ извѣстенъ какъ я сказалъ, но и ежедневно употребляемъ въ самой древности. Что же помѣшало его истолкованію? Какая преграда препятствовала наимудрѣйшимъ философамъ рѣшить вопросъ: отъ чего подымается вода въ насосѣ?—Одно изъ тѣхъ несчастныхъ событій, которыя часто являются въ исторіи развитія познаній человѣческихъ: боязнь опровергнуть однажды принятую систему, тѣмъ болѣе уважаемую, чѣмъ непонятнѣе было ея изложеніе. Вода, сказалъ одинъ изъ древнихъ, идетъ въ насосъ потому, что натура ведь имѣетъ отвращеніе къ пустотѣ (natura horret a vacuo). Неопредѣленность существа, называемаго натурою, несообразность предположенія страдательнаго чувства въ какомъ-то неосязаемомъ существѣ, всѣ сіе, вмѣсто того чтобы произвести улыбку сомнѣнія, возраждало только или безмолвную покорность, или еще страшнѣйшее усиліе истолковать нелѣпость.

Самъ Галилей, кажется, не дерзнулъ объявить извѣстную уже ему истину, и оставилъ ученику своему Торичелли (Toricelli) славу открытія вещественнаго давленія воздуха. Торичелли пишетъ, что когда сказали однажды его великому учителю, что насосъ не могъ поднять изъ колодца воды, находившейся въ глубинѣ 36 англійскихъ футовъ отъ поверхности земли, то великій мужъ улыбнулся и отвѣ-

чаль, что видно природа теряетъ свое отвращеніе къ пустотѣ въ глубинѣ, превышающей тремя или четырьмя футами обыкновенную мѣру колодцевъ, изъ коихъ насосъ можетъ подымать воду.

Наемщика сія, наиплодовитѣйшая изо всѣхъ наемщикъ, привела Торичелли къ изобрѣтенію барометра т. е. показателя высоты столба ртути, равновѣснаго съ воздухомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ открытію, что атмосферическій столбъ давитъ съ такою же силою, съ какою бы давилъ тоже мѣсто тѣла столбъ воды вышиною въ 34 Англійскихъ футовъ. Когда насосъ, пониженіемъ своего поршня (piston), производитъ въ трубѣ пустоту, изгоняя часть атмосферическаго воздуха, тогда вода, подавляемая въ колодцѣ внѣшнею атмосферою, подымается въ трубѣ, частію опустѣлой, и гдѣ разжиженный воздухъ не представляетъ внѣшнему давленію равнаго сопротивленія; очевидно: что при всякомъ пониженіи поршня, будетъ еще изгоняться воздухъ, разжижаться остающійся и вода болѣе и болѣе подыматься, но не выше 34-хъ Англійскихъ футовъ: ибо тогда сама вода, равняющаяся вѣсомъ съ атмосферическимъ воздухомъ, не позволитъ водѣ, въ колодцѣ сдавляемой, подыматься выше. Законъ атмосферической тяжести, основанный на барометрѣ, найденномъ Торичелли, совершенно поясниъ, я надѣюсь, моимъ читателямъ, происходящее въ насосѣ, когда мы съ тѣмъ вмѣстѣ изложимъ законъ густоты и упругости атмосферическаго воздуха, извѣстный въ физикѣ подъ названіемъ своего перваго наблюдателя, Маріота.

Упругость или сила жидкостей духообразныхъ (aériforme) *находится въ обратномъ содержаніи пространства или наполняемаго*, то есть, что жидкости духообразныя, какъ то: воздухъ, водяной паръ и другіе газы, подлежащіе стѣсненію, могутъ быть заключены въ томъ же количествѣ въ меньшее пространство; при чемъ сгущаются, а съ увеличеніемъ густоты, получаютъ болѣе упругости и силы.

И такъ всё созданное, въ вещественномъ мірѣ, раздѣляется на тѣла *твердыя*, коихъ частицы не могутъ быть разлучены посредствомъ одного слабаго давленія и на тѣла *жидкія*, подраздѣляющіяся на два рода: 1) на *текущія несжимаемыя*, и 2) на *духообразныя сжимаемыя*. Къ первымъ принадлежатъ вода, масло, алкоголь, спиртъ; ко вторымъ: атмосферическій воздухъ, водяной паръ и разные газы.

Если жидкость сего послѣдняго разряда принуждена вмѣститься въ половину того пространства, которое она занимала, то сила ея упругости или давленія на стѣны сосуда, сдѣлается вдвое больше; если втѣснить ее въ третью часть первоначальнаго пространства, то упругость ея утроится такъ, что теорема Маріота обыкновенно изображается слѣдующими рядами цыфръ: 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, пространства соотвѣтствуютъ 1, 2, 3, 4, 5, силамъ.

Признавъ сію теорему за опытную истину, которую однакожъ, безъ помощи высшаго анализа, доказать невозможно, читатель легко уже усмотритъ, что если сила давленія, или упругость таковыхъ

духообразныхъ жидкостей, возрастетъ при уменьшеніи пространства ими занимаемаго, то она должна уменьшаться при разширеніи своего объема: и потому-то въ трубѣ насоса, по мѣрѣ произведенія поршнемъ пустоты, воздухъ разжимается и слѣдовательно дѣлается безсильнѣе. Давленіе его на всякую частицу воды, входящую въ трубу, состоитъ тогда уже не въ равновѣсіи съ такимъ же воздушнымъ давленіемъ внѣшней атмосферы: почему вода и подымается, но не выше тридцати четырехъ Англійскихъ Футовъ: ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ, наступаетъ механическое равновѣсіе, производимое не одною неподвижностію покоющагося тѣла, но зависящее отъ борьбы двухъ силъ равныхъ и противуположныхъ.

Присовокупивъ къ понятіямъ о трехъ физическихъ законахъ, мною изложенныхъ, а именно: Архимеда, Торичелли и Маріота, нѣкоторыя химическія свѣденія, которыя намъ представятся при разсматриваніи пароваго котла, читатель познакомится совершенно съ теоріею паровыхъ машинъ. Между тѣмъ примѣтимъ, что тѣла въ химическомъ отношеніи, то есть, въ наукѣ имѣющей особенною цѣлію *разложенія*, разсматриваются въ измѣненіи своихъ видовъ, какъ одно и тоже вещество. Для химика вода, паръ и ледъ, представляются только тремя измѣненіями, зависимыми отъ теплотвора (calorique). Химикъ видитъ во всѣхъ тѣлахъ вообще три эпохи существованія: твердость, жидкость и духообразную летучесть. Въ физическихъ же изысканіяхъ, наука ограничивается наблюденіями явленій, свойствен-

ныхъ каждому веществу въ настоящемъ его видѣ, отъ чего бы оно ни происходило, и подводить, сколько возможно, таковыя явленія подъ общіе законы.

Читатель конечно не ожидаетъ отъ меня изложенія цѣлой науки; но трудъ мой достаточно вознаградится, когда при воззрѣніи на машины, ежедневно представляющіяся его глазамъ, онъ избѣгнетъ стыда сознаться въ лѣности, воспрепятствовавшей ему пріобрѣсти хотя и неполное, но по крайней мѣрѣ достаточное понятіе о предметѣ, который такъ къ нему близокъ и который иныѣ обращаетъ на себя общее вниманіе. Ученость, какъ и все прочее, есть вещь относительная; во времена Карла Великаго назывался ученымъ тотъ, кто вмѣсто крестика, умѣлъ подписать свое имя. Еще въ началѣ XVII вѣка, между Европейскимъ дворянствомъ, считались, какъ то мы видимъ изъ записокъ Сенъ-Симона, весьма учеными тѣ, которые умѣли написать безошибочно нѣсколько строчекъ, или которые знали нѣсколько Латинскихъ словъ. Въ наши времена, даже въ самихъ гостиныхъ, требованія гораздо увеличились.

Нельзя же, среди блистательнаго Петербурскаго общества, подъ крышею, на которой возвышается щегольски устроенный громовой отводъ Франклина, приписывать громъ стуку какой-то колесницы. Не льзя же, пользуясь плодами нашего прежняго воспитанія, и повторяя слова несчастной книжки, подъ названіемъ: краткое изложеніе *всѣхъ наукъ* (abrégé de toutes les sciences), говорить не только въ присутствіи ученыхъ, но и просвѣщенныхъ нашихъ

дамъ, о какихъ-то четырехъ стихіяхъ, когда разложеніе воды на два газа можетъ быть представлено нашимъ взорамъ во всякой химической лабораторіи; когда Геологія, занимающаяся разложеніемъ земли, сдѣлалась уже доступною и для тѣхъ, которые не имѣютъ основательныхъ познаній физико-математическихъ; когда всякой можетъ, вмѣсто пуху, наполнить дорожную подушку свою воздухомъ, и когда, наконецъ, современникъ нашъ, славный Деви, ясно доказалъ несущественность огня въ отсутствіи кислотвора (oxygène). Нѣкоторыя физическія и математическія понятія сдѣлались, къ счастію, необходимы, какъ несмятая рубашка, и для самихъ свѣтскихъ людей.

2. Составъ машины.

Постараемся, безъ помощи рисунка, сами, соорудить умственно механизмъ движимый паровою силою.

По моему мнѣнію сія метода есть наилучшая, для яснаго постиженія предметовъ механическихъ. Мы видѣли крестьянина графини Лаваль, молодаго человѣка безъ всякихъ познаній, побывавшаго только нѣсколько дней въ С. Петербургѣ, и потомъ возвратившагося въ деревню графини, на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ онъ, безъ всякихъ средствъ и помощи, *сообразилъ* и соорудилъ маленькой пароходъ, легкій какъ дѣтская игрушка, и прибылъ на немъ въ С. Петербургъ, на Аптекарскій островъ.

Положимъ, что нужно намъ замѣнить естественными и искусственными силами, силы животныхъ,

людей или лошадей; напримѣръ: восемь лошадей или 48 здоровыхъ людей, употребляемыхъ для обращенія вала (arbre), который, посредствомъ разныхъ колесъ и ремней, распространяетъ движеніе по всѣмъ мѣстамъ фабрики. Первая задача будетъ: какимъ образомъ сіе горизонтальное, вращательное движеніе вала сдѣлать зависимымъ отъ другаго вертикальнаго, которое было бы производимо какою нибудь естественною силою? Тутъ внезапно воображенію нашему представится *самопрялка*, извѣстная по простотѣ своей въ странахъ, наименѣе просвѣщенныхъ. Разсматривая со вниманіемъ ее механизмъ мы замѣтимъ, что она имѣетъ два движенія: одно вертикальное, производимое шестою прядильницы вверхъ и внизъ, другое круговращательное, происходящее отъ перваго. Это покажетъ намъ возможность произвести, посредствомъ шеста, вверхъ и внизъ подымающагося, круговращательное движеніе вала или оси, для чего нужно было бы, напримѣръ, 50 сильныхъ людей. Остановись на семъ первомъ открытіи, мгновенное воззрѣніе на дѣйствіе *бабы* подастъ намъ мысль о поршнѣ (piston), который есть не что иное, какъ шестъ, имѣющій на одномъ концѣ своемъ толстый цилиндръ, на подобіе жернова, двигающагося плотно въ стѣнахъ выколбленнаго дерева. Въ связи такого шеста съ осью или валомъ, назначеннымъ для круговращенія, состоитъ вся механическая часть паровой машины.

Теперь остается рѣшеніе второй части задачи, т. е. какими естественными средствами подвинемъ

мы вверхъ и внизъ найденный уже нами поршень. Мы могли бы двигать его водою; но для этаго потребна съ высоты падающая вода; къ тому же сія несжимаемая жидкость, сильно дѣйствующая во всѣ стороны, не имѣетъ однако же свойства упругости, могущей направляться именно на желаемый пунктъ. Еще могли бы мы двигать нашъ поршень стѣсненіемъ атмосферическаго воздуха, котораго сильныя дѣйствія являются намъ въ духовыхъ ружьяхъ; но атмосферическая жидкость, по чрезвычайной своей быстротѣ, съ трудомъ подчиняется движенію постепенному и равнообразному, хотя впрочемъ мы и увидимъ послѣ, что въ первой машинѣ Англійскаго механика Невкомена (Newcomen) и понынѣ употребляемой, поршень сходитъ внизъ силою одного давленія атмосферическаго. Когда устранимъ такимъ образомъ водяную и атмосферическую жидкость, намъ останутся только газы, изъ которыхъ простѣйшій, есть водяной паръ. По теоремѣ Маріота, о которой я уже говорилъ, сила давленія сей жидкости находится въ прямомъ содержаніи ея густоты, и въ обратномъ пространства ею занимаемаго; что изображается дробью, поставивъ въ числители густоту, а въ знаменатели пространство, такимъ образомъ: $C = \frac{r}{u}$.

Соединеніе котла съ цилиндромъ, въ которомъ двигается поршень, можетъ быть произведено просто трубами.

И такъ машина наша уже почти готова; мы сгустили паръ до нѣкоторой степени въ котлѣ, со

всѣхъ сторонъ закрытомъ, кромѣ одной трубы, служащей проводникомъ, изъ которой выходящій паръ мы будемъ направлять попеременно, то на дно, то на верхъ поршня, и тѣмъ заставимъ его двигаться вверхъ и внизъ. Посредствомъ же соединенія шеста съ валомъ, мы умѣемъ уже превратить, на подобіе самопрялки, сіе вертикальное движеніе въ круговращательное, дающее, чрезъ колеса и ремни, ходъ всей системѣ. Тутъ представляется вопросъ: какимъ образомъ проводить попеременно паръ то внизъ то вверхъ поршня, и такъ еще, что бы совокупное давленіе снизу и сверху не производило механическаго равновѣсія, противящагося движенію. Но воображеніе наше легко устранить такое затрудненіе, представляя себѣ клапаны (valves) или подвижныя заслонки, какой бы фигуры ни было, и которыхъ намъ не нужно болѣе четырехъ. Устроимъ же два таковыхъ клапана на верху, и два внизу цилиндра, съ отверстіями, онымъ соотвѣтствующими. Они будутъ запираться и отворяться такимъ образомъ, что когда намъ надобно впускать паръ, для пониженія поршня, то отворялись бы два изъ нихъ вмѣстѣ: одинъ вбирающій паръ на верху, а другой испускающій внизу, для упраздненія пара, оставшагося по поднятіи поршня, и который бы препятствовалъ движенію. Для противнаго же дѣйствія долженъ отворяться снизу клапанъ вбирающій и сверху клапанъ испускающій. Для вящшей ясности называя сіи клапаны или заслонки по порядку литеръ: *a*, *b*, *c*, *d*, замѣтимъ, что — *a* и *d*, *c* и *b* должны отдвигаться и затворяться вмѣстѣ и единовременно. Сей механизмъ не представитъ никакихъ

затрудненій: ибо его можно произвести простыми желѣзными подвижными прутьями, изъ которыхъ каждый соединенъ будетъ съ двумя заслонками или клапанами a и d, c и b. Здѣсь представляется намъ опытами химическими доказанное правило, до познанія котораго впрочемъ мы и сами можемъ дойти въ Русскихъ баняхъ: что паръ, соединясь съ холодною водою, превращается въ первобытное свое состояніе, т. е. въ воду. И такъ мы могли бы обойтиться безъ пара для *понижения* поршня, употребляя подъ поршнемъ холодную воду, которая, соединившись съ паромъ, произвела-бы подъ поршнемъ пустоту: ибо самъ паръ уже передъ тѣмъ выгналъ изъ занятаго имъ пространства атмосферическій воздухъ. Въ такомъ случаѣ поршень, подавляемый внѣшнею атмосферическою тяжестію, самъ собою долженъ опуститься. На семъ соображеніи основана первая удачная паровая машина. Но разсматривая ближе неудобства таковаго средства, мы замѣтимъ: 1) что при ономъ происходитъ большая потеря пара, коего порожденіе стоитъ не маловажныхъ издержекъ на топливо, и 2) что когда мы расхолодимъ стѣны цилиндра, при новомъ впущеніи пара для поднятія поршня, нововпущенный паръ необходимо утратитъ часть своей упругости, зависящей отъ его температуры.

Изслѣдованіе: какимъ образомъ устранено сіе послѣднее неудобство славнымъ Англійскимъ механикомъ Ваттомъ можетъ служить поучительнымъ отвѣтомъ тѣмъ, которые отвергаютъ великое удѣленіе полезныхъ свѣденій людямъ низкаго состоянія.

Ваттъ, какъ мы послѣ увидимъ, былъ простымъ работникомъ у мастера математическихъ инструментовъ, въ Глазговѣ. Благоразумная и воздержная жизнь доставила ему возможность слушать химическія лекціи доктора Блака, который первый въ Европѣ изложилъ славную свою теорію *о сокровенной теплотѣ* (chaleur latente). Онъ объяснялъ ее почти такимъ образомъ: кусокъ льда, принесенный въ комнату, обыкновенно нагрѣтую, вскорѣ начинаетъ таять. Происходящая отъ того жидкость, или лучше сказать, смѣшеніе тающаго льда съ водою, содержитъ въ себѣ 32 градуса теплоты по Фаренгейту, или стоитъ на нулѣ по Реомюру. Но если-бы востребовалось возвысить эту жидкость на одинъ градусъ, то для сего надлежало-бы продолжительнымъ согрѣваніемъ удѣлить ей еще теплоту 140 градусовъ: слѣдовательно, самая холодная вода, (какова есть вода въ 33 градуса теплоты по Фаренгейту) насыщена теплотою во 140, которую въ себѣ поглощаетъ, не обнаруживая того на термометрѣ: почему и называется *сокровенною*. Вода поставленная на огонь скоро получаетъ вмѣстѣ съ паромъ температуру кипѣнія: т. е. 212 градусовъ по Фаренгейту или 80 по Реомюру; но послѣ сего сія температура уже не возвышается, и всякое прибавленіе теплоты обращается только въ сокровенную теплоту пара, который отъ того постепенно густѣетъ и слѣдовательно дѣлается болѣе упругимъ.

Сія еще тогда новая и глубокая теорія Блака поразила слушавшаго его лекціи ремесленника Ватта, и

подала ему мысль придѣлать къ паровой машинѣ особый цилиндрическій сосудъ, въ которомъ бы изпускаемый паръ превращался въ воду. Опытомъ потомъ доказано, что изобрѣтеніемъ сего цилиндрическаго сосуда, названнаго *сгустителемъ* (condensateur) или *холодильникомъ*, сбережено по крайней мѣрѣ три четверти издержекъ въ потерѣ пара.

Обращая вниманіе на котелъ, мы безъ сомнѣнія усмотримъ надобность въ указателяхъ недостатка воды въ котлѣ и чрезмѣрной упругости пара, угрожающей котлу взорваніемъ. Для достиженія сего предмета, мы прибѣгнемъ къ извѣстнымъ уже намъ законамъ Архимеда и Маріота. Въ слѣдствіе перваго, мы новѣсимъ въ котлѣ какую нибудь тяжесть, изъ желѣза или изъ дерева, поддерживаемую водою, доколѣ высота воды будетъ достаточна. Съ убылью воды тяжесть плавающаго тѣла (flotteur) увеличится, тѣло опустится, и подастъ знакъ, что воды не довольно, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ открыть, посредствомъ соединенія своего съ маленькимъ рычагомъ, клапанъ, чрезъ который вода вливается въ котелъ: что и обезпечитъ насъ, что въ котлѣ не будетъ недостатка въ водѣ. 2-е. Для предупрежденія взрыва котла, вырѣжемъ на поверхности онаго довольно пространный клапанъ, отворяющійся только внутри наружу, и руководствуясь правиломъ Торичелли объ атмосферическомъ давленіи, которое, по исчисленію, равно пятнадцати Англійскимъ фунтамъ на всякой Англійскій квадратный дюймъ, мы можемъ положить на клапанъ котла такую тяжесть,

къ которой самое приближеніе силы пара представляло бы опасность для цѣлости котла. Если напримѣръ мы знаемъ, что котелъ не выдержитъ внутренняго напряженія, равнаго силою четыремъ атмосферическимъ давленіямъ, то положимъ на клапанъ такую гирю, чтобы на каждый квадратный Англійскій дюймъ поверхности клапана приходилось по 45 Англійскихъ фунтовъ. Такая тяжесть составляетъ, какъ читатель вѣроятно замѣтилъ, только три атмосферы. Если внутреннее напряженіе пара сдѣлается сильнѣе оныхъ, то оно подыметъ клапанъ съ гирями, выпуститъ часть пара и подастъ намъ знакъ о потребности уменьшить жаръ, а съ нимъ вмѣстѣ и вящшее сгущеніе пара.

И такъ читатель соорудилъ, вмѣстѣ со мною, машину не только Невкомена, но и самаго Ватта.

Прежде нежели мы наконецъ займемся обозрѣніемъ фигуръ, я разскажу въ нѣсколькихъ словахъ исторію сего важнаго изобрѣтенія, преобразившаго, такъ сказать, всѣ житейскія отношенія Европы, и замѣнившаго по послѣднему расчету, въ одной Англіи работу 400 милліоновъ рукъ.

5 Исторія изобрѣтенія паровой силы.

Каждое общеполезное открытіе возбуждаетъ въ ученомъ мірѣ междоусобную войну, въ которой писатели домогаются присвоить первую мысль одному изъ своихъ соотечественниковъ; таково было несчастное соперничество Невтона и Лейбница, по случаю дифференціальнаго исчисленія; тоже произошло

въ послѣдніе годы и съ паровою машиною. Цѣлые томы ежедневно выдаваемые о семъ предметѣ, приписываютъ то одному, то другому, сію первую мысль, сей зародышъ важной перемѣны въ бытіи гражданскомъ и въ сношеніяхъ народныхъ. Изъ уваженія къ моимъ читателямъ я вынужденъ былъ изслѣдовать много скучнаго и безполезнаго въ моихъ историческихъ изысканіяхъ. Избавляя ихъ отъ столь безплоднаго труда, скажу здѣсь только то, что уцѣлѣло въ моей памяти.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ философіи Герона (Heron) Александрійскаго, жившаго тому почти 2000 лѣтъ назадъ, а именно 120 лѣтъ до Рождества Христова, находится какой-то бѣглый намѣкъ о возможности произвести движеніе водянымъ паромъ; но фигура имъ начертанная, не имѣетъ никакого сходства съ физіологіею нынѣшней паровой машины. Испанскіе, а по ихъ словамъ и Нѣмецкіе ученые, утверждаютъ что въ 1543 году, по приказанію Карла V-го, какой-то капитанъ Блоско де-Гаран, двигалъ большое судно безъ парусовъ и безъ веселъ; но притомъ ни слова не говорится о водяномъ парѣ. Нѣмецкіе же ученые, склонные къ рѣшенію задачъ безъ данныхъ, утверждаютъ, будто-бы для подобнаго движенія, непремѣнно употреблено было средство, почерпнутое изъ записокъ философа Александрійскаго.

Такого рода предположенія не достойны вѣроятности исторической.

Если кто нибудь, по моему мнѣнію, достоинъ получить вѣнецъ безсмертія за первую живую мысль

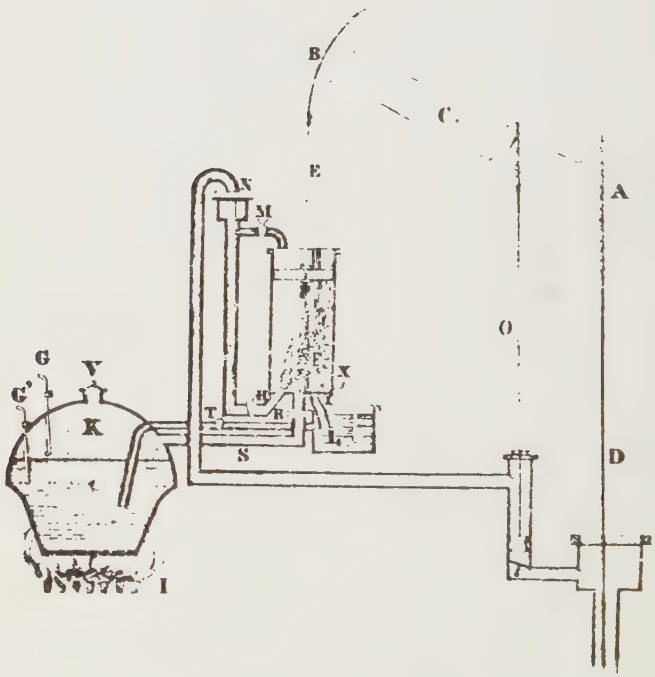
о силѣ, доставляющей, предъ нашими глазами, такое множество выгодъ просвѣщеннымъ народамъ, то конечно сей вѣнецъ принадлежитъ профессору Механики Жіованни Бранка, который въ 1629-мъ году выдалъ въ Римѣ книгу, подъ заглавіемъ: «Le machine diverse del Sr. Giovanni Branca». Въ сей книгѣ онъ именно показываетъ средство приспособленія водянаго пара для движенія мѣльницъ. Но мысль великаго ученаго, какъ многія высокія мысли глубокопроницательныхъ его соотечественниковъ, упала на камень, и не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ бы человѣчество отъ него ожидать могло. Какъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, такъ и въ открытіяхъ, самые геніи нуждаются въ какомъ-то согласномъ расположеніи умовъ, въ какомъ-то покровительствѣ судьбы, безъ котораго изобрѣтенное ими съ трудомъ и усердіемъ остается мимолетнымъ и тщетнымъ мечтаніемъ.

Сорокъ лѣтъ послѣ Бранка, Маркизъ Вустеръ (Worcester) выдалъ очень занимательную книгу, подъ заглавіемъ: Вѣкъ открытій (Century of inventions); сіе сочиненіе, мало извѣстное внѣ Англіи, имѣетъ то достоинство, что Англія обязана оному болѣе, можетъ быть, чѣмъ какому либо другому поощренію, превосходствомъ своимъ въ механикѣ. Оно писано не смиреннымъ и простодушнымъ слогомъ бѣднаго Италіянскаго профессора, толкующаго читателямъ, какъ ученикамъ, всякую подробность, но гордо-легкимъ и бѣглымъ перомъ умнаго лорда, удостоивающаго механику своимъ высокоблагороднымъ вниманіемъ. Онъ ничего не описываетъ, а только намѣкаетъ; говоритъ:

вотъ что можно сдѣлать, и вотъ какія вещи я у себя, въ моемъ зáмкѣ, соорудилъ. Лордъ Вустеръ пишетъ просто, съ убѣжденіемъ, и потому внушаетъ довѣріе. Ему, безъ всякаго сомнѣнія, можно приписать славу возбужденія въ Англіи народной любви къ механикѣ. Онъ первый въ Англіи говорилъ о силѣ паровой съ глубокомысленностію, соотвѣтствующею важности предмета; но машину, кажется мнѣ по его словамъ, соорудилъ онъ только въ своемъ воображеніи. Тридцать лѣтъ послѣ него, капитанъ Савери неудачно посвятилъ ей много трудовъ и много усилій, и по руководству лорда Вустера изобрѣтенная имъ машина, осталась безъ подражателей. Почти въ тоже время профессоръ математики въ Марбургѣ, родомъ Французъ, изъ Блоа, Папенъ(Papin) занимался также приспособленіемъ атмосфераческаго давленія на подъемніе и пониженіе поршня; но по всему видно, что въ исполненіи, онъ не былъ счастливѣе Капитана Савери.

Первый Невкоменъ (Newcomen) кузнецъ въ Дармутѣ, въ 1705 году, взялъ патентъ на сооруженіе такъ названной имъ атмосферической паровой машины, которая 60 лѣтъ, т. е. до важныхъ открытій Якова Ватта, была единственною паровою машиною, употребляемою въ Англійскихъ рудникахъ. Она, и послѣ мудрыхъ преобразованій Ватта, еще доселѣ употребляется тамъ, гдѣ топливо не дорого, и потому достойна вниманія моихъ читателей. Вотъ описаніе ея состава и ея хода съ приложеніемъ чертежа.

Описаніе Невкоменовой атмосферической машины.



Котелъ K поставленъ въ печкѣ I, которой жаръ дѣйствуетъ на всѣ части его дна. На крышкѣ, имѣющей видъ полушара, находятся двѣ трубочки G, G', и клапанъ V, отворяющійся сверху, на которомъ положена гиря такого вѣса, что на каждый квадратный дюймъ поверхности клапана приходится по одному Англійскому фунту тяжести. Когда паръ K образовавшійся въ котлѣ, превышаетъ давленіе одной атмосферы болѣе чѣмъ фунтомъ на

квадратный дюймъ, то клапанъ, отъ напряженія пара, подымается и выпускаетъ оный, пока давленіе снизу не уменьшится до желаемой степени, и тогда клапанъ V самъ собою закрывается.

Большая паровая труба представлена подъ лит. S; она проводитъ паръ изъ котла въ цилиндръ, и труба T, къ которой приспособленъ кранъ, отворяющійся и затворяющійся по произволу, идетъ изъ колодца L въ котелъ. Посредствомъ этой трубы, котелъ можетъ быть наполняемъ водою изъ колодца, когда выпускающій кранъ G показываетъ, что уровень воды (le niveau) значительно понизился. Когда поршень, давленіемъ атмосферы, дѣйствующей на пустоту, опустился въ нижнюю часть цилиндра, то для возстановленія равновѣсія съ симъ давленіемъ и дабы тѣмъ вмѣстѣ заставить поршень подняться вверхъ тяжестію шеста D, нужно впустить паръ изъ котла; что и дѣлается, открывая кранъ R, паровой трубы S.

Напряженіе впущеннаго такимъ образомъ изъ котла пара, противодѣйствуетъ силѣ атмосферы на поршень, который въ тоже мгновеніе и подымается вверхъ тяжестію шеста D. Въ таковомъ его положеніи нужно превратить паръ въ первобытное его состояніе, т. е. въ воду, что бы произвести пустоту (vacuum) и для того нужно: 1) остановить дальнѣйшій входъ пара, затворяя кранъ R; 2) облить холодною водою внѣшнюю поверхность цилиндра, что дѣлается иногда, окружая цилиндръ другимъ по-

добнымъ (который въ приложенномъ чертежѣ н
означенъ), и оставляя между ими небольшой про
межутокъ. Въ сей промежутокъ вливается холодна
вода верхнимъ краномъ M. Вода сія проводится осо
бенною трубою изъ колодца N, а сей послѣдній
снабжается оною чрезъ помпу O, изъ которой на
качивается она правымъ концемъ рычага C.

Холодная вода, доставленная краномъ M, напо
нивъ пустое пространство между двумя цилиндра
ми, поглощаетъ теплоту внутренняго цилиндра, и
превращая паръ въ воду, производитъ пустоту, в
которую поршень немедленно опускается силою да
вленія атмосферическаго воздуха. Прежде нежел
послѣдуетъ вторичное опущеніе поршня, промеж
точная вода, согрѣтая теплотою, отнятою сю от
пара, выливается, дабы уступить мѣсто другой хо
лодной водѣ, впускаемой чрезъ кранъ M. Для сей
находится на днѣ цилиндра отверстіе съ краномъ
для впущенія воды въ колодезь L, и такъ какъ с
вода уже согрѣта, то она служитъ къ наполненію
котла чрезъ кранъ T, какъ прежде сказано.

Но что-бы вода, образовавшаяся на днѣ цилинд
изъ превращеннаго пара, не препятствовала сво
бодному опущенію поршня, то она изливается по
средствомъ клапана, открывающагося снутри въ тр
бѣ, которая проведена въ колодезь.

Вскорѣ послѣ первыхъ испытаній надъ машин
ми сего рода, одинъ случай подалъ Ньюкомену мысл

упразднять паръ въ цилиндрѣ инымъ способомъ, который оказался предпочтительнѣе перваго, то есть: обливать холодною водою внѣшнюю поверхность цилиндра.

Замѣчено было, что одна машина дѣйствовала съ необыкновенною быстротою и безъ обливанія внѣшней поверхности цилиндра. Разсматривая поршень, нашли въ немъ дыру, чрезъ которую вода, налитая надъ самымъ поршнемъ, что бы не допускать воздуха въ цилиндръ, текла и мгновенно превращала паръ, подъ поршнемъ находящійся, въ воду. Тогда Невкомень оставилъ и внѣшній цилиндръ, и обливаніе снаружи. Онъ приспособилъ внизу оставшагося внутренняго цилиндра трубу H, съ краномъ; дабы, при открытіи крана, давленіе воды въ трубѣ H, произведенное превышающимъ стояніемъ воды колодца N, мгновенно вбрасывало часть оной во внутрь цилиндра, и тѣмъ уничтожало паръ.

Сей способъ превращенія пара въ воду однимъ брызгомъ, былъ важнымъ усовершенствованіемъ въ машинѣ и остался по сіе время въ употребленіи.

Познакомившись такимъ образомъ съ атмосферическою машиною вообще, разсмотримъ подробнѣе ея дѣйствіе.

Когда машина не находится въ движеніи, тяжесть гиста D понижаетъ плечо рычага A, а поршень подымаетъ на верхъ цилиндра, гдѣ онъ и остана-

вливается. Представимъ себѣ, что всѣ краны и всѣ клапаны заперты, и что котелъ наполненъ сколько нужно. Вода, нагрѣваемая огнемъ, кипитъ до тѣхъ поръ, пока паръ получаетъ достаточную силу для поднятія клапана V. Въ сіе время можно привести машину въ дѣйствіе, отворяя клапанъ уравнительный R. Паръ входитъ и немедленно превращается въ воду холодомъ цилиндра. Вскорѣ послѣ того цилиндръ получаетъ температуру пара, который перестаетъ тогда быть сгущеннымъ въ водяную жидкость и соединяется съ воздухомъ, наполняющимъ цилиндръ. Паръ, смѣшанный съ теплымъ воздухомъ, превозмогая силу атмосферическаго давленія, приподнимаетъ клапанъ, поставленный въ концѣ (X) небольшой трубы на днѣ цилиндра, и отворяющійся внутри. Симъ клапаномъ, называющимся клапаномъ воздушнымъ (valve soufflante), паръ и воздухъ исходятъ до тѣхъ поръ, пока цилиндръ не наполнится *чистымъ водянымъ паромъ*. Сіе называется приготовительнымъ очищеніемъ машины (dépuration prèparatoire).

Послѣ такого приготовленія, машинистъ затворяетъ уравнителя R — и тѣмъ останавливаетъ входъ пара изъ котла; въ тоже время отворяетъ клапанъ H, названный клапаномъ впрыскиванія (valve d'injection) и чрезъ оный впускаетъ холодную воду въ цилиндръ. Вода, уничтожая паръ, производитъ пустоту. Атмосферическое давленіе надъ поршнемъ, которому тяжесть праваго плеча рычага сама собою не представляетъ равновѣснаго упорства, двигаетъ оный

внизъ. Послѣ чего машинистъ затворяетъ сгущающій клапанъ H и отворяетъ уравнителя R. Вновь впущенный паръ останавливаетъ охлажденіе и изгоняетъ воду со дна цилиндра чрезъ трубу Y, къ которой придѣланъ клапанъ, отворяющійся снутри, и названный клапаномъ спускнымъ (valve d'èduction, ou de sortie), ведущій въ теплый колодезь L.

Паръ впущенный чрезъ R, несмѣшанный уже съ водою, уравновѣшивается съ атмосферическимъ давленіемъ надъ поршнемъ и содѣйствуетъ своимъ напряженіемъ съ тяжестію шеста D, къ повышенію поршня.

И такъ необходимое условіе, для хода машины состояло въ томъ, что бы попеременно отворялись и затворялись два клапана, называемые: одинъ уравнителемъ (règulateur) или паровымъ, а другой сгущающимъ или водянымъ.

Но самый прилежный надзоръ за клапанами, оказался недостаточнымъ и былъ причиною вмѣстѣ и неправильнаго дѣйствія машины и бо́льшаго потребленія топлива. Однажды мальчикъ, по имени Гумфрей Поттеръ (Humphrey Potter), нашелъ средство заставить самую машину приводить въ движеніе свои клапаны. Сіе изобрѣтеніе, хотя имѣвшее свой источникъ въ лѣности и праздности, тѣмъ не менѣе значительно подвинуло къ усовершенствованію паровой машины, потому что онымъ не толь-

ко устранена неправильность, происходящая отъ нерадѣнія работниковъ, но даже удвоена быстрота движенія.

Поттеръ соединилъ веревочками клапаны съ большимъ рычагомъ такъ, что при поднятіи и понижеиіи поршня, онъ подымалъ нужные для наступающаго движенія клапаны. Невѣрный слухъ о семъ событіи подалъ поводъ къ распространенію въ Англіи страннаго убѣжденія, яко бы какой-то мальчикъ, приставленный къ вертящемуся колесу вблизи печки, удалясь безъ позволенія, въ отсутствіи хозяина, и найдя при своемъ возвращеніи колесо и безъ него вертящееся паромъ, изъ печки выходящимъ, открылъ симъ замѣчаніемъ дорогу къ вымышленію приспособленія паровой машины. Повтореніе такой нелѣпой сказки, показываетъ, сколь мало еще физическіе законы извѣстны: ибо несгущенный или летучій паръ безсиленъ какъ дымъ, и никакая печка сама собою не можетъ произвести паровой силы такого напряженія, которое что нибудь могло бы подвинуть. Но моимъ читателямъ уже извѣстна исторія сего великаго открытія.

МАШИНА ВАТТА.

Теперь взглянемъ на паровую машину, усовершенствованную Яковомъ Ваттомъ, которая съ 1763-го года до нашихъ дней никакого важнаго измѣненія не получила, не взирая на тысячи проектовъ, ежедневно возобновляющихся къ ея улучшенію, нече-

зующихъ потомъ при строгомъ испытаніи употребленія

Ваттъ былъ работникомъ мастера математическихъ инструментовъ въ Глазговѣ и не прежде сорока пяти своего возраста предался, съ такимъ важнымъ успѣхомъ, изученію паровыхъ машинъ. Его угрюмый характеръ, его бѣдное и безродное положеніе, лишили бы его навсегда и богатства и славы, еслибъ онъ не имѣлъ счастія встрѣтиться съ Болтономъ, купцемъ богатымъ, живымъ, веселымъ, который ободрилъ смиреннаго художника, давъ ему средства обратить въ дѣятельность его изобрѣтательный умъ; онъ сдѣлалъ его инженеромъ при своихъ Корнвалійскихъ рудникахъ, а потомъ взялъ его въ товарищи компаніи, подъ фирмою: Ваттъ и Болтонъ. Они содѣлались лучшими соорудителями паровыхъ машинъ для всей Англіи.

Взглядъ на чертежъ.

C D C' D' Котелъ мѣдный или чугунный.

P Поплавокъ (flotteur) или какая нибудь гирл.

(*) Я видѣлъ однакожъ недавно присланную Польскому Банку модель паровой машины новаго изобрѣтенія молодаго Поляка Патребскаго, находящагося въ Парижѣ и ученика бывшей Польской Политехнической школы. Англичанинъ Едвардсъ, заплатилъ ему 200 т. франковъ за патентъ на это изобрѣтеніе. Оно состоитъ въ томъ, что не поршень, а самъ цилиндръ двигается, на примѣръ гайки двигающейся около неподвижнаго винта. Сею перемѣною болѣе 20 частей прежней машины содѣлываются ненужными. *К. К.*

Когда воды въ котлѣ недостаточно, поплавокъ дѣлается тяжелѣе (*), помѣрѣ спаденія съ него воды, и подымаетъ маленькій рычагъ b', d': чѣмъ открываетъ клапанъ въ колодцѣ u, соединенномъ трубою f, съ колодцемъ h, въ который получается чрезъ помпу z вода, сдавляемая прутомъ T N.

Вода вливается въ котелъ чрезъ открытый клапанъ трубою u c, доколѣ поплавокъ не погрузится совершенно. Тогда онъ дѣлается легче; плечо рычага b' d' приходитъ въ прежнее положеніе и тѣмъ закрываетъ клапанъ.

X — охранитель, или клапанъ, на которомъ лежатъ тяжести (**). Когда упругость пара умножается до такой степени, что можетъ сдѣлаться опасною, напряженіе, или сила пара, подымаетъ открывающійся изнутри охранительный клапанъ, который выпускаетъ излишній паръ, и дастъ съ тѣмъ вмѣстѣ знакъ, что нужно уменьшить огонь подъ котломъ.

Дабы ничего не упустить достойнаго вниманія моихъ читателей, и дабы они могли однимъ взглядомъ обозрѣть, какъ могущественно умножается сила пара при увеличеніи теплоты, я прилагаю при семъ таблицу.

(*) Примѣненіе истолкованнаго мною вначалѣ статьи закона Архимедова.

(**) Примѣненіе изложенныхъ теоремъ Торичелли и Маріота.

Таблица силы пара.

При 52° силы пара 1/4 унц. на квадрат. дюймъ (*).
— 50 ——— 2/3 ——
— 100 ——— 15 ——
— 150 ——— 4 фунта ——
— 180 ——— 7 1/2 ——
— 212 ——— 15 ——
— 250 ——— 30 ——
(=давленію одной атмосф.)
— 272 ——— 45 ——
— 290 ——— 60 ——(**).
(=четыремъ атмосферамъ.)

C E труба проводящая паръ попеременно то на верхъ поршня посредствомъ впускательнаго клапана или заслонки *a*, то на низъ, посредствомъ таковаго же *c*. По выполненіи своего дѣйствія, паръ выходитъ, въ первомъ случаѣ, чрезъ испускательный клапанъ *d*, во второмъ чрезъ *b*, а въ томъ и другомъ переходитъ въ холодильникъ *i*, гдѣ онъ превращается въ воду посредствомъ впрыскиванія холодною водою. Вода, такимъ образомъ соединенная тамъ съ воздухомъ, переходитъ въ теплый колодезь *h*, чрезъ воздушную помпу *e*, гдѣ она сдавливается поршнемъ T M. Холодная вода, дополняющая промежуточный колодезь *e*, служитъ также къ преобра-

(*) Градусы по термометру Фарепгейта.

(**) Но при 212° жаръ поглощается въ парѣ и степень его не оказывается на термометрѣ свыше 212, т е. остается сокровеннымъ. Всякій кубическій футъ горячей воды превращается почти въ 1800 такихъ же футовъ пара.

зованію пара въ холодильникѣ *i*; она доставляется изъ помпы *G*.

Клапаны или заслонки *a* и *d*, *c* и *b*, подымаются и закрываются прутиками *a M* и *d M* с *N* и d *N*, попарно соединенными. Эти рукоятки подвигаются попеременно зацѣпками 1 и 2, находящимися на прутѣ T M. Сія часть машины называется *работающею*, и такъ сооружена, что клапаны или заслонки вбирающіе, или испускательные, могутъ быть задвинуты или отперты не токмо зацѣпками прута но, въ случаѣ надобности, и рукою машиниста.

Шестъ R. поршня *q* соединяется съ коромысломъ A B, изобрѣтеннымъ Ваттомъ желѣзными параллелограмами T V. Сіе остроумное изобрѣтеніе имѣетъ цѣлію, что бы шестъ R, при своемъ повышеніи, не описывалъ части круга, т. е. не уклонялся бы отъ перпендикулярнаго направленія. Подвижные параллелограмы, къ которымъ онъ примыкаетъ при своемъ возвышеніи и пониженіи, перемѣняютъ свои углы безъ нарушенія параллелизма боковъ.

И такъ употребляемая въ Невкоменовой машинѣ цѣпь, замѣнена здѣсь легчайшимъ и мудрѣйшимъ механизмомъ. Я долженъ однакоже присовокупить, что въ машинахъ много-атмосфернаго давленія (de haute pression), которыя употребляются въ особенности тамъ, гдѣ мало мѣста, нѣтъ ни коромысла A, B, ни желѣзныхъ параллелограммовъ; они замѣняются рукояткою, наподобіе той, каковую читатели конеч-

но видали въ самопрялкахъ. Въ таковыхъ машинахъ сильнѣйшаго давленія нѣтъ—также *холодильника* и паръ выпускается просто клапаномъ на днѣ цилиндра. Читатель пойметъ, что сіе измѣненіе происходитъ отъ того, что въ иныхъ случаяхъ главная потребность состоитъ въ сокращеніи объема машины, а не въ сбереженіи топлива.

Дабы производить посредствомъ коромысла AB коловратное движеніе, Ваттъ употребилъ неподвижный шестъ AU, на концѣ коего находится привязанное ремнемъ колесо U, которое не двигается на своей оси; оно соединено съ другимъ колесомъ S, около коего U обращается, оставаясь въ непрерывномъ съ нимъ соединеніи. Сіи неразлучныя колеса называются *солнечнымъ* и *планетнымъ* по ихъ астрономическому сходству въ бѣгѣ. Ось колеса S сообщаетъ движеніе по всей фабрикѣ, мѣльницѣ, пароходамъ и всѣмъ тѣмъ неисчислимымъ механизмамъ, на подвиженіе которыхъ паровая машина употребляется. На той же оси находится огромное колесо F называемое по Англійски Fly; по Французски le volant, а по Русски *маховое,* коего высокое назначеніе есть сохранять стройность въ цѣлой машинѣ. Оно скопляетъ силы для передачи оныхъ, когда дѣйствіе машины слишкомъ слабѣетъ или даже прерывается; оно же, своею полновѣсностію, уменьшаетъ излишнюю быстроту, и еслибы можно было сравнивать произведеніе рукъ человѣческихъ съ душевными свойствами, то можно бы сказать, что маховое колесо имѣетъ тоже назначеніе въ

машинахъ, каковое благоразуміе получило въ организмѣ человѣческомъ.

Для постоянѣйшаго сохраненія умѣренности въ бѣгѣ, Ваттъ присоединилъ къ маховому колесу F механизмъ, который Англичане назвали коническимъ маятникомъ, (conical pendulum) и который представленъ здѣсь подъ лит: *m n*. Никто кромѣ человѣка, озареннаго полнымъ свѣтомъ высокой математики, не могъ бы извлечь изъ отвлеченныхъ истинъ такое прекрасное приспособленіе науки. Въ семъ явно оказывается, что человѣкъ непросвѣщенный можетъ иногда случайно наткнуться на полезное открытіе, но что для усовершенствованія издѣлій рукъ человѣческихъ, глубокія познанія необходимы. Механизмъ подъ лит. *m n*. основавъ на теоріи центральныхъ силъ (forces centrales). Такъ называются въ круговомъ бѣгѣ двѣ силы: одна притягивающая бѣгущее тѣло къ центру, другая ей противная, влекущая тѣло по прямой касательной линіи (tangente) всякой точкѣ круга. Чтобы объяснить сіе какъ можно простѣе, посмотримъ на берейтора, гоняющаго на веревкѣ дикую лошадь. Онъ веревкою притягиваетъ ее къ себѣ, а она, по естественному направленію прямолинейнаго бѣга, старается, при всякомъ поворотѣ, освободиться отъ веревки и бѣжать прямо. Усилія берейтора мы назовемъ силою средоточною (force centripète); порывъ лошади силою—средобѣжною (force centrifuge); борьба между сими двумя силами возрастаетъ съ быстротою коловратнаго бѣга. Возьмемъ еще другой примѣръ: каждый изъ

читателей имѣлъ случай замѣтить на дрожкахъ, что онъ болѣе забрызгивался при умноженіи быстроты ѣзды. Сіе происходило отъ умноженія средобѣжной силы, коей направленіе есть прямая линія, примыкающая ко всякому пункту вертящагося колеса, и называющагося въ математикѣ тангентомъ, или касательною. На сей теоріи Ваттъ соорудилъ свой механизмъ, названный потомъ Французами le gouverneur или правительнымъ. Когда отъ сильнѣйшаго дѣйствія пара быстрота обращенія колесъ увеличивается, желѣзные шары *m n* расходятся между собою, по мѣрѣ умноженія ихъ средобѣжной силы. Симъ расхожденіемъ конецъ *p* рычага *p S* понижается, и закрывая нѣсколько отверстіе заслонки *a* возбраняетъ вящшему вхожденію пара. Когда же быстрота машины приходитъ опять въ желаемую мѣру, шары сами собою сближаются.

Описавъ по частямъ совершеннѣйшую изъ паровыхъ Баттовыхъ машинъ, которыя мнѣ удалось видѣть, я скажу нѣсколько словъ о ея движеніи.

Положимъ, что поршень, такъ какъ онъ здѣсь изображенъ, находится на верху цилиндра, и что испускательная заслонка *d*, подвинута прутикомъ M, а между тѣмъ заслонки *c* и *b* заперты; паръ входитъ изъ трубы C. E. и своею упругостію понижаетъ цилиндръ на дно; но пока поршень *q*, сошелъ внизъ и плечо коромысла B, слѣдуя измѣненію угловъ желѣзнаго параллелограмма T V, понизилось а плечо A, поднялось. Колесо U, обошло половину окру-

жности колеса S и маховое колесо F, со всѣмъ механизмомъ, отъ него зависящимъ, произвело полный оборотъ. Теперь прутъ T N давленіемъ зацѣпки нумера 1 на прутикѣ N закрылъ заслонки *a* и *d*, а зацѣпка нумеръ 2 между-тѣмъ открыла испускательную заслонку *b* и впускательную заслонку *c*: слѣдственно паръ, находящійся на верху поршня, стремится чрезъ *b* въ холодильникъ *i*, а новое количество пара, проходя чрезъ *c*, внизъ цилиндра подымаетъ поршень, и съ нимъ понижённое плечо коромысла B. Тогда противу-положный конецъ A побуждаетъ колесо U описать другую половину окружности колеса S, и съ нимъ вмѣстѣ маховое колесо и все что зависитъ отъ его оси, сдѣлаютъ еще полный оборотъ. Такимъ образомъ, попеременное движеніе поршня, можетъ продолжаться дни, недѣли и годы, почти безъ надзора, или помощи человѣческой.

Если мы сравнимъ двѣ обозрѣнныя нами машины Невкомена и Ватта, то найдемъ, что наиважнѣйшія усовершенствованія Ватта суть: 1) желѣзные параллелограммы въ машинахъ одного атмосфернческаго давленія, и самоприлочная рукоятка въ машинахъ сильнѣйшаго давленія, т. е. когда паръ въ котлѣ можетъ дѣйствовать съ упругостію равною силѣ нѣсколькихъ атмосферъ. 2) глубокомысленное примѣненіе теоріи центральныхъ силъ въ механизмѣ кружащихся шаровъ, названныхъ Французами le gouverneur, и наконецъ 3) самое важнѣйшее подвиженіе поршня, силою пара, не только снизу

но и сверху. Едвали покажется вѣроятнымъ для моихъ читателей, что сіе усовершенствованіе уменьшило издержки двумя третями; ибо охлажденіе цилиндра въ Невкоменовой машинѣ, при превращеніи пара въ воду, дабы поршень могъ сойти однимъ атмосферическимъ давленіемъ, уничтожало почти трицѣтверти дѣйствующей силы.

Благодарный Англійскій народъ, въ общемъ собраніи, составленномъ изъ людей всякаго состоянія: перовъ, ученыхъ, мастеровыхъ и работниковъ, положилъ поставить памятникъ Якову Ватту. Никогда, конечно, мудрое соединеніе механической, физической и химической теорій не оказало еще человѣчеству такой блистательной услуги. Гдѣ только течетъ въ Европѣ судоходная рѣка, на ней дымятся паровыя машины, умножая своимъ посредствомъ дружелюбныя сношенія между людей, удовлетворяя потребностямъ и прихотямъ частной жизни и похвальному любопытству, которое, безъ такого легкаго, дешеваго, быстраго и пріятнаго перелета изъ одного края земли въ другой, оставалось бы навсегда однимъ лишь любимымъ и мучительнымъ желаніемъ. Въ Сѣверной Америкѣ въ особенности, цѣлые города возникли на путяхъ, паровыми машинами пробѣгаемыхъ, а въ Англіи ихъ быстрота доставляетъ жителямъ столицы во всей свѣжести и изобиліи тѣ сельскія растенія, столь необходимыя для здоровья, которыя, до изобрѣтенія земныхъ и водяныхъ пароходовъ, украшали, какъ рѣдкость, одну трапезу богатыхъ; гдѣ прежде употреблялись тыся-

чи ногъ животныхъ, милліоны рукъ человѣческихъ, а иногда и съ явною потерею здоровья, съ пожертвованіемъ половины жизни, явилась паровая машина, и замѣнила своею неизмѣняемою силою ихъ неравный, убійственный трудъ.

Да не подумаютъ однако, мои читатели, что я сею, ни мало не увеличенною похвалою, хотѣлъ возродить въ нихъ мысль, что симъ изобрѣтеніемъ человѣческій родъ достигъ уже вожделѣнной цѣли своихъ умственныхъ и опытныхъ усилій. Въ самое то время, которое я для пользы моихъ просвѣщенныхъ читателей посвящалъ сему труду, механикъ Давенпортъ (Davenport) выставлялъ въ Нью-Іоркѣ электро-магнетическую машину, которая, говорятъ, съ малымъ запасомъ цинковыхъ и мѣдныхъ листовъ, будетъ замѣнять силы ста лошадей и двигать корабли по океану, безъ помощи парусовъ, веселъ и водянаго пара.

Благодѣтельное Провидѣніе, не въ одномъ только физическомъ, но и въ умственномъ смыслѣ, сказало роду человѣческомъ: *расти!*

Кн. Козловскій.

ПЕРЕѢЗДЪ ЧЕРЕЗЪ ЯЙЛУ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГѢ ТАВРИДЫ.

У подошвы горнаго хребта Яйлы, до половины закрытаго облаками, утреннее солнце освѣщаетъ Кокозскую долину и деревню. Два путника, на Татарскихъ коняхъ, подымаются въ горы.

Путешественникъ.

Упрямое животное твой конь,
Не сладишь съ нимъ ни лаской, ни плетью.
Терпѣнья нѣтъ!....

Проводникъ *(старый Татаринъ)*.

Напрасно! не во гнѣвъ,
Конь хоть-куда; а самъ ты виноватъ
Что пятится... Умѣй за дѣло взяться
И дѣло вдругъ пойдетъ само собой, —
Пословица не даромъ же ведется!
Вотъ видишь, ты поводья затянулъ,
А горецъ мой привыкъ идти по волѣ,
. . . . . .
Попробуй, брось поводья—будетъ миръ!...
Что правда-ль?

Путешественникъ.

Да, теперь я имъ доволенъ;
Поѣдемъ рядомъ...

Проводникъ.

Онъ доволенъ тоже,
Онъ весело, онъ бодро встрепенулся,
Онъ дружески косится на тебя,...
И у тебя лицо повеселѣло:
За радость радость воздастъ Алла,
Который всѣ свои созданья любитъ.
Теперь сиди спокойно, добрый конь,
Я голову отдамъ, не спотыкнется,
На ногу вѣренъ, чутокъ на опасность,
Для сѣдока надежный онъ слуга.
Случалось мнѣ, въ глухую ночь не разъ,
Въ Бахчисарай проѣздомъ изъ Урсуфа,
Спускались мы по этой же тропинкѣ —
Я сплю себѣ, качаюся какъ въ люлькѣ,
А онъ идетъ усердно подо-мной,
На скалы съ скалъ ступаетъ осторожно
И бережетъ и жизнь мою и сонъ...

Путешественникъ.

Но этотъ путь одинъ изъ самыхъ трудныхъ,
И, говорятъ опасенъ; какъ же ты
Случайностямъ ввѣряешься такъ слѣпо?

Проводникъ

Алла ведетъ надъ бездною слѣпца,
А зрячаго грѣхи ввергаютъ въ бездну!
Сочтетъ пески, сочтетъ на небѣ звѣзды,
Своей звѣзды мудрецъ не разочтетъ.
За чѣмъ же мнѣ опасности бояться?
Съ моей судьбой бороться не могу
И смѣло я судьбѣ моей ввѣряюсь....
Къ тому-жь, въ горахъ, вездѣ дороги трудны,
А для меня чѣмъ кратче путь тѣмъ лучше;
Боюсь теперь пускаться далекò,
Чтобъ смерть со мной не встрѣлась на распутьи,
Чтобы моимъ концомъ безъ покаянья
Потомъ дѣтей не упрекнули люди....

Путешественникъ.

Но ты еще, мнѣ кажется, не старъ
Ты свѣжъ и бодръ....

Проводникъ.

Нѣтъ, старъ я, слишкомъ старъ!
Я пережилъ моей отчизны славу!
. . . . . .
Господь еще не вовсе насъ покинулъ
И даръ одинъ затѣмъ, быть можетъ, отнялъ,
Чтобъ лучше мы другому знали цѣну.
Мы за чужимъ гонялися добромъ,
А между-тѣмъ свое пренебрегали.
Чѣмъ бы считать Стамбульскіе червонцы,

Да пировать въ Украинѣ набѣги,
Не лучше-ль здѣсь, подъ нашимъ теплымъ небомъ,
Дышать въ горахъ безпечною свободой,
Въ своей семьѣ, подъ виноградной кровлей,
Какъ птицы, жить на Божьемъ подаяньи,
Что каждый день на солнечныхъ лучахъ
Въ сады и горъ и доловъ нашихъ сходитъ!....
Взгляни вокругъ, скажи: такое утро
Когда и гдѣ ты видѣлъ?.... Воздухъ
Свободно такъ и сладко льется въ грудь,
Что просится невольная молитва,
За каждый вздохъ изъ благодарной груди;
Съ деревъ, съ цвѣтовъ душистый паръ струится
А на листахъ, очамъ твоимъ въ отраду,
Роса горитъ алмазными звѣздами,
Какихъ въ вѣнцѣ у Падишаха нѣтъ!....

Путешественникъ.

Но что за шумъ я слышу въ высотѣ?
Не горный ли несется водопадъ
На встрѣчу намъ? Не сбились ли съ дороги?

Проводникъ.

Здѣсь мудрено съ дороги сбиться, путникъ!
Съ трудомъ одну тропинку проложили,
И то, смотри, направо пни да камни
И пропасти бездонныя налѣво.
Онѣ влекутъ неодолимой силой,

Все хочется во глубь ихъ заглянуть
А голова какъ въ омутѣ кружится —
Скатился-бъ вдругъ, когда-бъ не эти сосны,
Что широко разросшись по краямъ
Спасаютъ насъ, какъ добрые совѣты,
Надъ бездной зла, неопытную младость....

Путешественникъ.

А этотъ гулъ?....

Проводникъ.

Воинъ видишь, повился

Чалмою тучь надъ нами темный боръ,
Тамъ хлынули потоки дождевые,
И говоръ свой къ намъ выслали гонцомъ,
Чтобъ тѣсную имъ уступить дорогу.
Но мы пойдемъ на-встрѣчу по-неволѣ,
Теперь назадъ, хоть бы хотѣлъ, нельзя.
Нѣтъ, не легко пробиться черезъ горы,
Какъ перейти отъ колыбели къ гробу;
Здѣсь точно такъ какъ въ нашей жизни, часто
Свѣтло и мрачно, хорошо и худо....

Путешественникъ.

Ага! вдали уже бѣлѣетъ пѣна
И прыгаетъ гремучимъ серебромъ
На камень съ камня....

Проводникъ.

Это ничего....

Но въ грудь тебѣ холодный вѣтерь дунулъ,
А онъ съ-тепла не всякому въ привычку;
Побереги-жь здоровье молодое,
Такимъ добромъ грѣшно пренебрегать,
Постой, возьми, вотъ бурка, вбрось на плечи.

Путешественникъ.

Спасибо, другъ.... а самъ ты?....

Проводникъ.

Мнѣ не надо!

Вотъ посмотри на этаго орла,
Летитъ себѣ, промокнетъ, отряхнется —
А мы живемъ сосѣдями съ орлами....

Путешественникъ.

Вотъ прыснулъ дождь. Не будетъ-ли грозы?
Хоть холоденъ, а душенъ что-то вѣтеръ....

Проводникъ.

Желалъ бы я, чтобъ ты грозу увидѣлъ
Лицемъ къ лицу.... какимъ-то гордымъ чувствомъ
Забьется грудь.... Ты самъ въ себѣ почуешь
Присутствіе величія Творца,
Какой-то блескъ нечеловѣчьей мысли...
Но, кажется, грозѣ не быть; намъ только
Съ дождемъ скорѣй не худо бъ разминуться,

А тѣсно въ рядъ идти конямъ. Не лучше-ль
Отъѣхать мнѣ....

Путешественникъ.

Ступай, я не отстану.

Они молча подымаются на горы и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга проѣзжаютъ самую вершину Яйлы; дождь перестаетъ; солнечные лучи пробиваются на горныя поляны и освѣщаютъ пасущіяся стада—внезапно проводникъ теряется изъ виду....

Путешественникъ.

Исчезъ какъ духъ! Разсѣялся какъ дымъ!
Завелъ меня на край земли и бросилъ!
Надъ головой и подъ ногами всюду
Воздушное, безцвѣтное пространство....
Эй проводникъ!

Проводникъ *(возвращаясь)*.

Я здѣсь....

Путешественникъ.

Скажи мнѣ, гдѣ мы?

Проводникъ.

На спускѣ съ горъ, но облако прильнуло
На самый край туманною завѣсой,
И въ уровень съ вершиною повисло.

Путешественникъ.

Что жь тамъ внизу? Какой-то пламень вспыхнулъ?
Сперва блеснулъ звѣздою голубой
И вотъ горитъ лазурнымъ, яркимъ солнцемъ?

Проводникъ.

Сквозь облако сверкнуло море....

Путешественникъ.

А!....

(Сходятъ съ коней: продолжительное молчаніе).

Проводникъ.

Вотъ облако снялось и полетѣло,
Богатый видъ открылся, полюбуйся,
А я пока на солнышкѣ погрѣюсь....
Ну что же ты не молвишь ни словечка?
Аль видывалъ ты краше этихъ виды?...

Путешественникъ.

Нѣтъ, никогда.

Проводникъ.

И равнодушно смотришь!
И грудь твоя восторгомъ не взыграетъ!
А между тѣмъ передъ тобою море
Кипящіе бросаетъ поцѣлуи
На грудь земли, и дышетъ грудь земли
Къ нему взаимной, нѣжной, жаркой страстью,
И внутреннимъ волненіемъ своимъ,
Садовъ и нивъ и виноградныхъ лозъ,
Зеленое колеблетъ покрывало....
Но если ты изсохнулъ рано сердцемъ,
И сладкій даръ сочувствія утратилъ,
Ты здѣсь найдешь для мысли новой пищу,

Разсѣялъ Богъ во всей природѣ мудрость
Что бы вести бесѣду съ человѣкомъ!
Куда ни глянь—вездѣ благой урокъ,
И примѣнить его не трудно къ жизни:
Вонъ-тамъ стоитъ полуистлѣвшій пень,
А на вѣтвяхъ такъ пышно вьется зелень,—
То плющъ густой и дикій виноградъ;
Былъ этотъ пень когда-то крѣпокъ жизнью,
Къ себѣ на грудь онъ ихъ сиротокъ принялъ
И вотъ они, признательные нынѣ,
Даютъ его сѣдинѣ вѣковой
Отъ зноя тѣнь, отъ холода защиту.
Но ты меня не слушаешь, ты грустно
Задумался о чемъ-то....

Путешественникъ.

Да, старикъ,
Я сравнивалъ себя съ тобою: свѣжимъ,
Восторженнымъ еще кипишь ты чувствомъ
И говоришь какъ думаешь, по чувству.
А я —

Проводникъ.

Зачѣмъ съ своимъ таиться сердцемъ?
Зачѣмъ не дать свободою дохнуть
Роскошному, душистому цвѣтку,
Что самъ Господь въ груди твоей посѣялъ?
Я не пойму въ невѣжествѣ моемъ....

Путешественникъ.

О не вини безъ оправданья; сердце
Во мнѣ еще не вовсе очерствѣло, —
Но лишь молчать оно привыкло—ты
Заговорилъ съ нимъ языкомъ роднымъ
И говорить его заставилъ. Слушай:
Мы въ жизнь вошли различною дорогой:
Ты—въ этотъ міръ свободный, безграничный,
Я—въ тѣсный міръ придуманный людьми,
. . . . . .
Но у меня, какъ у тебя, сначала
Любовью громкой говорило сердце,
И полное восторгомъ безъименнымъ,
Лилось оно, какъ чаша, черезъ край,
И я хотѣлъ кипящей этой чашей
Съ людьми, въ пиру у жизни, подѣлиться: —
Но опьянѣвъ холоднымъ, тяжкимъ хмѣлемъ
Суетъ, страстей, расчетовъ, предразсудковъ,
Немногіе замѣтили мой даръ,
Его тепломъ двѣ-три забилось груди,
А прочіе съ язвительной улыбкой
Сосудъ къ устамъ нечистымъ поднесли . . .
Ахъ! опоздалъ меня наставить опытъ,
Полупуста моя осталась чаша,
Я расточилъ безумно влагу жизни,
За то ношу остатокъ драгоцѣнный

Въ моей груди невидимо, глубоко,
И съ рѣдкою, съ испытанной душой
Дѣлюся имъ по каплѣ, осторожно...

Проводникъ.

Зачѣмъ же здѣсь, передъ лицемъ природы,
Безмолвенъ ты и недовѣрчивъ сердцемъ?
Хоть опрокинь его до дна—не бойся,
Нальется вновь полнѣй, чѣмъ было прежде!

Путешественникъ.

Я ужь сказалъ: коварныя уста
Коснулися завѣтнаго сосуда,
И ядомъ злой насмѣшки отравили.
Признаюсь-ли? Я самъ себѣ лукавлю,
Чтобъ подавить смѣшное людямъ чувство,
Ребячествомъ я назвалъ думу сердца!
Восторгомъ я боюсь увлечься вновь,
Чтобъ надъ собой не посмѣяться послѣ,
Холоднымъ, горькимъ, одинокимъ смѣхомъ...

Проводникъ.

Что слышу я! О горе, горе сердцу,
Когда оно надъ собственной святыней,
Бездушною насмѣшкою смѣется!
Ужель у васъ такъ низко люди пали!
Не вѣрю я, нѣтъ, не могу я вѣрить!..
Не много мнѣ твоихъ единокровныхъ
Случалось знать въ судьбѣ моей убогой,
Но одного еще я живо помню:

Онъ жилъ тогда въ Урсуфѣ и меня
Онъ жаловалъ и бралъ проводникомъ;
Бывало съ нимъ въ такую глушь заѣдемъ,
Что мудрено и птицѣ залетѣть,
За то тебѣ и не приснятся виды
Какіе намъ встрѣчалися порой ...
И какъ тогда онъ былъ доволенъ, веселъ,
Онъ тѣшился, отъ сердца какъ дитя,
То погруженъ глубоко, долго въ думу
Терялся весь въ забвеньи, въ созерцаньи,
То звалъ меня и заводилъ со мной
Душевную и умную бесѣду ...

Путешественникъ.

А какъ давно все это было?

Проводникъ.

Не солгать-бы,
Лѣтъ около пятнадцати, не больше,
Мой первый внукъ женился въ этотъ годъ ...

Путешественникъ.

И молодъ былъ твой спутникъ?

Проводникъ.

Какъ сказать?
Какъ ты—или моложе. Трудно
Опредѣлить его лѣта мнѣ было,
Съ улыбкою не согласалось свѣжей
Чело его наморщенное мыслью.

Путешественникъ.

Такъ это онъ! Я узнаю поэта*!
Вездѣ любовь онъ по себѣ оставилъ...

Проводникъ.

Онъ другъ тебѣ или родной? Съ участьемъ
Особеннымъ ты говоришь объ немъ!

Путешественникъ.

Онъ мнѣ родной—онъ Русской какъ и я!
А другомъ онъ былъ каждому, чья грудь
Сочувствовать душѣ его умѣла....
Когда бъ ты зналъ какого человѣка
Ты дружбою гордиться можешь?...

Проводникъ.

Кто-жъ онъ?

Путешественникъ.

. . . . . .
Въ его груди билъ пѣсень мощный ключь,
Онъ, чувствомъ простъ и мыслію могучь;
Все что влечетъ, что радуетъ въ природѣ,
Въ своей душѣ глубоко заключилъ,
И звукомъ мысль волшебнымъ облачилъ!..

Проводникъ.

Такъ вотъ за чѣмъ, бывало по часамъ,
Онъ одинокъ стоитъ подъ Аю-Дагомъ,

* Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ жилъ нѣкоторое время въ Гурзуфѣ или Юзузуфѣ, гдѣ и писалъ поэму свою: *Бахчисарайскій Фонтанъ.*

И я не смѣлъ приблизиться къ нему:
Сдавалось мнѣ лице его горѣло,
А въ зеркалѣ очей недвижныхъ, яркихъ
И отблескъ волнъ и блескъ небесныхъ звѣздъ
Сіяніемъ сливались мимолетнымъ.
Порой изъ устъ какой-то стройный говоръ
Ласкалъ мой слухъ—и долго слушалъ я!
Глубоко въ грудь мнѣ падали тѣ звуки,
Хотя понять ихъ смысла я не могъ...

Путешественникъ.

И ты любилъ не даромъ звуки эти,
Твой Крымъ онъ пѣлъ, быть-можетъ, въ эту пору.

Проводникъ.

Такъ родину почтилъ мою пѣвецъ!
О какъ бы я хотѣлъ его услышать!
О какъ бы я хотѣлъ его увидѣть!
Онъ не былъ гордъ, онъ ласковой улыбкой
Но старинѣ-бъ меня навѣрно встрѣтилъ.
Но гдѣ же онъ? Ужели не захочетъ
Когда нибудь взглянуть на этотъ край?
Вѣдь онъ любилъ и скалы здѣсь и море...

Путешественникъ.

Жаль мнѣ тебя, мой старецъ, опечалить,
Но общая печаль еще свѣжа,
И ею грудь невольно говоритъ:
Угаслуло блестящее свѣтило,—

Порва́лася могучая струна!
Недавнею на сѣверѣ могилой...

Проводникъ.

Не продолжай! Мнѣ сердце досказало!
И вотъ кого оплакивать досталось!

. . . . . .

Путешественникъ.

О замолчи! Довольно ради неба...

Проводникъ.

Что это? слезы, слезы на глазахъ,
А ты спѣшишь отворотить лице!
Не этихъ слезъ стыдиться человѣку!
Прости меня: суровой, тайной мыслью
Я, можетъ-быть, твою обидѣлъ душу—
О нѣтъ, она любить еще способна,
Мнѣ за нее порукой эти слезы
И я съ тобой мирюся отъ души!

Путешественникъ.

Пора, старикъ, поѣдемъ, скоро полдень...

(Бросается на коня и скачетъ впередъ.)

А. Подолинскій.

Одесса.

ЮНОСТЬ ДУШИ.

Прекрасно небо голубое
И утра пурпурный восходъ;
Прекрасно солнце въ яркомъ зноѣ
И звѣздъ блестящій хороводъ;

Прекрасны молненныя тучи,
И грохотъ ихъ, и вѣтровъ вой;
Прекрасенъ бури гнѣвъ могучій
И волны съ пѣною сѣдой;

Въ прохладѣ тихой, вешней ночи
Прекраснъ блѣдный лунный свѣтъ;
Прекрасны дѣвственныя очи;
Прекраснъ нѣжный Майскій цвѣтъ;

Прекрасна пѣсня круговая
Друзей за чашею ночной;
Прекрасна сабля удалая
Когда труба трубитъ на бой;

Прекрасно матери объятье;
Прекраснѣ кровъ семьи своей;
Прекрасно друга рукожатье
Въ часы заботъ, въ часы скорбей.

Но въ мірѣ что всего прекраснѣй,
То чувство юное въ груди!
Пройдешь свѣтлѣе, безопаснѣй
Съ нимъ по житейскому пути.

Блаженъ кто жизнію играетъ,
Въ комъ думы рвутся изъ чела,
Кто крику черни не внимаетъ,
Чья младость бу́рна и свѣтла!

Но тотъ кто рано отъ мечтаній
Отсталъ, и окомъ все проникъ,
И цѣпь житейскихъ испытаній
И скудность сущности постигъ;

Чья безъ цвѣтовъ завяла младость,
Душа унынiемъ полна;
Чье сердце не лелѣетъ радость
Какъ тихозвучная волна.

Тому—о плачь! тому—о горе!
Не для него краса ночей,
Ни дружбы глазъ, ни пѣснь, ни море,
Ни Божій свѣтъ, ни блескъ очей....

Все что высоко, что прекрасно
Въ немъ мертвый духъ не оживитъ,
И жизнь безрадостно, напрасно
Онъ до могилы провлачитъ.

А. Лаголовъ.

I.

У Л Е Й.

Пчелиный храмикъ обветшалый;
Умолкла пѣснь въ твоемъ дуплѣ;
Какъ старецъ въ мірѣ запоздалый
Ты тихо клонишься къ землѣ.
Такъ иногда—вѣковъ кладбище,
Звѣрей пустынное жилище—
Порабощенная страна
Въ могильный сонъ погружена;
И лира вѣщаго Бояна
Вблизи родимаго кургана
Осиротѣлая виситъ,
И струны вѣтеръ пепелитъ.
Такъ смолкнетъ дружеская тризна,
И тлѣетъ черепъ мертвеца,
Какъ дымъ опальная отчизна,
Какъ храмъ пустынный, безъ жреца.

Д. Струйскій.

НАДЕЖДА-АНГЕЛЪ.

Надежда-Ангелъ! пѣсня муки
Осталась отъ тебя одна?
Въ ней вздохи вытѣсняютъ звуки
И грусть дыханья лишена.
То счастье, какъ была ты съ нами,
Вотъ мѣра нашимъ здѣсь слезамъ:
Ты возлетѣла надъ звѣздами,
Но все близка хотя и тамъ.

Я вижу мать: всю сердца муку
Надежды пепломъ погребя,
Она твою хватаетъ руку
И молитъ звука отъ тебя.
Простясь съ четой единокровной,
Страдала ты за нихъ въ тиши:
Послѣдній взглядъ твой былъ любовной,
Послѣдній подвигъ—миръ души.

Надъ голубыми небесами,
Въ святой, глубокой ихъ дали,
И выше звѣздъ стремясь очами,
Еще найдутъ тебя твои:
Звѣздой вечерней и сіяньемъ
Небесной вѣры ты блеснешь,
И имъ отраду съ упованьемъ
На раны сердца прольешь.

О, укроти же ихъ томленье!
Блаженна тамъ, родная тутъ,
Пролей о нихъ молитвы пѣнье
Въ тотъ хоръ, гдѣ Ангелы поютъ!
Ты поняла родимыхъ муки,
Въ листахъ судьбы прочель твой взоръ
Всю тайну раннія разлуки:
Смирить молитвой приговоръ!

Лучемъ небесъ у насъ блистая,
Ты нашихъ душъ душой была:
Еще и здѣсь мила земная,
Какъ ты небесная мила!
Чтожъ намъ осталось? упованье.
Придемъ и мы во твой покой,
И неразлучное свиданье
Въ немъ будемъ праздновать съ тобой.

Шевыревъ.

СОЛДАТСКІЙ ПОРТРЕТЪ*.

Былъ себѣ когда-то какой-то маляръ. Таки вотъ на умѣ мотается какъ его звали, да не припомню! Ну, даромъ; маляръ, да и только. И что за дока былъ! лучшій его знаетъ, какъ ладно писалъ! Можетъ статься вы, братцы, читая, либо слушая сказку эту, подумаете, что онъ такъ себѣ малевалъ, просто, какъ ни попало, что только разбалтаетъ краску, алую, малиновую, либо желтую, да такъ просто и мажетъ столъ, либо сундукъ, что ли? О, нѣтъ, погодите! таки что не увидитъ, такъ съ него портретъ и удеретъ; хоть бы тебѣ ведро, либо свинья, что ли, таки точнёхонько оно и есть! А еще, бывало, какъ намажетъ

---

* Одна изъ повѣстей Гришка Основьяненка. Повѣсти эти со временемъ безъ сомнѣнія будутъ оцѣнены по достоинству; покуда, кажется, Украинское нарѣчіе, на которомъ они написаны, пугало нашихъ читателей и читательницъ. А жаль; очень не много такихъ вещей написано у насъ и по Русски. Переводъ—всегда только тѣнь подлинника; переводъ народной Украинской повѣсти на Русскій языкъ—жнитье полутѣни. Я желаю только возбудить, хотя въ немногихъ, охоту—прочесть подлинникъ—вотъ почему рѣшился я на переводъ. Я увѣрился по опыту, что всякій, кто потрудится прочитать двѣ страницы повѣстей Основьяненка, съ помощію человѣка знающаго Украинское нарѣчіе, третію страницу будетъ уже понимать самъ.

В. Луганскій.

что нибудь, да и подпишетъ, — а былъ онъ и письменный — что это-то не арбузъ, а слива, такъ уже живёхонька она и есть. Разъ — о, да смѣхужъ было! ребята смѣючись животы надсадили — списалъ онъ таки вотъ нашего понамаря Никиты кобылу: да какъ же живо удралъ, такъ это дѣло диковинное! ну, намалевавши, да и говоритъ намъ: глядите-ка ребята что за проказы будутъ! а мы говоримъ: а ну, ну, что тамъ будетъ? А онъ говоритъ: идите-тка за мною, да несите портретъ понамаревой кобылы *. Вотъ мы и взяли его, да и понесли, да по приказанію маляра нашего и поставили супротивъ понамаревато двора, на подпоркахъ. Таки вотъ точнёхонько она и есть! и на одинъ глазъ крива, и хвостъ оборванъ, и ребра наружу выѣзли, да еще и голову повѣсила, словно насѣлся! Вотъ, поставивши ее, сами и пріѣли подъ тыномъ, въ бурьянахъ, и ждемъ понамаря, а сами жмемся, да силимся, чтобы только не хохотать. Глядь—идетъ нашъ Никита, да еще, никакъ, и въ головѣ маленько было: идетъ, да себѣ подъ носъ бормочетъ, да распѣваетъ. А тамъ и увидалъ кобылу, да и говоритъ: «что за ледащій этотъ Ефремъ — а его батрака звали Ефремомъ—кобыла, говоритъ, сошла ночью со двора, а ему и нужды мало! когда бы хоть мнѣ ее поймать!» а самъ распоясался, взялъ кушакъ, завязалъ петлю, да и сталъ подкрадываться, а самъ знай чмокаетъ, да приговариваетъ: *пгрусё, ряба, пгрусё!* да подошедши

* Небольшія отступленія отъ подлинника я вынужденъ былъ допустить, по причинамъ, отъ переводчика и писателя независящимъ.

Перев.

вилоть, какъ закинетъ ей на шею петлю, какъ закричитъ: *тпру!* какъ потянетъ ее къ себѣ, а кобыла и повалилась, а мы такъ и покатились со смѣху, да давай Богъ ноги! А попамарь Никита и остался; стоитъ, какъ укопаный, руки и ноги одеревенѣли, самъ ни съ мѣста; а кобыла лежитъ передъ нимъ вверхъ ногами; подпорки, видите, не удержали, какъ потянулъ онъ ее къ себѣ, чтобы не ушла; да уже послѣ самъ сказывалъ, что и долгобъ столялъ, да попамариха увидала, да и та не знала, что съ нимъ дѣлать; и водою спрыскивала, и отдувала, да на силу на силу съ мѣста свела, да въ избу спровадила; такъ, говоритъ, всю ночь трясучка била его, да кобыла все въ очи лѣзла; ань-да поколѣ не напился шалфею!

Такъ вотъ какой у насъ былъ непутный маляръ; да, да, да! теперь вотъ только вспомнилъ какъ его звали: Кузьмою, а по батюшкѣ Трофимовичемъ. Какъ теперь на него гляжу: въ синемъ камзолѣ, въ крашенинныхъ широкихъ шароварахъ, налатниковымъ поясомъ брюхо подпоясано, а сверху китайчатый кафтанчикъ; на шеѣ, по бѣлому воротy, бумажный красный платокъ, конёвьи сапоги, съ подковами; волосы черные, подъ чубъ подстриженные, а усы рыжеватые, густые, да длинные; не больно часто брился, видите, такъ борода всегда какъ щетка была; вина—не употреблялъ, такъ чтобъ черезъ край; а коли съ пріятелями, въ компаніи гдѣ трафилося, такъ таки не проливалъ его; ладно бывало поетъ на крылосѣ и *гласы* знаетъ; частенько, бывало, объ него спо-

тыкался таки вотъ и *панъ Афанасій*, дьякъ нашъ; только ужь окаянный табакъ этотъ, такъ нюхаль, что не то что! хльба святаго ѣсть не станетъ, а безъ нюхани этой жить не можетъ! былъ себѣ и городенъ, и пузать порядкомъ; а родомъ, коли кто слышалъ, изъ Борисовки, Курской губерніи. Въ той-то слободѣ, живутъ наилучшіе богомазы, иконописцы, и всякіе живописцы и маляры, такъ и онъ-то, Кузьма Трофимовичъ нашъ, былъ родомъ оттолѣ; а у насъ на селѣ, красилъ новую звонницу, колокольню. И таки некуда правды дѣвать, ужь никто лучше ни намажетъ, ни размажетъ, какъ богомазъ изъ Борисовки; ужь не жалко и денегъ. Коли жь *Москаль*, Русской, возьмется за это дѣло—ну, тогда только почешись, да и отойди. И торгуется, и запрашиваетъ, и корми его еще; и хльба ему дай и денегъ вволю—а ужь какъ свахляетъ—такъ ну, ну, ну! ты ему толкуй: *блакитна*, голубая, а онъ знай свое: «синя-ста», ты ему: *негодится;* а онъ поссывается, да опять таки свое несетъ: *«ничаво-ста, для хохловъ и это бряде!»* тьфу, на ихъ голову!

Такъ про того-то Кузьму Трофимовича послышалъ какой-то баринъ, смертный охотникъ до огородовъ. Такъ, вишь, бѣда; воробьи каждое лѣто выклюютъ все, что ни посѣетъ. Вотъ онъ и позвалъ Кузьму Трофимовича, да и подрядилъ его, списать ему солдата, да чтобы такой былъ какъ живой, чтобъ и воробьи боялись; а коли какая фальшь будетъ, такъ прикину, говоритъ, тебѣ. Вотъ и сторговались за десять рублей деньгами, да за осьмуху вина. И

намалевалъ же онъ ему солдата—да еще и какъ! что жъ вамъ говорю, и живой не будетъ такой поганый, какъ этотъ писаный! широкорожій, мордастый, да еще и съ преогромными усами, такъ, что не только воробью, да и человѣку взглянуть страшно. Мундиръ на немъ лихой, на всѣ пуговицы застегнутъ, такъ и горитъ; а ружье? такъ погибель его знаетъ, какъ живо написано! Вотъ таки того и гляди что выстрѣлитъ! даже приступиться страшно! А только заглядись на него, такъ вотъ, кажется, ужъ и шевелится—и усомъ моргаетъ, и глазами водитъ и руками дергаетъ и ногами дрягаетъ—такъ и думается: вотъ побѣжалъ за тобою, вотъ бить станетъ, бить! такъ-то живо былъ онъ написанъ!

Ну, намалевавши солдата, Кузьма Трофимовичъ и думаетъ: можетъ-статься не угожу еще на барича своего—тогда пропали и деньги и работа; повезу-ка я солдата своего куда нибудь на ярмарку, поставлю на базарѣ, да и буду слушать, что станутъ говорить люди; пока будутъ бояться да пугаться его—такъ ступай смѣло Кузьма, бери деньги; коли жъ это кому не покажется, скажутъ не ладно, такъ стану еще подправлять, поколя не покончу.

Собрался нашъ Кузьма Трофимовичъ, да и повезъ своего солдата, коли кто слышалъ, аиъ-да въ Линцы. Вотъ, въ самую глухую полночь когда еще всѣ спали по телѣгамъ своимъ, а хозяева по избамъ и въ шинкахъ народъ уже разошелся и огонь погасили, Трофимовичъ и поставилъ портретъ свой на самой

ярмаркѣ, и подперъ его стойками, еще получше понамарской кобылы, чтобы вѣтеръ не свалилъ, либо какой пьяный подшатнувшись, или свинья, какъ слонялась по базару придетъ поскрестись да почесаться, чтобъ не свалили; а самъ, раскинувъ да растянувъ рядно, присѣлъ подъ нимъ, чтобъ прислушиваться, что народъ говоритъ станетъ про его солдата; да тутъ-же наклалъ и красокъ на палитру; коли, говоритъ, что не ладно, такъ и подправлю. Снарядившись со всѣмъ, присѣлъ, повѣсилъ голову, да и задремалъ маленько, покуда еще тамъ до чего дойдетъ.

Анъ вотъ и заря зардѣлась. Еще не всѣ и звѣздочки потухли, а Кузьма Трофимовичъ уже и вскочилъ; понюхалъ табаку, прочихался, протеръ очи полою —а ужъ тутъ некогда было еще по воду итти, чтобъ умыться—подпоясался снова, притянулъ кушакъ и оправился хорошенько, насунулъ шапку на самый носъ, да и рукавицы досталъ, потому, что это, знаете, было *о первыхъ пятинкахъ* (*), такъ зори были холодныя, да и сѣлъ себѣ подъ рядномъ своимъ, чтобъ прислушиваться.

Напередъ всего огонекъ блеснулъ въ кабакѣ. Ай, ай! да уже и въ Липцахъ завелись кабаки какъ—помилуй Богъ—въ Россіи! отколь же это взялось? Община насъ такъ прикрутила, чтобы, видѣте, откупщикъ за насъ, коли сами не сможемъ, вносилъ подушное. И взялся таки—да не изъ настоящихъ от-

(*) Около половины октября.

купциковъ, а—нечего грѣха таить—нашелся одинъ изъ нашихъ, крещеныхъ людей, что вступилъ въ ихъ Московское повѣрье и обычай, да взялся, какъ предатель Іуда, держать на откупу и Липцы и другія слободы, на Московскій ладъ! И уже у нихъ не шинокъ называется, а кабакъ; и тамъ уже вся *Московская* натура и тамъ же все *москаль* на голо, какъ въ Турчинѣ все Турки. Да все, слышь, народъ проворный: не доѣстъ, не доспитъ, все только и думаетъ и гадаетъ, чтобы заработать копѣйку. Такая, вишь, у нихъ уже Московская *поведенція!* А ужь какъ нашего брата, хоть бы и въ кабакѣ, надуваютъ — такъ ну, ну! ты, напримѣръ, принесъ воть съ посудинкою, чтобъ купить себѣ, для хозяйства, на сколько надо вина; да хоть мало маньски заслушайся только, либо зазѣвайся, такъ уже и не долье полной мѣры, да проворнѣй и выльетъ въ твою посуду; тутъ ты, хоть спорь съ нимъ, хоть бранись, а ужь онъ выпроводитъ тебя—пошелъ, да и только! Коликъ тутъ хочешь выпить, то, будто и добрый, зачерпнетъ тебѣ за гривну таки полнехонькую—тутъ станешь усы разглаживать, да утираться, да почмокаешь и сбираешься какъ бы хорошенько на тощакъ выпить; да только что руку подпялъ, не успѣлъ еще и до рту донести, какъ—врагъ его знаетъ откол̀ь москалёнокъ этотъ у діавола возьмется, таки будто тотъ что.... крестная съ нами сила!..... подбѣжитъ, подтолкнетъ—плюсъ! больше половины чарки назадъ, такъ и выплеснетъ: бѣда, да и только! пьешь скорѣе, а то цѣловальникъ станетъ еще и чарку отымать! Выпилъ, такъ чтоже? какъ говорится: по

бородѣ текло, а въ ротъ не попало; а и не говори уже, чтобы по животу пошло; нечего тутъ было и проглотнуть. Вотъ, таковъ-то ихъ Московской обычай, чтобы со всякаго сорвать; такъ куда уже имъ и спать долго? Да таки тутъ спитъ, а тутъ думаетъ: какъ бы то и гдѣбъ то поживиться!

Такъ вотъ, какъ засѣли въ кабакѣ, такъ и выслали *подтоскачку*, того, что подъ правый локоть толкаетъ, не увидитъ ли кого на улицѣ, да не заманитъ ли его въ кабакъ. Выбѣжалъ чертёнокъ да и оглядывается.... поглядите-тка на него, на чтожь онъ таки похожъ? чтобъ ему голову подъ чубъ подстричь, какъ люди дѣлаютъ, а то—махровый да мохнатый! Спереди волоса ему въ глаза лѣзутъ, уши закрываютъ, по затылку мотаются—только, знай, сердечный головой потряхиваетъ, чтобы косы эти не мотались! И сорочка на немъ, вмѣсто бѣлой, какъ заковъ велитъ, либо красная, либо синяя, да еще и безъ воротника, а на застежкѣ—да на плечѣ тутъ и застегнетъ; такъ, что коли кто впереди москаля увидитъ, такъ и не угадаетъ, что это такое!

Ну, вотъ эдакой-то выскочилъ, да и сталъ у дверей—поглядѣлъ, поглядѣлъ—увидѣлъ, что стоитъ солдатъ на *каловуру* съ ружьемъ, да и сталъ ему кричать: «*Служба! поди сюда! стань-ка эть-то, вотъ здѣсь, чтобъ подъ часъ, коли будетъ драка, такъ не дай насъ въ обиду; а порція отъ насъ будетъ!*» Стоитъ солдатъ, не ворохнется; москалёнокъ крикнулъ и въ другой разъ, и въ третій—солдатъ

ни съ мѣста. Москалёнокъ и струсилъ, чтобы солдатъ не осерчалъ, да не надралъ бы ему еще вихоръ; замолкъ, да проворнѣй въ кабакъ, да и заперся на крючекъ. А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все— усмѣхнулся, моргнулъ усомъ, да и подумалъ про себя: поглядимъ, что-то дальше будетъ; не велика еще штука москаля одурачить!

Затѣмъ, высунулось и солнышко; тутъ засуетились и наши, что съ мукою наѣхали изъ Дергачей изъ Ольшаной, а были иные анъ-да изъ Колòмака. Да изъ какихъ мѣстъ, отцы мои, на ярмарокъ этотъ не навезли всякаго хлѣба! таки видимо—невидимо коли такъ сказать, что подводъ съ двадцать тутъ было—такъ ей же Богу моему что больше! Туча тучей. Тутъ и рожь, и овесъ, и ячмень, и пшеница, и гречиха—все, все было. Пришло, знаете, время, снести подушное, такъ всякому деньги нужны. Нашъ братъ не бородачъ, ждетъ поры да времени. Онъ слава тебѣ Господи и оборони насъ, не *москаль*, чтобъ ему, покинувъ жену, дѣтей и животинку, таскаться вездѣ и повсюду, да забиваться на край свѣта, за этою ницценскою копѣйкою, да кровавымъ потомъ ее заработывать! Да чего тутъ и толковать, коли Богъ уродилъ хлѣбца, да далъ его собрать, такъ жди поры, поколѣ придетъ нужда; да какъ десятскіе потянутъ тебя въ волостное за подушное, да земскіе сборы, да тутъ еще и хозяйкѣ льну надо, чтобы прясть его на рубахи, да новый *очипокъ* нужент на голову, да дочерямъ надо *плахтъ*, либо *свит* одѣться не вочто, и уже всякая напасть нападетъ

что уже хоть роди да подай деньги—пу, тогда уже некуды дѣваться; вези, хоть верстъ за двадцать—да есть ли, нѣтъ ли цѣны, а ты, скорѣе, за что продалъ, за то продалъ, только бы долго не стоять, да и удирай домой, и расчитывай себѣ, чтобы стало и сюда и туда; а коли удовольствовалъ всѣхъ—ну, тогда уже исправный казакъ; лежи себѣ на печи, въ просѣ, до новой нужды, тогда уже будемъ думать о томъ, гдѣ что взять.

Такъ вотъ такіе-то тамъ съѣхались, и ихъ уже и сонъ не бралъ. Солнышко взошло, они и повскакивали, чтобы, знаете, купца не прогулять. Вотъ, порядкомъ вставши, да помолившись противъ церкви Богу, и послали одного изъ табора по воду — а ужь было время и кашу варить. Поплелся Ефремъ, съ двумя баклагами, вонъ туда, подъ гору. Идетъ базаромъ — лупь очами — стоитъ солдатъ. Ефремъ былъ себѣ паренёкъ *учливый*, снялъ шапку, поклонился, да и говоритъ: «день добрый, господа служивой!» А солдатъ молчитъ. Вотъ, Ефремъ и пошелъ себѣ своимъ путемъ, а Кузьма Трофимовичъ и усмѣхнулся, да и подумалъ: «одурачилъ и своихъ; что-то дальше будетъ!» Ну, набравши воды, да идучи назадъ къ табору, Ефремъ и думаетъ себѣ: «Вотъ же тутъ есть и постой! а что, какъ спрошу я, не надоль имъ для коней овса, либо какой мучицы?» Да поравнявшись супротивъ того портрета и говоритъ: «Господа москаль! а скажите, коли милость ваша будетъ, вашему командирству, коли надо овса, либо какой муки, такъ пусть придутъ къ обозу, да

спросять Ефрема Супòшо; а у меня овесецъ важный, дешево отдамъ и мѣра людская: восемь съ верхомъ и трижды рукой по мѣркѣ ударить! пожалуетажь не забудьте; а *могорычъ* отъ насъ будетъ. А на починъ, нуте, пошохаемъ табаку!» Да зà словомъ, досталъ изъ-за галенища рожокъ, постучалъ имъ о коблукъ, и высыпалъ на ладонь; самъ пошохалъ, крякнулъ, поднесъ солдату, да еще и приговариваетъ: «табачокъ-этъ ладный; терла женка Анна, старушка мать учила ее переминать, а дочери растирали, да въ рожки насыпали! пожалуйте!» солдатъ ни гу-гу; и усомъ не моргнетъ. Бѣднякъ Ефремъ и взялъ себѣ на разумъ: «ну его—подумалъ про себя — чтобъ еще по рожѣ не ударилъ; вѣдь онъ на то солдатъ!» поднялъ боклаги свои, да не оглядаючись къ возамъ... А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все.... хи хи, хи хи, анъ-да подъ бока держалъ да заливался!

Поколѣ-жь все это дѣлалось, стали собираться на базаръ и *бублейницы* и *паляничницы*, и тѣ, что кружками пшено, да ложками масло продаютъ. А за ними гуськомъ частили съ пирожками, съ вареньмъ мясомъ, съ гусаками, съ гороховиками и со всякими лакомствами, чего только душа пожелаетъ на полудновaнье. А старшòю у нихъ была, вожакомъ, *Евдоха Колупайчиха;* молодица ладная, не взялъ ее катъ, черновая, губатая, маленько курносая, да румяная словно макъ; да таки и разодѣта: *очипокъ* на головѣ, правда, уже вытертъ весь, однѣ нитки остались, а былъ, видно, когда-то парчевый; тулупъ бѣлыхъ смушекъ, подъ крашениною и сур-

комъ отороченъ; только, правда, уже весь въ дырахъ, и подъ рукавами, и на *бокахъ*, такъ, что все платье сквозится—да еще и не простое, а мѣщанское; она, вишь, взята была въ Липцы изъ самаго Харькова и роду не простаго, а мѣщанскаго; *шушунъ* на ней набойчатый, *исподница* коламянковая; только уже трудно было згадать, какого цвѣту, потому, что все это больно замарано было постнымъ масломъ; она вишь пекла бублики и пышки—а за этимъ дѣломъ, извѣстно, нельзя чистоплотно ухаживать; какъ разъ выпачкаешься, какъ чортъ этотъ, что къ вѣдьмѣ въ трубу лазить.

Вотъ, молодицы и кричатъ Евдохѣ: «а ну, *паньматко*, выбирай мѣсто на счастливую продажу; ты у насъ голова; гдѣ ты сядешь, тамъ и мы подлѣ тебя». Евдоха и взяла изъ чужаго короба *паляницу*, сайку, стала, оборотившись на Восходъ, да и покатила ее противъ солнца. Катилась *паляница* эта, катилась, не запнулась ни гдѣ, а примехонько упала подлѣ солдатскаго портрета. «Ой, бѣда моя,» закричала Евдоха, поднявъ сайку, да сунувъ ее промежь свое добро, «какже намъ подлѣ *москаля* садиться! Да онъ намъ тутъ такого грѣха надѣлаетъ, что не то что! тутъ ухватитъ, тамъ ущипнетъ да тутъ—того и гляди, что и коробовъ не соберешь!»—Выбирай же другое мѣсто—закричали молодицы—можетъ-статься и не такъ счастливое, да все таки лучше, чѣмъ дать *москалю* волю надъ товаромъ своимъ! —

Перевела Евдоха свой *цехъ* черезъ дорогу, поворожила опять другою, тожъ чужою, булкою, и по-

ложила ее въ свой кузовокъ; а гдѣ булка упала, тамъ сама сѣла съ товаромъ своимъ, а молодицъ разсажала, куда которой по очереди досталось; а чередъ вела самажъ Евдоха; которыя были по богаче, такъ по ближе къ себѣ, а бѣдную товаромъ, такъ на самый хвостъ, въ уголокъ, гдѣ и школьникъ, который на малыя деньги самый дешевый товаръ покупаетъ ее не найдетъ, — да за чередъ, каждый базаръ и лупитъ съ нихъ что сможетъ: о, то была козырь-баба! Ужь одно то, что Харьковская родомъ; а щебетуха да и щебетуха! Взялась она надъ всѣми торговками атамановать, и отъ десятскихъ, отъ головы, да и отъ самаго писаря оборонять да отстаивать; только чтобы всѣ ее слушали, и что скажетъ, чтобъ дѣлали, и что спроситъ съ нихъ, чтобъ подавали. Да пусть бы кто ее и не послушалъ! такъ разомъ и *нашлетъ*. либо свинья бубликн похватаетъ, либо собака масло вылакаетъ, либо пьяный подшатнется, да коробъ опрокинетъ, а ужь даромъ не пройдетъ.

Только что молодицы наши чинно разсѣлись и каждая съ товаромъ своимъ управилась, какъ...*то!* москаля нечистый и уродилъ съ грешневиками! Какъ напустятся они на него всѣ: «Зачѣмъ ты тутъ сталъ? ступай себѣ, ну, въ другое мѣсто, не мѣшай православный товаръ продавать! а самъ поди, хоть къ чертамъ, опричъ хлѣба святаго!» Вотъ, какъ подняли на него крикъ —, а ужь извѣстно, молодицы наши, сколько ихъ ни будь, какъ забормочатъ всѣ въ одинъ голосъ, такъ никакого и толку не дашь,

словно на *лоткахъ* вода шумитъ! А москалю и нужды мало, знай себѣ кричитъ: «грѣшники горячи!» Что тутъ на свѣтѣ дѣлать? молодицы видятъ—плоха шутка; пристали къ Евдохѣ: «дѣлай что знаешь, да гадай, а москаля сбудь!»

Некуды Евдохѣ дѣваться, взяла—да все таки не изъ своей коробки—три вязанки *бубликовъ*, пошла къ писаному солдату, да и .... ей же Богу, правда! и поклонилась ему словно живому, да и проситъ: «Ваше благородіе, господа *салдатство*, будьте ласковы, сдѣлайте милость, сведите съ нашего мѣста, вотъ того шальнаго, католицкаго, бусурманскаго москаля, что сталъ подлѣ бублейницъ съ гречишниками своими!» Да за словомъ, смотритъ—и не глядитъ на нее москаль—и стала ему совать бублики въ руку, да сама еще и приговариваетъ: «На-те, возьмите, ваше благородіе, пожалуйте, дома пригодится!» А солдатъ ни дохнетъ... какъ же вдругъ разглядѣла Евдоха наша, что это обманъ, что то не настоящій солдатъ, а только его поличіе, *парсуна*—застыдилась, покраснѣла словно ракъ, да скорѣе, безъ оглядки отъ него, да бублики въ свой коробокъ, да и сѣла. Сколько ни спрашивали ее молодицы, что ей тамъ сталось отъ москаля, такъ молчитъ да молчитъ себѣ, да и говоритъ: «спровадилажь я вамъ москаля, чегоже вамъ больше?» А онъ и вправду, какъ увидѣлъ, что Евдоха пошла на него просить, струсилъ, да и пропалъ съ гречишниками своими. А Кузьма Трофимовичъ глядя на всѣ проказы эти, насмѣялся себѣ въ тихомолку, да и говоритъ: «Вотъ такъ,

молчи знай! Ужъ къ намъ, словно къ живому, съ поклонами ходятъ, какъ къ Засѣдателю!

А тѣмъ часомъ собралось народу пропасть! таки куда глазомъ ни поведешь, все *люди*, все *люди*, какъ сарона въ полѣ! и чего-то туда не навезли, да не нанесли! таки такая ярмарка, будто въ самомъ Харьковѣ, на Пречистой: всякій товаръ и чего бы ты не вздумалъ, все есть! грушъ-ли? такъ и возами груши, и въ мѣшкахъ груши, и кучами груши, иди, торгуй, сколько кому надо, да съ которой кучки хочешь и сколько тебѣ угодно бери и пробуй; никто тебѣ не заказетъ. А тамъ, вонъ, *Москва*, съ лаптями, да съ лыками; были у нихъ и чашки, ложечки, писаныя деревянныя тарелки; были и рѣшета, лотки, кадки, пересѣки, лопаты, сѣялки; башмаки, сапоги съ подковами, и Нѣмецкіе, только одними гвоздочками подбитые: тутъ и Суздальцы, съ картинами, да съ книжками завалящими, а рядомъ съ ними сидитъ *сластёшка*, что пышки печетъ, съ печкою; только спроси, на сколько тебѣ тамъ надо *сластёныхъ*, такъ она живо подыметъ пелену, да сыметъ старую онучу, что горшокъ съ тѣстомъ накрытъ, чтобы, знаете, тѣсто на холодѣ не стыло, (за тѣмъ она и держитъ его у себя подъ пеленкою:) вотъ, пальцы послюнитъ маленько, чтобъ не приставало тѣсто, да и ущипнетъ его, да на сковороду, въ масло, такъ и шипитъ!! а поджаривъ, тотчасъ и подаетъ; а ужъ масломъ постнымъ не скупится; такъ и течетъ по пальцамъ, только знай обсасывать! Тутъ же, рядомъ, продавался и табакъ тер-

тый, шохальный и такой, въ попушахъ; а тамъ, желѣзный товаръ: подковы, гвозди, топоры, подоски, *ухналы*—и все чего нужно. А тутъ уже пойдутъ лавки съ краснымъ товаромъ для господъ: стручковатый перецъ на пяткахъ, изюмъ, винныя ягоды, лукъ, всякія сливы, орѣхи, мыло, свѣчи, тарань-рыба, еще весною съ Дону привезенная, и провѣсная и соленая; икра, сельди, опойки, выростки, ножи, булавки, иголки, крючки, застежки, и для нашего брата свинина. Дёготь и въ *шеритвасахъ* и въ мазницахъ—да продавались тутъ и помазки. А рядкомъ, подлѣ, стояли *бубники, бухашны*, гороховики, гречашники, а въ лоткахъ разносили печенку на ломти порѣзанную; на сколько тебѣ надо, на столько и бери. А тамъ, пучками капуста, свекла, морковь огородныя—а домашней бабы наши не продаютъ, берегутъ про нужду, на нашу голову, ну ее!.... Тутъ же былъ и хрѣнъ, и рѣпа и *картохли*, которые-чай, скоро хлѣбъ святой со свѣту Божьяго сгонять. А тутъ изъ *Водолаги* горшки, изразцы, миски, крышки, кринки, кувшинчики..... да якъ говорю, нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы не было на этой ярмаркѣ; и кабы только денегъ въ волю, такъ накупилъ бы всего, да и ѣлъ бы себѣ круглый годъ! А что еще ободьевъ, колесъ, оглобель—*лошень*, а тамъ еще и *свиты*, простаго *Уразовскаго* и мышинаго сукна; были и тулупы, всякіе полсы, шапки и казачьи треухи; былъ и дѣвичій товаръ: *стрічки, скиндячки*, по нашему ленты, широкія, что голову повязываютъ и узенькія, что заплетаютъ въ косы; серьги, байковыя юбки, *плахты*, шитые рукава и платки; *очипки* бабьи, сер-

пянка, *запаски, кораблики,* утиральники, шитые и съ городками; *щитки,* гребни, *днища,* веретена, соль толченая, глина желтая, запанки оловянныя, перстни, башмаки..... Ухъ, анъ-да уморился расчитывая да разсказывая все это; чего-то тамъ не было!

А промежду такой пропасти товару, что тутъ народу было! и Боже сохрани! Еще чуть ли не больше, чѣмъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на заутренѣ, какъ Христа *дочитываются:* либо на Іорданѣ: таки протолпиться не льзя! Тотъ покупаетъ, тотъ божится, тотъ прицѣнивается, тотъ споритъ, этотъ товарищей скликаетъ, тотъ кричитъ бабу свою, эти ссорятся, тѣ бранятся, тѣ, покончивъ дѣло, идутъ *могорыча записать;* бабы бормочатъ, всѣ разомъ въ одинъ голосъ говорятъ, а ни одна не слушаетъ; нищіе поютъ Лазаря, кобылы ржутъ, колеса скрипятъ; тотъ кричитъ съ телѣги: *по глину, по глину!* А на встрѣчу ему распѣваетъ: *по горшки, по горшки!* Дѣти, растерявъ матерей, ревутъ; тамъ завываетъ собака — тутъ *придушили* поросенка, визжитъ на весь базаръ, а свинья, хрюкаючи, пробирается промежь народомъ; тамъ торговки хватаютъ за полы ребятъ, да школьниковъ: «поди сюда, дядюшка; возьми у меня, барченокъ; вотъ бублики горяченькіе съ мачкомъ; вотъ сайка легонькая, только-что изъ печи.....» та, та, та, та,—да и не разберешь ихъ тамъ что и о чемъ они толкуютъ; вездѣ и всюду шумятъ, стучатъ, кричатъ,..... точнехонько какъ въ мѣльницѣ, коли на всѣ поставы и мѣлетъ и толчетъ!

А тамъ, слышь, скрипка съ цымбалами: *Матвый Шпонь* размродалъ соль, расчелся, чистыя денежки взялъ, нанялъ *тройсту*, трехъ музыкантовъ, да и возится съ ними по базару! Уже и шапки на немъ какъ не бывало; гдѣ-то кинулъ ее въ кого-то, да самъ и удралъ. Идетъ и поетъ; а гдѣ лужа, тамъ и ударитъ трепака. Забрызгался, вымарался — эге! да не мѣшай ему, онъ *гуляетъ!* Въ одной рукѣ стклянница, въ другой чарка; кого ни встрѣтитъ: «Пей, батькинъ сынъ, дядюшка любезный! пей; *Матвый Шпонь* гуляетъ; пей въ его голову, чтобъ ты подавился! Будь здоровъ на многія лѣта!» Самъ выпьетъ, и того потчуетъ; колижь этотъ не захочетъ, то такъ водку и выплеснетъ на земь, а его ругаетъ, ругаетъ — да и пойдетъ потчивать другаго! Вотъ не совсѣмъ еще и допилъ флягу, трахъ ее, объ землю, да и кричитъ: «Шинкарь! подавай *Шпоню* снова! музыка, играй!» да и пошолъ дальше. Идетъ, да и увидѣлъ дегтярей: ухъ, туда, въ *шеритвасъ*, въ дёготь, влѣзъ весь, съ сапогами, совсѣмъ, да и кричитъ: «дегтярь! не бось ничего; *Шпонь* деньгами отвѣчаетъ!» да и выкинетъ ему изъ кошеля полную горсть, а самъ и кричитъ: «не обидно? не мѣшай же! музыка, играй!» а самъ и пошелъ плескаться да полоскаться въ дегтю, какъ мальчишка въ лужѣ. Что это, коли человѣкъ въ счастьи, да въ радости? Чего-то онъ не выдумаетъ? Ничего не жалѣетъ и ни объ чемъ не тужитъ!

А тамъ, слышь, медвѣдь реветъ да пляшетъ, а цыганъ кричитъ: *А ну, Гаврылку, якъ старыи ба-*

бы пьяни валяються... Цыганка ворожитъ, да приговариваетъ: «И счастливый и уродливый: черновая молодица по тебѣ горюетъ, положижь пятачекъ на рученьку, всю правду скажу...» Цыганенки вышлясываютъ *халяндру*, да кричатъ не своимъ голосомъ, будто съ нихъ чортъ лыка деретъ.... А старый Цыганъ тудаже, съ клячею своею: знай божится, женою и дѣтьми, да проклинаетъ душу свою и отца и мать — а все за тѣмъ, чтобы старую, слѣпую, сапатую, хромую кобылу, продать на мѣсто молодой, здоровой! Да какъ обступитъ нашего брата Цыганское навожденіе, такъ уже не знаешь какъ быть и что дѣлать! Какъ подпустятъ тебѣ *тумана*, такъ и самъ видишь, что кляченка трехъ денежекъ не стоитъ, да только глядишь, да глазами хлопаешь и не знаешь куда тутъ отъ нихъ и дѣваться. Тотъ божится, другой заклинается, тотъ суетъ тебѣ въ руку оброть съ клячею, третій тянетъ изъ кармана платокъ, гдѣ кошель съ деньгами, а тотъ уже и сдачи тебѣ даетъ; да всѣ гурьбою, и тащутъ тебя на выставку, запивать *могорычи*. Ну такъ, что яжь говорю, поколѣ спохватишься, глядишь, хотѣлъ свое ледащее продать — а проклятые цыганы всучили тебѣ въ руки такую погань, что и щепки не стоитъ; да такую цѣну взяли, что можно, ину пору, вола купить, да за мои-жь деньги и вино покупали и пили; а тамъ вмѣсто спасиба, мнѣ же въ глаза и насмѣялись. — «Кляча твоя де-скать маленько плоха глазами; такъ купи-тка ей очки, да и посади на глаза, знаешь какъ баричи молодые въ городѣ носятъ, такъ она, можетъ статься, еще потянетъ...»

Такъ вотъ такіе-то тамъ были проказы, что всего и разсказать нельзя. И кто бы не шелъ подлѣ солдатскаго портрета, всякій, снявши шапку, скажетъ, либо: «*добрыдень*,» либо «здраствуйте господа служба!» А служба ни гу-гу. Стоитъ себѣ чинехонько и пальцемъ не кивнетъ, и глазами не поведетъ и усомъ не моргнетъ. Таки никто, никто не угадалъ, что это солдатъ написанный. А Кузьма Трофимовичъ, сидя въ балаганѣ своемъ, видѣлъ все это, да и думаетъ: «ладно, коли такъ; посмотримъ что-то впередъ будетъ!»

Тутъ вдругъ, отколѣ ни взялся, солдатъ, да настоящій, живой солдатъ, вотъ какъ мы съ вами. Ходитъ онъ по базару да поглядываетъ, и уже одинъ утиральничекъ у *молодицы* стянулъ и въ карманъ запряталъ; стащилъ у Чугуевской торговки бумажный платокъ, такой, что гривенъ шесть стоитъ; отрѣзалъ съ возу плетенку луку, да тутъ же за пояцѣны и продалъ; да все это такъ хитро и мудро что никто и не спохватился. Наконецъ приходитъ туда, гдѣ продаютъ грушки; видитъ: у возовъ остались одни ребятишки, да и тѣ рты разинули на медвѣдей. Онъ таки и положилъ руку на мѣшокъ — никто не видитъ; потянулъ его къ себѣ—никто не видитъ; положилъ его чинно на плечо—никто не видитъ; да не оглядаючись и махнулъ куда ему тамъ надо было. Тутъ хозяева наши спохватились; глядь, *москаль* взялъ безъ спросу полнехонькій мѣшокъ грушъ, да и претъ его словно свое добро; крикнули всѣ разомъ на него, да и побѣжали за нимъ въ погоню.

Не хитеръ же и москаль; чтобъ ему бѣжать безъ оглядки? а онъ, идетъ себѣ шажкомъ, мѣшокъ съ грушами несетъ, да еще и пѣсенки про себя распѣваетъ! Тутъ его хвать за мѣшокъ: «на что ты, такой-сякой, груши взялъ?» пристали всѣ къ нему въ одинъ голосъ. Стойтъ сердечный, выкатилъ глаза на лобъ, какъ баранъ, поглядитъ на нихъ да и говоритъ: «нѣшто это ваши груши-тѣ?»—«Да не чьижь, какъ не наши!»— А онъ, какъ закричитъ на нихъ: «Ахъ вы хохлы безмозглые!» А тотчасъ и браниться; нѣтъ, что бы сперва разспросить, да тогдабъ уже и бранился сколько хотѣлъ — «а зачѣмъ вы» говоритъ, «мнѣ тогда не сказали, какъ я съ воза мѣшокъ взялъ?» да и привязался къ нимъ: «Вы, говоритъ, зѣваете по сторонамъ, а я вотъ несъ, несъ, да вотъ какъ уморился, да амуницію потеръ; вотъ вишь, и мундиръ запачкалъ; давай сюда деньги на вычистку!» Наши кинулись было сюда, туда—такъ гдѣ! и приступу нѣтъ! да еще и ругается; а тамъ, поймалъ одного за воротъ, да и тянетъ, а самъ кричитъ свое: «давай на вычистку, да за проходку; я казенный мундиръ потеръ и сапоги потоптали, давай, да и только!» наши ни открестятся, ни отмолятся; «ну, тебя, говоритъ, дядюшка, сдѣлай милость, господа служба, возьми себѣ груши и мѣшокъ, только отвяжись!» Такъ куда, такъ репьемъ и вяжется, да и говоритъ: «мнѣ, говоритъ, чужаго не нада; не хочу я вашихъ грушъ, а мнѣ подай мое!» Что тутъ на свѣтѣ дѣлать! Таки еще подумали было, чтобъ такъ да слкъ вывернуться, хотѣли итти въ волостное правленіе, такъ москаль не

то постъ: «Вотъ мол команда» говоритъ, да и показываетъ на писанаго солдата, «пойдемъ къ нему!» Наши видятъ, плоха шутка: страшно, кинули ему пятиалтынный такъ цѣлъ; «веди,» говоритъ, «на выставку, да поставь еще за проходку кварту вина!» Нечего дѣлать; поставили, только бъ отвязался, да не тащилъ къ солдату, что стоитъ съ ружьемъ; когдажъ послѣ послышали, да разглядѣли, да узнали что это солдатъ писаный, а не живой, такъ анъ-да объ-полы руками ударили, да *бить, бить* — посвистали, да и разошлись по возамъ.

А Кузьма Трофимовичъ, подъ рядномъ своимъ сидя, смѣялся, смѣялся, такъ, что по землѣ валяется; да и говоритъ: «охъ!» да и сѣлъ опять, сложивъ руки, смотрѣть, что еще будутъ за проказы.

А тѣмъ часомъ уже стало не рано. Вотъ и дѣвки собрались итти по ярмаркѣ, а все, вишь, поджидали, что бы по меньше народу стало: а то, въ толпѣ, въ тѣснотѣ, думали, что и не такъ ихъ видно будетъ. Вотъ и потянулася низка ихъ, да все на подборъ; одна одной лучше, одна одной чернобровѣй! Разодѣлись, такъ что Господи! Солнышко, среди дня, пригрѣло, такъ оно и тепленько стало; вотъ они и выскочили безъ *свитокъ*, въ одѣхъ байковыхъ, алыхъ юпкахъ, словно макъ цвѣтетъ! ленты на головахъ по Харьковски повязаны, косы въ плетушки заплетены и желтыми *гвоздиками* да *бархинкомъ* разубраны; у сорочекъ и рукава и *пидтечки* шитые, да городками разукрашены; на шеяхъ *намы-*

ста, пронизей нитокъ съ десять у каждой, коли не больше, только голову гнетъ; золотые *дукаты*, да серебряные кресты такъ и горятъ; плахты *карпашкія*, *запаски* шелковыя и *колесчатыя*, пояса коламяниковые: да все, одна въ одну, въ красныхъ башмачкахъ, да въ синихъ либо въ бѣлыхъ чулочкахъ. А за дѣломъ же они и вышли? А какже? За полѣвками, за поглядками, да не побалуютъ ли съ ними молодые ребята. Ужь **извѣстна дѣвичья** натура, хоть въ барствѣ, хоть въ мужицтвѣ!

Вотъ онѣ и пошли по ярмаркѣ, и то и сё выдумываютъ, и хохочутъ себѣ... какъ одна, вдругъ глядь! да и говоритъ тихонько: «дѣвки! смотрите, у насъ постой, солдаты!» — Врешь, гдѣ ты ихъ увидѣла? — стали тѣ допрашивать, да сами оглядываются. «Да вонъ, вонъ около деттярной лавки, стоитъ съ ружьемъ *калмыцкій*!» — Такъ и есть! — закричали тѣ въ голосъ, да начали щебетать, да смѣяться, да переходить съ мѣста на мѣсто, да одна одну толкаетъ, будто спотыкаются, а сами знай оглядываются, да какъ навочки выгибаются, да охорашиваются, чтобъ солдатъ глянулъ на нихъ, да затронулъ бы которую нибудь — вотъ этобъ имъ и на руку; тутъ бы и стали они разспрашивать его, проходомъ ли тутъ, или постоемъ? вотъ тутъ-бы и сказали ему, чтобы съ товарищами приходилъ къ нимъ на вечеринцы; онѣ, вишь, давно уже ничего путнаго не видали, а свои ребята надоѣли имъ давно и опостыли.

Вотъ и вызвалась изъ нихъ одна, *Долшка*, да и говоритъ: «постойте-тка, пройду я подлѣ него; да

уже не я буду, коли онъ меня не затронетъ! Да глядите-жъ, не зѣвайте, а откликайтесь мнѣ, коли такъ придется!» Вотъ и пошла; будто и не она, то, туда, то сюда оглянется, то пѣсенку себѣ затянетъ, то платочкомъ помахиваетъ, то нагнется подвязку подвязывать.... вотъ уже и къ солдату подходитъ, да будто съ кѣмъ разговариваетъ: «гдѣ-то тутъ шпалеры да *шушпана* продается, кабы мнѣ кто сказалъ!» Да и запоетъ себѣ опять тишкомъ.... О, что это за дѣвка была! Чтобъ ей не знать, отколѣ къ кому подойти, и какъ кого и разуть и обуть? Все знала! и проворна и шутлива была, да и свѣту повидала: два года въ Харьковѣ въ *нойкахъ* служила, гдѣ шерсть промываютъ, такъ уже ее не учить стать!

Какъ увидали подруги, что она уже близко солдата, а онъ ее и не затрогиваетъ — можетъ не видитъ еще — да и стали кричать на нее: «а куда ты Домаха, пошла?» а она стоитъ подлѣ солдата, да во, весь голосъ откликается: «Вотъ куплю *шушпани* на цвѣтки, коли какой чортъ не перейметъ!» а солдатъ нашъ стоитъ — не затрогиваетъ ее, и не глядитъ « Что за нелегкая! думаетъ Домаха, таки вплоть подлѣ него прошла, а онъ и не думаетъ затронуть! развѣ не смѣетъ, что-ли? да ворочусь еще!» — Вотъ и воротилась, да вплоть подлѣ него идетъ, и обронила платокъ, будто, вишь, потеряла, думаючи, что солдатъ закричитъ на нее, чтобъ воротилась, да подняла; вотъ она бы съ нимъ и заговорила, и пошутила, а тамъ бы и поладили. Не промахъ-дѣвка была и Домаха! такъ что же? платокъ лежитъ, а солдатъ и

волосомъ не ворохнетъ! Стала Домаха наша, да и оглядывается, да и кричитъ: «охъ, я бѣдокурная! платокъ обронила! кознбь кто поднялъ его, да отдалъ мнѣ!»

Оглядывается, сердечная, да поглядываетъ изподлобья — да ба! стоитъ солдатъ и на платокъ не глядитъ! нечего дѣлать Домахѣ; надо воротиться! Вотъ и крадется и выжидаетъ, да и говоритъ: «Вотъ бѣда! лежитъ платочекъ мой подлѣ самаго солдата — какъ тутъ быть? — Я боюсь, чтобъ онъ не поймалъ меня, либо изъ ружья не застрѣлилъ!» подошла — и нагибается и не нагибается, и беретъ и не беретъ — а все, вишь, поджидаетъ солдата — такъ чтоже? не на того, знать, наскочила; нагнулась и протянула руку, словно не видитъ, а сама все глядитъ на него; да какъ разглядѣла, какъ захохочетъ на всю улицу! а дѣвки и обозвались: «а что онъ тамъ тебѣ говоритъ? Домаха! сказывай, что-ли, что онъ говоритъ?» — Не до разговору тутъ, кричитъ Домаха, да во всѣ ноги назадъ, да за смѣхомъ и слова не вымолвитъ.

«Что, что такое, что онъ говоритъ?» Стали дѣвки, обступивъ Домаху, разспрашивать. «Эге, что говоритъ» — отвѣчаетъ Домаха, «да это-жъ не живой солдатъ, это писаный!» — «Іо!» закричали дѣвки, да и побѣжали разглядывать: и то писаный! хохотали, смѣялись, выдумывали тутъ всякую всячину, да и пошли себѣ по ярмаркѣ. А послышавъ это, уже и много кое-кто стали подходить смѣло, безъ страху,

посмотрятъ, поглядятъ, да и скажутъ: «Такъ и есть что писаный!» Да и пойдутъ себѣ.

Натѣшившись и насмѣявшись со всего этого, Кузьма Трофимовичъ и подумалъ: пора уже и сымать солдата, да укладывать его, да собираться въ путь; какъ вдругъ послышалъ крикъ, шумъ, топотъ, ревъ, пѣсни, *сопилку*..... да и присѣлъ проворный подъ рядно свое.

То подходило *парубоцтво*, холостежь; сапожники, портные, кузнецы, гончары и разныхъ званій и ремеслъ молодежь удалые, наемные у хозяевъ работники, *батьковы* дѣти, собравшіеся на ярмарку погулять. Кто съ утра еще, продавъ свой товаръ, либо купивши что кому надо было, да запивши *могорычи*, подбрились порядочно, и приодѣлись — кто въ новую свиту, кто въ китайчатую *юбку*, кто въ отцевскій — хоть и старый — да *жупанъ*; подпоясались хорошенько, кто каламянковымъ, а кто и шерстянымъ кушакомъ: въ *тяжиновыхъ* шаравархъ, надѣли на подбритыя головы казачьи шапки изъ Рышетиловскихъ смушекъ, съ алыми, зелеными, либо синими верхами; въ смазныхъ, юфтовыхъ сапогахъ, съ подборами, а кто и въ конёвыхъ, да такъ вымазанныхъ, что дёготь съ нихъ такъ и течетъ; а подковы, чуть ли не въ четверть; да закрутивши усы, идутъ себѣ *лавою*, съ боку на бокъ перевалываются, руками машутъ, трубки тянутъ, да во всю глотку, аньда жмурятся, да корчатся, орутъ *Московскія* пѣсни: *пры долынусци стояла*. И гдѣ идутъ

то такъ передъ ними народъ и разступается; и уже не попадайся имъ на дорогѣ никто; хоть торговка съ коробами, хоть москаль съ квасомъ, хоть слѣпцы, нищіе съ вожатымъ, хоть старуха, хоть молодица имъ на встрѣчу, не избираютъ никого; такъ на всякаго прямо лавою и напираютъ, и прутъ и мнутъ и съ ногъ валяютъ; а сами—и нужды мало; будто и не видятъ никого и ничего, будто это и не они!

Вотъ, увидавъ дѣвокъ повалили слѣдомъ за ними, чтобы такъ на нихъ и налегѣть стѣною; а какъ только тѣ разбѣгутся, такъ тутъ и ловить ихъ, и *пожартовать*, и побаловаться, да пошалить. Извѣстно уже, дѣло холостое! А чтобы кто посмѣлъ ихъ унять? Какъ бы не такъ! Они всей гурьбою, не разъ уже и самого Писаря, бывало, такъ употчуютъ да угомонятъ, что тотъ насилу встрянется послѣ, да прочхается! А десятскіе, такъ отъ нихъ просто прячутся подъ тынъ, да въ *бурьяны*, такъ уже тутъ нечего толковать! Всякъ, махнувъ рукой, говоритъ: пусть нагуляются ребята; больше чѣмъ на полтину грѣха да бѣды отъ нихъ не будетъ!

Вотъ и идутъ; и какъ пакинули глазомъ дѣвокъ, такъ и пошли мимо писаного солдата, за ними слѣдомъ. А вожакъ-атаманъ ихъ, чеботарь Терёшка, снялъ передъ нимъ, передъ солдатомъ тѣмъ, шапку, да и говоритъ: «здраствуйте господа служба!» Тутъ какъ захохочетъ народъ, и торговки, и прасолы, и тѣ что съ возами пріѣхали, всѣ въ голосъ

такъ и заливаются: да и ну кричать на него: «Чуръ дурня! Да развѣ это живой! Это писаный солдатъ! Нешто бѣльмы-те повыѣли у тебя, что-ли? Вотъ-то ослѣпшій не разберетъ!» Прикусилъ же нашъ Терёшка языкъ, какъ и самъ разглядѣлъ, что это и вправду писаный солдатъ, и что весь базаръ на него зубы скалитъ! «Теперь — думаетъ сердечный, мнѣ и проходу не будетъ; будутъ зубоскальничать, да горло драть, да на смѣхъ подымать и Богъ знаетъ чего еще не придумаютъ! бѣда да и только; что тутъ станешь дѣлать!» Стоитъ, носъ повѣсивъ да и думаетъ. Да вдругъ и спохватился, захохоталъ и самъ, да и говоритъ: «А будто я и не вижу, что это солдатъ малеванный! — да я поклонился ему за тѣмъ, чтобы сдурачить маляра; нешто такъ-то и малюютъ? чтобъ его нелегкая малевала! Да это и слѣпой разглядитъ, что это не живой человѣкъ, а писаный! нешто тутъ были дурни такіе, что считали его живымъ? Не знаю! *тфу*, чортъ знаетъ что намазано! глядите, люди добрые, развѣ здакъ шьется сапогъ? Я чеботарь первый на селѣ; такъ я уже знаю, что голенищу вотъ какъ надо быть» да самъ и сталъ ногтемъ по картинѣ царапать «вотъ, и въ подборахъ вранье; да и подъемъ не такой; да такп и все не такъ. Ну, его, братцы, пойдемъ дальше; намазалъ тамъ какой-то дурень!» Вотъ и пошли себѣ своею дорогою, и Терёшка радъ себѣ радёшенекъ, что свалилъ бѣду эту съ плечъ.

Да и закрутилъ же носомъ нашъ Кузьма Трофимовичъ, будто тертаго хрѣну понюхалъ! Больно ему

досадно стало, что вся ярмарка, и сколько тутъ ни было народу, таки можетъ-статься душъ съ пятьдесятъ, коли еще не больше, да всѣ таки до единаго, всѣ не узнали, что солдатъ этотъ писаный, думали что живой; а тутъ, чортъ его знаетъ откол взялся чеботарь, да и распушилъ работу его на пропалую! «Это уже, говоритъ самъ себѣ Трофимовичъ, курамъ смѣхъ будетъ! Я таки, правда, о сапогахъ не больно и заботился; можетъ статься оно тамъ что нибудь и не такъ; я только и старался, чтобъ у него лице и самъ онъ весь, и мундиръ и ружье, чтобы такъ были, какъ у живаго, а до сапоговъ мнѣ было и нужды мало: не думалъ, чтобы кто сталъ зорко больно приглядываться, туда, куда и не великій смотритъ. Пусть же такъ будетъ, какъ чеботарь сказалъ: перемалюю, чтобы и его удовольствовать и чтобы фальши никакой не было въ моей работѣ».

И вылѣзъ онъ изъ подъ шатра своего, досталъ палитру съ красками и кисть, подмалевалъ, какъ тамъ сапожникъ нацарапалъ, да опять и ползъ назадъ, и говоритъ: «Погожу еще маленько, покуда краска подсохнетъ; а тамъ и соберусь домой. Теперь и чеботарь не скажетъ, что не такъ сапогъ намалевалъ!»

Анъ, глядь! Терёшка съ ребятами, не догнавши дѣвокъ, воротились, чтобъ перенять ихъ впереръ, да и идутъ опять подлѣ портрета. Вотъ, одинъ парень, глянувши на него и говоритъ: «гляди-тка Терёшка, маляръ тебя послушалъ, вишь, перемалевалъ

сапогъ, по твоему! «Эге,» сказалъ Терёшка, передвинувъ шапку на самое темя, да подбочинясь «а еще бы онъ меня не послушалъ! Я всю силу знаю, и какъ разъ вижу, гдѣ что не хватаетъ!» А какъ ему, Терёшкѣ, все еще было досадно, и на малярa, и на картину эту, изъ-за которой люди подняли было его на смѣхъ, такъ онъ себѣ и подумалъ: «дай, еще таки разругаю да обракую, чтобъ малара вовсе съ толку сбить, и чтобы народъ думалъ, будто Терёшка великую силу въ маляретвѣ знаетъ;» самъ, постоявши, да посвиставши и говоритъ: «Вотъ, и опять таки не утерплю, скажу, за тѣмъ что вижу самъ, что не такъ! Сапоги теперь таки похожи на сапоги, какъ я научилъ, такъ мундиръ не куда гладитъ; надо чтобъ рукава вотъ такъ.....

«А *здѣсь* не знаешь?» обозвался Кузьма Трофимовичъ подъ рядномъ своимъ: «*чеботарь! знай свое кривое голенище, а въ закройщики не суйся!*»

Какъ залился хохотомъ весь базаръ, слушая проказы эти, и что Кузьма Трофимовичъ такъ отбрилъ Терёшку чеботаря! Какъ подняли его на зубы! Смѣялись надъ нимъ, смѣялись, да такъ же, ей Богу, что не то что, что аньда за рѣчкою слышно было!

А Терёшка остался какъ облизанный,—да какъ кинется, безъ оглядки, куда глаза глядятъ, да и забѣжалъ Богъ знаетъ куда! А Кузьма Трофимовичъ въ тихомолку себѣ посмѣялся, собрался съ пор-

третомъ своимъ и со всѣмъ приборомъ, пріѣхалъ къ бирину своему, да по уговору денежки и *горьлочку* съ него сбрилъ, да и правъ.

Ярмарка разошлась; только уже Терёшкѣ нашему полно молодцевать, да горло драть; не далося ему впередъ молодечество это, хоть на улицахъ тамъ, либо на вечерницахъ, или хоть бы и въ шинкѣ; только что замясничаетъ, а тутъ его кто нибудь и отбрѣетъ: *знай, чеботарь, свое крисое голенище, а въ закройщики не суйся!* То онъ себѣ такъ языкъ и прикуситъ и уже ни гу, гу!

Вотъ и вся.

Съ Украинскаго: *В. Гуаишкій.*

ЭЛЕГІЯ.

«Туда, туда гдѣ нѣтъ снѣговъ
Гдѣ рощи вѣчно зеленѣютъ,
Гдѣ вѣтры теплые благоуханно вѣютъ,
Гдѣ хороводы облаковъ
Какъ въ праздникъ радостныя дѣвы —
Всѣ въ златѣ, лентахъ и цвѣтахъ —
Играютъ и блестятъ на синихъ небесахъ;
Гдѣ безконечные напѣвы —
Народа цѣлаго согласный разговоръ —
Звучатъ на лонѣ водъ, звучатъ по скату горъ,
Туда пожить хоть мнѣ единый
Умчите на крылахъ меня,
О Духи! стражи бытія,
Земнаго счастья властелины!.....»

* *
*

Такъ сжатый холодомъ всегда
Подъ небомъ сѣверной столицы,
Я бредилъ и молилъ, и всё глядѣлъ туда
Куда въ годину бурь летятъ пролётны птицы.

Ужъ дни мои, тускнѣя въ смутной мглѣ
Казалось, близились къ закату;
И вживѣ думалъ я оплакать на землѣ
Моихъ надеждъ, послѣднихъ благъ утрату.
Но вдругъ мой темный небосклонъ
Чудеснымъ свѣтомъ озарился,
Какъ будто горній Духъ крыломъ ко мнѣ склонился
И свѣялъ съ чувствъ предсмертный сонъ.
Какъ будто силою волшебной
Онъ въ край моей мечты увлекъ, унесъ меня,
И наполнилъ струей цѣлебной
И искрой оживилъ небеснаго огня.
Всё измѣнилося: открылась предо мною
Страна роскошная, сокровище земли
И я затрепеталъ душою
Какъ лира юноши отъ нѣги и любви.
И сталъ я бодръ и свѣжъ, и ужъ не мигъ единый
Молю у стражей бытія;
Нѣтъ! я бъ отвѣтствовалъ теперь на зовъ Судьбины:
Прочь! я въ Италіи, и смерть не для меня!

В. Туманскій.

1833.

ЭЛЕГІЯ.

Въ груди не разцвѣтете вновь,
Мечты, веселость и любовь!
И все чѣмъ утро жизни мило.
Васъ сердце грустное забыло;
Погасъ души веселый свѣтъ;
Моей звѣзды на небѣ нѣтъ!
Я съ вами рано распростился
И преждевременно склонился
Цвѣтъ яркій юности моей.
Такъ въ блескѣ утреннихъ лучей
Съ улыбкой ясной солнце всходитъ,
Но вдругъ за облако заходитъ
И гаснетъ въ мглѣ холодныхъ тучъ
Его едва вспыхавшій лучъ.

А. Аѳоловъ.

ОРГАНЪ.

(ИЗЪ ГЕРДЕРА *).

Кто изобрёлъ то дивное строенье,
Гдѣ въ голосахъ все сливнится творенье?
Одушевленный храмъ дыханьемъ Бога
Въ себѣ одномъ ты смѣло заключилъ
Источники непостижимыхъ силъ,
Высокихъ чувствъ святаго умиленья:
Вотъ звуки тихіе поющей флейты,
Вотъ клики радости, цимбаловъ звонъ,
Они слились съ свистящею свирелью
Вотъ барабанъ.... (его призывный рокотъ....)
Съ побѣдною трубою загремѣли
И звукъ ростетъ..... заглушена свирель, —
Ударъ въ литавры..... громъ трубы послѣдней:
На Судъ зовутъ!—Вскрываются могилы
И мертвецы проснулись и встаютъ.

* *
*

(*) Намъ пріятно извѣстить нашихъ читателей, что всѣ 19 легендъ знаменитаго Гердера переведены и относятся къ изданію А. П. Глинкою, которой одолжены мы отличнымъ переводомъ Шиллеровой пѣсни о колоколѣ. *Ред.*

Какіе звуки носятся? И міръ
Созданія пернатыхъ ожидаетъ
И зашумѣлъ эоиръ. Грядетъ. ... внимайте
Грядетъ Іегова!.... То громъ Его
И звуками живыми вѣетъ свыше
И, гласомъ смертнаго вѣщалъ Безсмертный
И, трепеща, откликнулося сердце.
И души всѣхъ и голоса согласно
Поднявшись вверхъ, на облакахъ почили.....
Молитесь! Аллилуія! Молитесь!

* * *

Самъ Аполлонъ — изобрѣтатель цитры,
Сынъ Маіи изобрѣлъ златую лиру,
Устроилъ флейту Панъ. Кто-жъ былъ тотъ дивный
Кто съединилъ созданій всѣхъ дыханье?

* * *

Цецилія, Римлянкѣ знаменитой
Не нравился струнъ шелковистый звукъ.
Она душой молилась: еслибъ можно
Услышать мнѣ хвалебную ту пѣснь
Что отроки средь пламени воспѣли
Творенья пѣснь!

До уха вдругъ ея
Коснулся Ангелъ, часто ей въ молитвѣ
Являлся онъ. Восторженная слышитъ
Творенья пѣснь. Луна и звѣзды, солнце

И тьма и свѣтъ и день и ночь и вихри
И года времена и мразъ и буря
Роса и дождь, снѣгъ, иней, ледъ и горы
Долины въ ихъ весенней красотѣ,
Ключи, потоки, море, лѣсъ, скалы
Въ эфирѣ хоръ пѣвцевъ, и на землѣ,
Что только дышетъ все Творца хвалило
Могущаго, благаго. Ниць упала
Она молясь. О, Ангелъ! Мнѣ оставь
Сей пѣсни отголосокъ. Онъ пошелъ
Къ художнику что полонъ былъ вдохновенній
Святаго Висанла. Ангелъ самъ
Далъ мѣру и число. И вотъ строенье
Гармоніи возникло. Раздалась
Пѣснь Ангеловъ, хвала и слава Богу.
И въ Богѣ всѣ въ одну слиялись душу
И Христіанъ гремѣлъ высокій *Кредо*.
Когдажь при совершеньи тайнъ взнеслось:
«Благословенъ грядый во имя Бога!»
Блаженные отъ умиленья пали
И приняли благоговѣнья жертву.
Въ единый хоръ слились земля и небо;
Злодѣй сраженъ вступя въ преддверье Храма:
Онъ узнаетъ трубу Суда и гнѣва.....
И, радуясь съ народомъ Христіанъ,
Цецилія *тѣмъ* въ звукахъ наслаждалась

Чего молящихся сердца желаютъ
Желаютъ вѣрные и ждутъ что будетъ:
Единство душъ — въ Христѣ союзъ святой....
«Какъ назову, она рекла, ту бурю
Что въ море вѣчности влечетъ такъ мощно?»
И Ангелъ ей: «ты видишь въ семъ орудьи
Желанное тобой. — То органъ духа:
Сей духъ теперь сердца народовъ движетъ,
И онъ-же пѣснь творенія настроитъ
Когда, въ путяхъ запутанныхъ столѣтій,
Настанетъ часъ вещей соединенья:
О будь же онъ органъ благоговѣнья!»

Авдотья Глинка

АНГЕЛЪ.

Судъ мірамъ уготовляется,
Ходитъ Богъ по небесамъ;
Звѣздъ громада разступается
На просторъ его вѣсамъ.....

И, послышавъ Бога, дальнія
Тучи Ангеловъ взвились;
Протѣснясь въ врата кристальныя
Хоры, съ пѣньемъ понеслись.....

И мой Ангелъ охранительный,
Ужъ терявшій на землѣ
Блескъ небесный, блескъ плѣнительный,
Распустилъ свои крылѣ...

У судьбы земной подъ молотомъ
Въ сторонѣ страстей и бурь
Яркихъ крылъ потускло золото
Полиняла въ нихъ лазурь....

Но какъ все перемѣнилося!
Онъ на Бога посмотрѣлъ —
И лице его свѣтилося
И хитонъ его свѣтлѣлъ!....

Ахъ! когдажъ жильцамъ - юдольникамъ
Возвратятъ полётъ и намъ —
И дадутъ земнымъ невольникамъ
Вольный доступъ къ небесамъ!...

Ѳедоръ Глинка.

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ДИПЛОМАТЪ, ЛИТЕРАТОРЪ, ВОИНЪ.

Войдите въ любую столичную гостиную, когда въ ней много народу — и вы непремѣнно остановитесь на которомъ нибудь изъ трехъ характерныхъ отпечатковъ современной общественной жизни, литераторѣ, дипломатѣ или свѣтскомъ человѣкѣ. Благодаря чудесной многосторонности нашего вѣка, они даже бываютъ слиты въ одной особѣ, на которой иногда найдете въ дополненіе четвертый отличительный признакъ — боевой нарядъ и вооруженіе воина. Любопытна ихъ физіогномія. Угодники, любимцы женщинъ и вельможъ, приѣзжіе судьи публичныхъ зрѣлищъ, живые телеграфы новостей всякаго разбора — они какъ будто рождены оправдывать на дѣлѣ истину эпиграфа: «Sic vos non vobis,» жить чужимъ умомъ. Они — настоящіе актеры на сценѣ жизни. Имъ принадлежатъ и громкія роли, и блестящія, часто мишурныя одежды, и рукоплесканія толпы. За то и ненавидятъ ихъ такъ называемые дѣльные люди. Но эта ненависть неискренняя: она смѣшана съ завистью. Да какъ и не завидовать

счастливцамъ? передъ ними ученый, судья, знатокъ финансовъ, то же что предъ актеромъ темная сволочь театральныхъ служителей. — Вотъ вамъ скудная плата; метите соръ, зажигайте люстры, двигайте кулисы; но Боже васъ избави показываться на сцену! васъ освищутъ: на ней стоитъ актеръ и за всѣхъ васъ торжествуетъ. — Больше всѣхъ неблаговолитъ къ нашимъ баловнямъ ученый; онъ безъ пощады изливаетъ на нихъ желчь, которая, какъ извѣстно, накопляется въ изобиліи отъ сидячей жизни. Къ чести ихъ надо замѣтить, что они никому не воздаютъ равною враждою; напротивъ, готовы раскланиваться съ каждымъ, слушать каждаго даже не понимая, удивляться всему чему другіе дивятся, но за то и концуствовать коль скоро другіе насмѣхаются. Истинно практическіе мудрецы, они чуждаются бурныхъ ощущеній, не сердиты ни на кого въ мірѣ и ненавидятъ одно скучное, то есть, принуждающее ихъ къ какому бы то ни было напряженію.

Не станемъ осуждать безусловно этихъ трехъ представителей нашего времени. Благоговѣніе къ фактамъ! они существуютъ, слѣдственно необходимы, слѣдственно полезны; иначе мы дошли бы до богохульства. Бытіе этихъ характеровъ строго опредѣляется ходомъ новѣйшей образованности. Скажу болѣе: изъ послѣдствія они становятся причиною, и въ свой чередъ имѣютъ рѣшительное вліяніе на ея развитіе; такъ маховое колесо, движимое первоначальною силою машины въ свой чередъ усугубляетъ и уравниваетъ быстроту ея движенія. Свѣтъ,

среди котораго они существуютъ, въ отношеніи къ обществу то самое что биржа въ отношеніи къ торговлѣ. Какое дѣло если маклера не имѣютъ собственныхъ капиталовъ? они облегчаютъ ихъ оборотъ между другими. Нѣтъ сомнѣнія, оборотъ мыслей многимъ обязанъ вліянію свѣтской жизни: она пріучила науку выражаться языкомъ понятнымъ. Ученый въ глуши письменной комнаты, безъ сознанія, часто нехотя, повинуется требованіямъ свѣтскости. Мыслитель, гордый мнимою независимостію ума! положи руку на сердце и сознайся: не билось ли оно сильнѣе когда до тебя доходилъ слухъ, что твое имя съ похвалою произносили тѣ, кого ты честишь прозваніемъ трутней безполезныхъ въ общественномъ ульѣ.

Есть одинъ умный человѣкъ, который долго путешествовалъ и много насмотрѣлся чуднаго въ природѣ; онъ сознается что во все продолженіе своихъ странствій, не встрѣчалъ ни разу одной любопытной рѣдкости: пошлаго дурака. Богъ вѣсть, существовало ли когда нибудь это племя; журналы-ли, пароходы или желѣзныя дороги довершили его истребленіе; но то достовѣрно что оно исчезло съ лица земли; вѣсть о немъ живетъ лишь въ дѣдовскихъ преданіяхъ, и нуженъ новый Кювье, что бы дать намъ полюбоваться на него хоть въ окаменѣлости.

Есть другая рѣдкость, которая также существуетъ въ одинъ легендахъ: это человѣкъ злой. Я знаю

людей съ вредными предразсудками, вредными страстями, но не зналъ ни одного злаго. Слѣдуетъ-ли изъ этаго, что нѣтъ злости въ человѣческой природѣ? къ сожалѣнію, не думаю. Взгляните на невиннаго ребенка, съ какимъ онъ удовольствіемъ ломаетъ свою куклу и мучитъ животное попавшее ему подъ руку. Откуда въ немъ жадность къ истребленію? Да и мы возмужалые, не рады ли посмотрѣть на смертную казнь, на звѣриную травлю? Сколько зла мы творимъ въ мірѣ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, когда оно позволено обычаемъ. Не говоря уже объ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, кто далъ намъ право убивать животныхъ и питаться ими? кто позволилъ давить равнодушно насѣкомое случайно ужалившее щеку? Всякій согласится что въ силу теоріи добродѣтели, не слѣдуетъ уничтожать бытіе, которое не мы создали, и которое воскресить не въ нашей власти. Однако мы не пойдемъ же, подражая добродушному дядѣ Тоби въ Тристрамѣ Шанди, вставать изъ-за стола и выносить комара за окно, съ чувствительнымъ замѣчаніемъ, что обоимъ просторно на свѣтѣ.

Вы спросите, къ чему это пошлое примѣненіе? Къ тому чтобъ доказать не менѣе пошлую истину, что чистый умъ и чистая добродѣтель не существуютъ.

Не смотря на то, въ прежнія времена жили люди, которыхъ разсужденія походили на образъ мыслей 20-ти лѣтняго студента, только лишь окончив-

шаго курсъ академическій. Въ его юной головѣ заранѣе разрѣшены всѣ задачи, и весь родъ человѣческій распредѣленъ на сыновъ тьмы и сыновъ свѣта, ангеловъ и демоновъ, геніевъ и глупцовъ. — Но это были времена фанатизма и гоненій.

Вольтеръ не любилъ математики утверждая, что она обыкновенно оставляетъ умъ на той самой высотѣ гдѣ застала его. Не углублявшись въ науку, онъ не могъ оцѣнить ея высшіе результаты. Но то справедливо, что нынѣшній способъ судить о вещахъ посредствомъ цыфръ, и примѣнять такъ называемую политическую ариѳметику къ философскимъ и нравственнымъ наукамъ, кажется намъ счастливымъ изобрѣтеніемъ, и между тѣмъ только потворствуетъ лѣни, врожденной уму человѣческому. Число на первый взглядъ кажется простѣе вещи: предметъ требуетъ осмотра со многихъ сторонъ, а цыфра безъ хлопотъ остается въ головѣ и не мѣшаетъ переходить далѣе. При нынѣшнемъ удобствѣ быть начитаннымъ, мнѣ случалось видѣть людей одаренныхъ счастливою памятью; благодаря статистическимъ таблицамъ, они наизусть пересказжутъ вамъ народонаселеніе государствъ, ихъ долги и доходы, квадратъ почвы, длину рѣкъ, площадь морей, — и при всемъ этомъ не имѣютъ ни о чемъ зрѣлаго понятія, — а какъ примутся судить о политикѣ, хоть вонъ бѣги. Нѣтъ ничего обманчивѣе ариѳметическихъ выводовъ. Одна, сначала незамѣтная, погрѣшность въ основаніи — дастъ всѣмъ заключеніямъ ошибочную постройку. Примѣръ тому Дюпенсевы сравни-

тельныя таблицы образованности разныхъ департаментовъ Франціи; вы ищете въ нихъ, гдѣ люди образованнѣе, а находите гдѣ больше мальчиковъ и дѣвочекъ ходятъ читать и писать въ школу. Средство принято за цѣль.

Съ такою же лѣпою большая часть людей слывущихъ зоркими, привыкли судить о степени ума другихъ. Способъ для этаго не труденъ. Стоитъ вообразить что умъ есть нѣчто посторонное, влитое въ голову какъ жидкость въ сосудъ; подайте лишь мѣрку, которую бы можно опустить въ мозговую глубину каждаго, и мы опредѣлимъ тотчасъ, на сколько градусовъ у него ума, сколькими линіями онъ умнѣе М, глупѣе N, и такъ далѣе. Это напоминаетъ о заблужденіи медика, который разсѣкши голову трупа, увѣрялъ что можетъ положить палецъ на сѣдалище души человѣческой.

Къ счастію до сихъ поръ не найдено еще такого умственнаго градусника, да еслибъ и нашли, то онъ не могъ бы повести ни къ какому точному открытію. Умы различаются не столько *величиною* сколько *качествомъ;* и еслибы съ этой точки зрѣнія, былъ досугъ заняться пристальнымъ разборомъ людей населяющихъ землю, мы вѣроятно отыскали бы столько видовъ ума, сколько есть людей на планетѣ; не нашлось бы можетъ быть даже ни одного смертнаго, сколь бы онъ ни слылъ посредственнымъ, котораго умъ, при данныхъ обстоятельствахъ и въ данномъ отношеніи, не могъ бы выдержать

борьбу съ умомъ всякаго другаго. И обратно, земной шаръ не производилъ еще такого генія, которому подъ часъ, бѣдненькій духомъ изъ его ближнихъ не имѣлъ бы права шепнуть на ухо: другъ, ты дѣлаешь глупость.

Кто знаетъ, сколько примѣчательныхъ умовъ жили и умерли неузнанные, потому что имъ не случилось встрѣтить въ этой жизни сродныхъ себѣ отношеній, и можно ли предвидѣть до какой степени развитія способенъ дойти умъ, на взглядъ самый обыкновенный, когда обстоятельства укажутъ ему именно то направленіе, для котораго онъ созданъ. Мало-ли примѣровъ находимъ въ Исторіи, что человѣкъ жилъ, жилъ не обращая ни чьего вниманія, когда возникали нежданныя событія, и онъ вдругъ вырось великаномъ, къ удивленію современниковъ и потомства. Смиренные, успокойтесь; славные, будьте скромны!

Въ духѣ человѣческомъ двѣ стихіи: умъ и характеръ. Это всѣ знаютъ. Скажу болѣе. Умъ и характеръ связаны цѣпью неразрывною. Одинъ безъ другаго не существуетъ; это одинъ и тотъ же лучъ, который мы аналитическою призмою искуственно разлагаемъ на двѣ краски. Здоровый характеръ объясняется умомъ здравымъ; недостатки ума указываютъ на недостатки въ характерѣ; судить о нихъ отдѣльно — нѣтъ возможности.

Характеръ начинается съ душевнаго чувства и доходитъ до воли. Но умъ, взятый въ обширномъ

значеніи, не есть ли тоже что сочувствіе, помощію котораго мы переносимся во внѣшніе предметы и усволяемъ ихъ? Мы ошибаемся говоря: умъ *судитъ*, онъ *угадываетъ*, и сужденіе, силлогизмъ, ничто иное какъ формула для повѣрки приговора, заранѣе нами произнесеннаго. Есть множество людей, которые быстро проникаютъ мысли другихъ, но лишь гораздо позже отдаютъ себѣ отчетъ о томъ въ видѣ сужденія. Самымъ умнымъ человѣкомъ я назвалъ бы того, кто одаренъ самымъ обширнымъ сочувствіемъ, кто способенъ переноситься и усвоять себѣ наибольшее число душъ, отношеній и предметовъ. Такіе умы рѣдки, блаженные внутреннимъ равновѣсіемъ способностей, они мало оцѣнюются толпою; какъ воздухъ, они не замѣтны для глаза, именно по своей прозрачности.

Для толпы осязательнѣе тѣ умы, которые можно назвать *узкими;* слѣпые со многихъ сторонъ, они одарены яснымъ сочувствіемъ къ одному роду предметовъ или къ одному извѣстному порядку отношеній. Особливо важна ихъ роль въ мірѣ практическомъ, ибо они удобнѣе могутъ служить орудіемъ; а мы по врожденному чувству эгоизма, любимъ принимать людей не за цѣль, но за средство къ достиженію данныхъ видовъ. Для умовъ этаго разряда впрочемъ необходимо, чтобы случай опредѣлилъ имъ дѣйствовать въ кругу соотвѣтственномъ роду ихъ дарованій; тогда они счастливы, и снискиваютъ славу. — Игла и долото одинаково полезны; одно вышиваетъ узоры, другое пробиваетъ камень;

но пускай отличное долото попадетъ въ руки ивеи; она уступитъ его за безцѣнокъ, и охотнѣе купитъ плохую иглу.

Есть умы движенія, есть умы созерцанія. Первые преобладаютъ въ нашъ вѣкъ: ибо отличительныя его черты суть хлопотливость, почти совершенное отсутствіе созерцательной способности, страсть переходить отъ одного мелкаго впечатлѣнія къ другому, ни на чемъ не останавливаясь. Умамъ движенія суждено гремѣть въ мірѣ, когда воля у нихъ развита въ сильной степени, и когда обстоятельства даютъ ей просторъ. Но умы созерцанія блаженнѣе внутри себя, независимѣе отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; сочувствіе и любовь ихъ обширнѣе и глубже. Они и для міра живутъ не даромъ: потомки не произносятъ ихъ имени; но слово въ тишинѣ ими зароненное не умираетъ; оно зрѣетъ переходя изъ одной души въ другую, и потомство, наслаждаясь иногда поздною жатвой, почитаетъ другихъ виновниками блага. Какое дѣло святелю? онъ былъ и безъ того счастливъ.

Хотите видѣть олицетворенное изображеніе того, что я назвалъ умомъ движенія? разверните у Лафатера портретъ Юлія Цезаря, впрочемъ идеальный. Взгляните на его орлиный взглядъ, на гордую шею, на черты изрытыя мышцами и страстями.— Хотите-ль видѣть выплоценный духъ созерцанія? поѣзжайте въ Дрезденъ, остановитесь предъ картиною Сикстовой Мадоны, сдружитесь съ чертами од-

ного изъ Херувимовъ, который внизу, облокотясь, глядитъ на Богоматерь и Младенца. Лице его безстрастно и спокойно; но взоры утонули въ созерцаніи красоты и величія; онъ вѣкъ будетъ смотрѣть и вѣкъ не насмотрится, безпрерывно находя въ нихъ новые источники наслажденій.

Юнона, чье сердце томится жаждою славы, и желало бы купить ее хоть мученіями! ты ихъ не испыталъ и потому цѣна тебѣ кажется дешевою. Но когдабъ ты лишь подумалъ, какъ часто извѣстность достается въ удѣлъ умственной неправильности!—люди скорѣе удивляются уродливому нежели прекрасному; умы привлекающіе рукоплесканія толпы, обыкновенно богаты по одной части, страдая нищетою по многимъ другимъ, и тѣмъ тяжелѣ чувствуя свою неполноту, чѣмъ болѣе близки къ истинному превосходству. Тебя плѣняетъ гора, высотой изумляющая путника за нѣсколько сотъ верстъ. Но подойди ближе: едва проходимыя болота отдѣлили ея подошву отъ земли обитаемой, грудь изрыта нагими развалинами скалъ, чело подернуто тучами, и вѣчные снѣга легли на темя, за то что лучь денницы озаряетъ его ранѣе дольнихъ равнинъ, богатыхъ плодородіемъ.

Мнѣ особенно нравится у Омеопатовъ то, что они рѣшились уничтожить отвлеченныя названія болѣзней и хотятъ имѣть дѣло съ одними *симптомами*, признаками. Какая нужда ломать голову надъ тѣмъ, чахотка ли у моего знакомаго, или ане-

вримъ, или желчное разстройство. Спросите чѣмъ онъ жалуется: одышкою, колотьемъ въ правомъ боку, или онѣмѣніемъ въ лѣвомъ ухѣ; по этому пропишутъ билліонную долю порошка № 3, 4 или 10, и кончено. Я не вхожу въ медицинскія распри, но полагаю, что судя о недостаткахъ умственныхъ, благоразумно было бы поступать омеопатически. Я не понимаю, когда вы говорите: такой-то глупъ или уменъ, добръ или золъ; скажите просто: онъ сего дня поступилъ умно, нелѣпо, благородно или низко. Это для меня ясно. Кто знаетъ, можетъ быть самый тотъ человѣкъ поступитъ завтра совсѣмъ иначе. Не даромъ Испанцы, говоря о личномъ мужествѣ, употребляютъ выраженіе: я былъ храбръ *въ такой-то день.*

Таковы обыкновенно сужденія свѣтскихъ людей, такова сущая практическая мудрость. Отрекшись произносить общее мнѣніе о достоинствахъ, они сего дня рады дружиться съ тѣмъ, для кого вчера смирительный или желтый домъ казался имъ приличною квартирою. Въ этомъ еще нѣтъ ничего противнаго; я первый готовъ идти въ свѣтскіе люди на такомъ условіи. Противна непоколебимость, когда съ видомъ величайшаго простодушія выдаютъ недостойный, либо весьма обыкновенный поступокъ, за подвигъ добродѣтели — или пожимая плечами, будто мимоходомъ, издѣваются надъ чертою заслуживающей уваженія. Но и въ этомъ случаѣ, рѣже виновато сердце, нежели разсудокъ, гдѣ *приличіе* заглушило понятіе о *долгѣ.* Вотъ корен-

ной, неизцѣлимый порокъ свѣтской жизни; будемъ снисходительны; даже изъ него могло бы происходить хорошее.

Люди дѣловые, т. е. посвятившіе себя какой нибудь особой отрасли умственныхъ занятій, показываются въ свѣтѣ лишь исподтишка, для отдохновенія; но вообще они не уважаютъ свѣта и питаютъ глубокое презрѣніе къ его записнымъ гражданамъ, называя ихъ просто тунеядцами. Посмотримъ же на чемъ основано это обвиненіе? отвѣчаютъ: свѣтскій человѣкъ не способенъ ни глубоко мыслить, ни глубоко чувствовать; для него главная наука—чужія отношенія, главный законъ нравственный — приличія, главная цѣль жизни — нравиться. Но скажите по совѣсти, эти три задачи въ самомъ ли дѣлѣ такъ пусты какъ вамъ кажется? Начиная съ *науки*, о чемъ думалъ Пиѳагоръ, когда называлъ науку наукъ, любомудріе — познаніемъ чиселъ? что же есть *число*, какъ не самое общее выраженіе отношенія? Умъ, который бы могъ обнять взаимныя отношенія всѣхъ существующихъ предметовъ, былъ бы умъ не только универсальный, но божественный. Обратимся къ частнымъ вѣтвямъ познанія; напримѣръ: къ чему клонятся вычисленія астронома? къ тому чтобы найти отношенія земли къ солнцу, солнца къ планетамъ, планетъ къ неподвижнымъ звѣздамъ, и такъ до безконечности. Изслѣдованія математика не имѣютъ ли цѣлію найти общій способъ открывать отношенія между всѣми возможными величинами, во всѣхъ возможныхъ видахъ? Въ

чемъ заключается вся наука права, если не въ точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей, или другими словами отношеній, какіе должны бы существовать между людьми? Далѣе, человѣкъ не есть ли для насъ самое занимательное явленіе въ природѣ? слѣдственно познаніе отношеній, не въ теоріи, и на самомъ дѣлѣ существующихъ между нашими ближними, достойно быть однимъ изъ важнѣйшихъ занятій ума истинно мыслящаго.

Вы негодуете на *приличія*. Но скажите, гдѣ первый источникъ добродѣтели? не въ томъ-ли внутреннемъ чувствѣ, помощію котораго мы различаемъ то, что должно, прилично дѣлать, отъ того что не прилично. Не даромъ одинъ изъ семи мудрецовъ, на вопросъ: что есть доброе? отвѣчалъ: *пристойное*. Въ этомъ значеніи понятіе о приличіи выше понятія о пользѣ, выше и общее какого бы то ни было теоретическаго опредѣленія добра. — Когда люди приносятъ святую обязанность въ жертву пустому приличію, они виноваты единственно въ томъ, что принимаютъ муху за слона, и разучились постигать истинную важность пристойнаго.

Далѣе, вы не хотите простить людямъ, за чѣмъ они желаютъ нравиться, и въ исполненіи этой цѣли ставятъ свое главное благополучіе. Но назовите мнѣ для земнаго бытія цѣль выше, чище и полнѣе той, что бы оставлять по себѣ пріятное впечатлѣніе при жизни, добрую память по смерти? Желаніе доброй славы, откуда происходятъ всѣ благіе

подвиги, въ обширномъ смыслѣ не тожественно ли желанію нравиться? Это самый простой ключь къ достиженію счастья и для отдѣльнаго человѣка, и для всего человѣчества. Къ этому счастію, согласитесь, должны клониться окончательно всѣ ваши изысканія и открытія въ наукахъ, художествахъ, устройствѣ гражданскомъ. Слѣдственно васъ мудрѣе, кто избралъ къ нему практическій путь, не проходя сквозь трупы и мытарства, какими вы гордитесь и считаете себя превосходнѣе его.

Да! свѣтская жизнь, жизнь утѣхъ и любезности общественной — вотъ окончательная цѣль человѣчества. Она необходимо образуется во всякомъ государствѣ, гдѣ порядокъ, просвѣщеніе и народное богатство создали сословіе, которое можетъ жить исключительно для того чтобъ жить, не преслѣдуя никакой побочной цѣли.

Тоже было въ древнихъ государствахъ, тоже бываетъ и нынѣ, только съ тою разницею, что на развитіе нашей свѣтской жизни имѣли сильное вліяніе женщины. Ихъ облагородила Христіянская вѣра. Онѣ въ среднихъ вѣкахъ создали рыцарство, вѣжливость, бытъ семейный, три явленія, о которыхъ древніе почти не имѣли понятія; не во гнѣвъ господамъ политикамъ, онѣ продолжаютъ и донынѣ дѣйствовать сильно на насъ и на ходъ нашего образованія. По этой причинѣ, характеръ его женоподобенъ во многихъ отношеніяхъ. Это не похвала, и не порицаніе, но сущая истина. Возьмите съ одной

стороны современную вѣтренность, словоохотливость, любовь къ перемѣнамъ, господство моды, мелочное любопытство, мелкую, но замысловатую наблюдательность — съ другой, отсутствіе фанатизма, упорныхъ страстей и крайностей какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и во внѣшнихъ условіяхъ житейскаго быта, вѣжность, здравый смыслъ повсюду преобладающій, не смотря на раздоръ нелѣпыхъ мнѣній и криковъ: — все это не есть ли плодъ женскаго владычества и примѣра? Женщина по своей природѣ, существо умѣренное, врагъ фанатизму и всякой крайности. Всмотритесь въ нее — вы удивитесь, какимъ чуткимъ наблюденіемъ одарила ее природа, какъ будто въ оборону безсилію и зависимости ея пола; какъ легко она способна предаваться сильнымъ ощущеніямъ и мгновенно покидать ихъ, возстановляя гармонію души самимъ непостоянствомъ ея движеній. Мужчина или чуждъ страстей, или становится ихъ игралищемъ. Женщина предается страстямъ и *или шутитъ*. Ея удѣлъ — счастливая средина. Можно сказать почти утвердительно, что если только женщина не испорчена воспитаніемъ, она способна предаваться вихрю веселій, волненіямъ самолюбія, тщеславія, даже любви, и между тѣмъ не забывать священныхъ обязанностей очага семейнаго. Мнѣ возразятъ примѣромъ женщинъ, которыя въ пылу страсти или фанатизма, забывали все на свѣтѣ, и становились неистовѣе всякаго мужчины. Но для этаго нужно стеченіе обстоятельствъ, которыя въ книгахъ встрѣчаются несравненно чаще нежели въ жизни; и въ такомъ случаѣ, страсть неистовствуетъ

въ женщинѣ по тому же закону противорѣчія, по которому я никому въ мірѣ не совѣтую раздражать человѣка тихаго отъ природы: его бѣшенство во сто разъ опаснѣе, неумолимѣе гнѣва души пылкой. Не скоро нагрѣешь металлъ; но растопи его въ горнилѣ, и попробуй дотронуться.

Ужели же обвиненія дѣловыхъ людей противъ свѣтскихъ совсѣмъ неосновательны? нѣтъ; но этому вина не свѣтъ, а общество и время, посреди котораго онъ существуетъ. Жизнь, заключенная въ кругу любезности, развлеченій, приличій и домашнихъ отрадъ была бы верхомъ счастія и мудрости, въ вѣкъ мирной непорочности и всеобщаго благоденствія. Теперь она видитъ себя потерянною въ толпѣ людей трудящихся, недовольныхъ, презирающихъ настоящее въ слѣпомъ ожиданіи чего-то грядущаго. Притомъ, свѣтскіе люди рѣдко бываютъ тверды въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Они же на бѣду живутъ послѣ эпохи шума, великихъ злодѣяній и громкой славы. Все это, я согласенъ, болѣе относится до западной Европы; но у насъ на Руси своя бѣда. Наши щеголи съ молодыхъ лѣтъ начитались всякихъ книгъ и записокъ объ ужасахъ и громѣ Французской революціи; голова ихъ разгорячилась какъ воображеніе ребенка, который боится привидѣній, потому что няня пастращала его сказками и былями. Этого мало; воздосшіе на полу-иностранномъ молокѣ, они не умѣютъ, но хотѣли бы сродниться съ величавою жизнію и спокойнымъ развитіемъ Русскаго народа, который ото-всюду

вкругъ нихъ растетъ и процвѣтаетъ. — Въ виду такихъ страшностей, они сами не вѣрятъ непарушимости своего бездѣйствія, дивятся своему ничтожеству. Имъ хотѣлось бы доказать: что и мы-де не праздны, и у насъ-де есть свои хлопоты; прославиться какимъ нибудь дѣломъ, или хоть пошалить бурною страстью. Женщины съ своимъ живымъ воображеніемъ и безотчетною охотою къ новизнѣ, ободряютъ это стремленіе. Отъ того въ стаканѣ воды поднимаются бури. Свѣтскій человѣкъ перестаетъ быть истинно безпечнымъ; онъ видитъ въ свѣтской жизни не цѣль, а средства; гоняется за почестями, идолопоклонствуетъ сильнымъ, мечтаетъ о власти и величіи. Разсудокъ его принимаетъ лживый оборотъ; умъ замѣняется смѣшнымъ подражаніемъ или еще болѣе смѣшною страстію оригинальничать. За недостаткомъ сильныхъ движеній, онъ надѣваетъ маску иронія, записывается въ брюзги, и радъ бы издѣваться изъподъ тишка надо всѣмъ, что самъ невольно признаетъ святымъ и непарушимымъ. Онъ чувствуетъ себя какъ бы не на мѣстѣ, ищетъ и не умѣетъ пристроиться.

Или, другое средство сдѣлаться примѣчательнымъ: притязанія на ученость. Теперь уже прошелъ золотой вѣкъ отцевъ нашихъ, когда свѣтскій юноша безпечно доживалъ до 40 лѣтъ, не зная и не думая ни о чемъ, кромѣ баловъ, гуляній и поздравленій по праздникамъ. Есть еще такіе, но они по ошибкѣ запоздали родиться пол-столѣтіемъ. Въ наше время, благодаря журналамъ, ученымъ словарямъ и сбор-

никамъ, свѣтскій юноша отчаянно начитанъ. Онъ въ начитанности уступаетъ развѣ только литератору, о которомъ будетъ рѣчь послѣ. А ученому куда съ нимъ тягаться? Этотъ несчастный потѣлъ десять лѣтъ, издалъ книгу о какомъ нибудь важномъ открытіи въ наукахъ, и воображаетъ удивить вселенную. Жалкое заблужденіе. Свѣтскій юноша получаетъ не только Библіотеку для чтенія, но Французскія, даже Англійскія Обозрѣнія; не прошло мѣсяца, онъ знаетъ содержаніе книги лучше сочинителя; мало;—можетъ вычислить какія въ ней недостатки, кто прежде занимался уже этимъ предметомъ, какихъ еще открытій должно ожидать по этой части. Ученый въ карманъ за справкою. Куда ему? Свѣтскій юноша наизусть помнитъ всѣ цитаты, часто даже на тѣхъ языкахъ, которымъ никогда не учился. Особенно забавное впечатлѣніе оставила подобная встрѣча въ умѣ одного добродушнаго, добросовѣстнаго профессора въ Германіи. Онъ сперва безмолствовалъ, благоговѣя въ изумленіи предъ необъятной воспріимчивостію Русскаго народа, и лишь долго потомъ, подводя справки, говорилъ съ видомъ трогательнаго недовѣрія къ самому себѣ: «мнѣ кажется, между нами, молодой вашъ соотечественникъ *немножко поверхностенъ*.»

Неодолимымъ побужденіемъ играть во что бы ни стало дѣятельную роль, и занимать степень въ общественной іерархіи, объясняется еще одно любопытное явленіе: страсть свѣтскихъ людей идти въ дипломаты. Избравъ это поприще службы, удобно,

по Французской пословицѣ, «соединять выгоду порока съ заслугою доблести». Посвящая ему себя, они не покидаютъ ни прежней безпечности, ни кочевой жизни; напротивъ могутъ предаваться той и другой свободно, съ благороднымъ самосознаніемъ, что жертвуютъ собою для блага согражданъ.

Начиная говорить о дипломатахъ, надо подробнѣе сказать о примѣчательной чертѣ, отличающей отъ нихъ свѣтскаго человѣка; впрочемъ онъ недавно вздумалъ ее себѣ присвоить; я разумѣю — манію народности. Признаюсь, я всегда плохо понималъ: что такое—*стремиться* къ народности? стремиться мы можемъ лишь къ тому, чего не имѣемъ. Ты ницшь — слѣдственно утратилъ. —У свѣтскихъ людей, народность недавно стала на ряду съ непреложными требованіями моды: они почитаютъ ее почти столь же необходимою какъ башмаки для того, кто ѣдетъ на званый вечеръ. Изъ этаго не слѣдуетъ, что-бы они болѣе прежняго читали по Русски, меньше употребляли въ разговорѣ галлицизмовъ, менѣе любили Англійскій сплинъ и заморское шарлатанство всякаго рода. За то ужъ непремѣнно у нихъ предюжій кучеръ съ огромною рыжею бородою; они отъявленные заступники зимнихъ катаній на горахъ; хоть лопни — подавай имъ лотерейный билетъ общества поощренія художествъ, и подписку на акціи для застрахованія жизни. Дипломатъ свободенъ всѣхъ этихъ слабостей; онъ по ремеслу и по душѣ—гражданинъ міра; притязанія на народность ему безпокойны, и онъ навѣкъ съ ними простился.

За симъ исключеніемъ, дипломатъ и свѣтскій человѣкъ, какъ близнецы походятъ другъ на друга. Въ самомъ дѣлѣ, если они не близнецы, то по крайней мѣрѣ современники. Правда, опытные дипломаты выводятъ свое родоначаліе отъ первыхъ вѣковъ міра, увѣряя будто праотецъ Авраамъ имѣлъ уже политическія сношенія съ Мельхиседекомъ, а Дидона очень искусно вела негоціаціе, когда подъ будущій Карѳагенъ выговорила пространство земли съ воловью кожу. Но дипломаты, имѣющіе право на такую родословную, принадлежатъ къ скучному разряду людей *дѣловыхъ*: а мы занимаемся свѣтскими людьми, превращенными въ дипломатовъ; сіи послѣдніе рѣшительно возникли въ новѣйшія времена, когда свѣтская жизнь нашла столько приверженцевъ, что принуждены были записать ее въ государственную службу. Дипломатъ въ этомъ смыслѣ, и свѣтскій человѣкъ—близнецы. Однако между ними существуютъ многія тонкія различія.

Во-первыхъ дипломатъ гораздо добродѣтельнѣе и чистосердечнѣе; не смѣйтесь, говорю безъ великихъ шутокъ; именно: добродѣтельнѣе и чистосердечнѣе.

Свѣтскій человѣкъ, мы уже сказали, стыдится своей праздности; чувствуетъ ничтожность своихъ занятій; совѣсть его неспокойна. А совѣсть дипломата чиста какъ хрусталь. Свѣтскія приличія, отношенія и праздники, все это для него имѣетъ офиціальную важность; все приведено въ систему a priori, которой онъ слѣдуетъ съ благоговѣйною точностію.

Надо-ли на балъ? свѣтскій человѣкъ сердится и зѣваетъ; дипломатъ по часовой стрѣлкѣ садится въ карету, и ѣдетъ въ пріятномъ убѣжденіи, что его присутствіе будетъ новая заслуга предъ отечествомъ, исполненіе священнаго долга. Попалъ ли вельможа въ явную немилость? — свѣтскій человѣкъ не знаетъ какъ бы отвертѣться благовидно; дипломатъ у вельможи былъ весьма коротокъ; онъ спокойно шлетъ ему визитную карточку, и затѣмъ, по долгу службы, забываетъ о его существованіи.

Свѣтскій человѣкъ страхъ какъ желалъ бы прослыть дѣловымъ; дипломатъ напротивъ, ищетъ казаться вертопрахомъ; онъ до того привыкъ порхать отъ дѣла къ бездѣлью, путать то и другое, что уже и самъ сбился между ними въ расчетѣ. Вы полагаете онъ влюбленъ въ красавицу у которой сидитъ всякій вечеръ въ театральной ложѣ? ни чуть: она родственница дипломата другой державы, находящейся именно теперь въ тѣсной связи съ его дворомъ; надѣвая шаль на плеча красавицы, онъ оказываетъ важнѣйшую государственную услугу; а влюбиться? упаси Боже! это моглобъ нарушить политическое равновѣсіе.

Онъ начитанъ какъ и все наше просвѣщенное поколѣніе; однако не въ такой степени какъ свѣтскій человѣкъ; за недосугомъ и важными дѣлами, онъ позволяетъ себѣ не читать ни новыхъ книгъ, ни даже рецензій; а отвлеченныхъ сочиненій рѣшительно не терпитъ; за то газетныя новости извѣстны ему

первому по долгу службы; онъ особенно щеголяетъ точностію своихъ свѣдѣній въ географіи; по пальцамъ вычислитъ во сколько часовъ курьеръ можетъ прискакать изъ одной Европейской столицы въ другую, гдѣ лучшія почтовыя дороги, и особенно гдѣ самыя покойныя гостинницы. Сверхъ того Готскій календарь у него почти цѣликомъ въ головѣ, и денежный курсъ на главныхъ биржахъ извѣстенъ ему до подноготной. Онъ изрѣдка любитъ сорить деньгами, но вообще нельзя упрекнуть его въ презрѣніи къ благороднымъ металламъ. Дипломатъ питаетъ сердечную нѣжность къ торговымъ людямъ и ему все кажется, будто они ему съ родни. Слова: богатый и почтенный, у него едва ли не синонимы. Деньги— власть: шутить ими не только грѣхъ, важная ошибка.

Ни горькая ироніа, ни сплинъ не въ его духѣ. Онъ долговѣченъ на землѣ: ибо ничто не возмущаетъ его тишины внутренней. Довольный своей участью и мѣстомъ, которое заранѣе принадлежитъ ему во всемірной исторіи, онъ одаренъ счастливымъ благоразуміемъ: il est toujours si raisonnable; пріятно подшучиваетъ, но почти никогда не критикуетъ; ни за что не сердится; споритъ развѣ лишь для того, чтобъ имѣть удовольствіе согласиться. Онъ въ душѣ оптимистъ, и вѣритъ фатализму, не въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, чтобы міръ шелъ по какимъ-то вѣчнымъ уставамъ Провидѣнія, которымъ воля человѣческая безъ сознанія покоряется; нѣтъ—фатализму случая: да и какъ не вѣрить? онъ насмотрѣлся перемѣнъ вдоволь, видѣлъ какъ отъ ма-

лыхъ причинъ родятся великія событія, отъ нелѣпыхъ дѣйствій благоразумныя послѣдствія. Онъ — опытный философъ.

Люблю дипломата за то, что онъ не жертвуетъ несносной въ наше подражательное время страсти оригинальничать. Онъ хотѣлъ бы походить на всѣхъ какъ Голландскіе червонцы похожи между собою. Увѣрьте его, что пригожая женщина, имѣющая въ столицѣ вѣсъ ума и любезности, выдавала его при какомъ нибудь важномъ посѣтителѣ за человѣка съ мнѣніями самостоятельными, или, Боже сохрани, страшными. Съ нимъ сдѣлается дурно; онъ почтетъ ее врагомъ своимъ, подумаетъ что она просто желаетъ его гибели; онъ готовъ требовать суда для оправданія въ клеветѣ, и божиться что ни одно изъ его мнѣній не ново, что оно гораздо прежде сказано было такимъ-то, именно при томъ случаѣ, и т. д.

Теперь же попросите ту же самую женщину молвить при большомъ кругѣ гостей сидящему близко ея молодому, свѣтскому литератору: vos idées sont toujours si excentriques. Эти слова произведутъ волшебное дѣйствіе; рука его безпечно заблудится въ густые локоны; онъ томно начнетъ оправдываться. «Ни сколько, мои сужденія могутъ казаться странными; я привыкъ выражать ихъ рѣзко, но честное слово, я убѣжденъ въ ихъ истинѣ; я нахожу ихъ совсѣмъ обыкновенными» .... Между тѣмъ румянецъ самодовольствія измѣнилъ ему; онъ счастливъ на цѣлый день.

Свѣтскій юноша — волонтеръ по части оригинальности, для моднаго литератора онъ — хлѣбъ насущный. Не думайте чтобъ онъ бросалъ ее на встрѣчу всякому, это дюжинно, старо; она у него только для избранныхъ. И фракъ его и походка — на послѣдній ладъ; только онъ или всегда носитъ черное платье, или три жабы на пуговицахъ рубашки, или перстень съ мистическою буквою, или палку съ мертвою головою вмѣсто набалдашника: словомъ, что нибудь да необыкновенное.

Литераторъ начитанъ горше свѣтскаго юноши. Линь политическія газеты рѣдко достойны его вниманія; развѣ помѣщена въ нихъ рѣчь какого нибудь оратора, съ которымъ онъ исповѣдуетъ духовную симпатію. Онъ имѣетъ сильныя притязанія на ученость и знакомъ съ учеными, хотя самъ про себя почитаетъ ихъ жалкими, прозаическими тружениками. Впрочемъ его познанія ограничены свѣтскимъ обиходомъ; но кромѣ литературной прозы и поэзіи, гдѣ онъ присвоилъ себѣ право рѣшать безъ апелляціи, онъ изъ оригинальности занимается еще какою нибудь любимою отраслію свѣденій. Такъ молодой купецъ, кромѣ главнаго торга, изъ охоты любитъ промышлять собаками, картинами или другой мелочной статьею. Эта отрасль свѣденій, какъ любимый пудель, остается въ милости у литератора годъ, много уже два, — и потомъ уступаетъ мѣсто другой; геральдику замѣняютъ химія и сельское хозяйство, далѣе приходитъ черёдъ исторіи художествъ, потомъ кабалистика, наконецъ металлургія. Теперь

онъ обработываетъ въ одно время двѣ части: черепословіе и науку о насѣкомыхъ. На его письменномъ налоѣ скалитъ зубы черепъ расчерченный по Галлевой системѣ; а на стѣнахъ кабинета приколоты жуки, бабочки и другіе мученики неутомимаго любознанія.

Въ нашемъ отечественномъ литераторѣ похвально по крайней мѣрѣ то, что онъ вовсе не пишетъ. Въ первой молодости онъ сдѣлался извѣстенъ двумя, тремя журнальными статьями; ихъ довольно для потомства; на этомъ капиталѣ онъ бережливо живетъ нѣсколько лѣтъ; спросите, для чего онъ пересталъ писать, осмѣлится развѣ лишь новичекъ, невѣжа: ибо всѣ пріятели нашего литератора знаютъ положительно, что у него подъ спудомъ готовится огромное сочиненіе, долженствующее упрочить его безсмертіе.

Похвально, повторяю, что нашъ литераторъ вовсе не пишетъ. Взгляните на его собратій во Франціи, которая со всякою почтою даритъ насъ фабричными произведеніями словесности. Тамъ одинъ подслушаетъ анекдотъ или прочтетъ отрывокъ въ старинной лѣтописи, и бухъ посредственною повѣстью или романомъ. Двое другихъ изъ этой повѣсти скрестятъ посредственную драму; четвертый на эту драму напишетъ плохую статейку; иногда, чего добраго, пятый и на эту статейку напишетъ замѣчанія. Читающая публика находитъ, что все это умно, все занимательно; а я вижу только разливъ словъ, и

засуху мыслей. — Помилуйте, отвѣчаютъ, за что же вы сердитесь? вѣдь это разговоръ перешелъ въ литературу подъ видомъ газетъ и журналовъ: о чемъ прежде говорили, то нынѣ пишутъ и печатаютъ. — Тѣмъ хуже: разговоръ слово живое, печатная страница — мертвое. Въ разговорѣ человѣкъ говоритъ мнѣ не однимъ языкомъ, но чертами лица, движеніями. Ему труднѣе обмануть меня, нежели сочинителю журнальной страницы, которую я едва имѣю время просмотрѣть, ибо замѣтьте — отъ чрезмѣрнаго чтенія мы почти разучились читать; мы только *проглатриваемъ*.

Замѣтьте еще другое досадное послѣдованіе: По мѣрѣ того какъ журналистика и мелкая литература живится на счетъ разговора, самъ разговоръ становится тощье и безцвѣтнѣе. Мы почти утратили способность *бесѣдовать*, т. е. говорить изъ одного удовольствія мѣняться другъ съ другомъ минутными впечатлѣніями, чувствованіями, мыслями. Эта первобытная поэзія разговора можетъ быть еще сохранилась только въ обращеніи съ женщинами: но и тутъ, куда какъ рѣдко она свободна отъ жеманства. Между мужчинами обмѣнъ словъ обходится простѣе; за то въ немъ есть что-то купеческое. Они либо толкуютъ о какомъ нибудь частномъ дѣлѣ, и вымѣнявъ взаимныя мысли сколько нужно, молчатъ — или болтаютъ о такихъ пустякахъ, которые забыты едва сказаны. У обоихъ душа остается праздною — отъ того и скука на которую повсемѣстно жалуются въ нашихъ обществахъ. Я не

знаю на нихъ лучшей карикатуры какъ *раутъ* въ новомъ Англійскомъ вкусѣ. — Что такое раутъ? это не иляска, гдѣ мы любуемся стройными тѣлодвиженіями; не драматическое зрѣлище, гдѣ поэтъ намъ открываетъ тайны судьбы или сердца; не дружеская бесѣда; это даже не праздникъ, а хлопотливое биржевое сборище; туда толпа людей сбѣгается развѣдать текущія новости, посмотрѣть чей курсъ поднялся или понизился въ общественномъ балансѣ, и всѣ уходятъ столь же мало знакомые другъ съ другомъ, какъ вошли. Раутъ въ наше время необходимъ; на него часъ отъ часу болѣе сбиваются всѣ многолюдныя собранія; онъ вмѣстѣ и зеркало и плодъ современной свѣтскости.

Мы во многомъ опередили древнихъ Грековъ и Римлянъ. Но у нихъ было одно важное преимущество: они меньше насъ читали, и болѣе учились отъ изустнаго собесѣдованія. Не въ этомъ ли одна изъ главныхъ причинъ, почему древніе писатели дивятъ насъ той первородною силою, той дѣвственной простотою и прелестью выраженія, которыя навѣкъ останутся образцовыми?

Положимъ, посреди насъ явился бы новый Анахарсисъ, всемірный путешественникъ, умный сынъ природы. Начни мы увѣрять его, что по нашему, мудрѣйшій изъ смертныхъ, кто на своемъ вѣку перелисталъ наиболѣе лоскутьевъ стараго тряпья, называемаго бумагою, измаранныхъ чернилами. Онъ подумаетъ что это насмѣшка, и вспомнитъ объ Ни-

дѣйскомъ браминѣ, который просидѣлъ всю жизнь, не спуская глазъ съ своего мизинца, и прослылъ за то мудрецомъ, богоугодникомъ.

Меньше всѣхъ загромождена чтеніемъ голова военнаго; онъ въ свѣтѣ залетный гость, и не ищетъ блистать умомъ. Женщины почитаютъ его необразованнымъ, но съ природною вѣрностію чувства, которою правильность разсудка у нихъ замѣняется, невольно его любятъ. И какъ не любить? онъ веселъ, онъ красивъ, ему въ государствѣ необходимо предназначена роль замѣтная. Онъ всѣхъ радушнѣе наслаждается свѣтскою жизнію: ибо видитъ въ ней то, чѣмъ она должна быть — средство провести время, и пользоваться юностію, безъ всякой побочной цѣли.

Между извѣстнымъ классомъ людей нашего поколѣнія существуетъ предразсудокъ, что военное ремесло убиваетъ умъ, отучаетъ мыслить. Они увѣрили самихъ себя, будто главный предметъ жизни военнаго — тѣлесныя упражненія. Положимъ на минуту, что это справедливо. Вспомните, господа мыслители, не вашъ ли праотецъ Платонъ утверждалъ, что благое воспитаніе не полно безъ *музыки* и *гимнастики*, взятыхъ въ обширномъ смыслѣ? Въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа — вотъ золотая истина. Многихъ душевныхъ недуговъ не зналъ бы нашъ вѣкъ, когда бы меньше нерадѣли о воспитаніи тѣла.

Благоговѣніе къ фактамъ, сказали мы сначала; а въ наше время несомнѣнный фактъ — вліяніе не-

куствъ дипломатическаго и военнаго въ бытu гражданскомъ. Я не знаю болѣе общаго опредѣленія для Европы, какъ назвать ее военно-дипломатическою частію свѣта. Она только и дѣлаетъ, что воюетъ да торгуется. Между сими двумя господствующими стихіями, перевѣсъ на сторонѣ дипломатической, Богъ вѣсть ко благу-ли человѣчества. Мы Русскіе видимъ ее лишь издалека, въ сношеніяхъ внѣшнихъ и частію въ торговлѣ. Но въ западной Европѣ она вмѣлась во всѣ дѣла и отношенія внутреннія. Тамъ государства перестали быть дружными семействами. Управленіе въ рукахъ партій, которыя безъ отдыха борятся, торгуются, ведутъ между собою негоціаціи. Всѣ лавируютъ, никто нейдетъ прямо къ добру и правдѣ. Прислушайтесь къ словамъ депутата, когда онъ горько нападаетъ на распоряженія министровъ. Вы думаете, онъ вѣритъ своимъ возраженіямъ? Ни сколько; да и слушатели это хорошо знаютъ. Будь завтра въ министерствѣ онъ или его пріятели, они распорядятся точно также, и тотъ самый ораторъ еще съ большимъ краснорѣчіемъ станетъ защищать то, противъ чего вчера вооружался.

Всѣ знаютъ, какой одинъ изъ главныхъ признаковъ дипломатическаго способа дѣйствія. Онъ занимаетъ средину между торговлею и обыкновеннымъ свѣтскимъ обращеніемъ. На заданный вопросъ никогда не отвѣчаютъ безусловно, а съ извѣстными ограниченіями, уступками, оговорками, въ пользу противной стороны. Чрезъ это и умъ, разсуждая съ

самимъ собой, отвыкаетъ смотрѣть смѣло въ глаза истинѣ. *Да* и *нѣтъ* теряютъ мѣсто въ его словарѣ. *Если бы, кажется, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ, до извѣстной степени*—тьма глубокомысленныхъ словъ такого рода встрѣчаются на каждомъ шагу, и часто стоятъ рядомъ съ выраженіями совсѣмъ противной силы. Напримѣръ: «замѣчаніе вашего пріятеля *нѣкоторымъ образомъ вполнѣ* основательно; — *нѣтъ сомнѣнія*, вашъ братецъ *кажется* поступилъ очень благородно,—*я твердо увѣренъ* что онъ *можетъ быть* выиграетъ свою тяжбу;— — вы назвали эту краску бѣлою? я рѣшительно съ вами согласенъ, *особливо если* она не сѣрая и не подходитъ къ черной» и проч. и проч. Хотите-ли учиться строгости, отчетливости сужденія? пойдите въ эту школу. За то вы переймете въ ней три безцѣнныхъ урока: наблюдательность, безпристрастіе и терпимость. Вы увидите какъ разсудокъ, это существо, по вашему мнѣнію непреклонное, гнется и раболѣпствуетъ въ виду страстей и выгодъ; какъ онъ ловко и простодушно подбираетъ неоспоримые доводы въ ихъ пользу; наконецъ какъ мало истинъ, безусловно истинныхъ, не допускающихъ никакаго возраженія. Вы на опытѣ ознакомитесь съ умомъ и сердцемъ человѣческимъ, и убѣдитесь что они всегда неразлучно дѣйствуютъ.

Странно: военный бытъ, съ перваго взгляда противоположенный совершенно дипломатическому, ведетъ къ сходнымъ результатамъ, преподаетъ почти тѣ же уроки. Дипломатъ намекаетъ, внушаетъ

уговариваетъ, крадется на цыпочкахъ какъ будто по стекламъ. Военный умѣетъ лишь повиноваться, и приказывать: онъ не въ правѣ даже судить о препятствіяхъ. Что же сходнаго въ сихъ двухъ рѣзко-противныхъ способахъ дѣйствія? То, что оба совершаются гораздо менѣе доказательствами разсудка, нежели вліяніемъ нравственнымъ. Завладѣйте лишь сердцемъ человѣка, и его голова принадлежитъ вамъ. Офицеръ не достоинъ эполетъ своихъ, если не имѣетъ нравственнаго вліянія надъ рядовыми. Уважайте его, хоть бы онъ и не учился книжной діалектикѣ.

Въ нашемъ отечествѣ военное поприще представляетъ еще одну огромную, досель не довольно цѣнимую выгоду. Оно дополняетъ полу-русское наше воспитаніе. Оно ставитъ юношу, получившаго школьную образованность, въ прямое, личное соприкосновеніе съ коренною массою народа, на которой зиждется сила и величіе Россіи, съ тою массою народа, которой иноземное вліяніе досель коснулось лишь въ матеріальномъ отношеніи. Среди ея свято уцѣлѣли еще старинная вѣра, простой Русскій умъ, можетъ быть еще не развитый до степени *образа мыслей*, но искренно, почти слѣпо исповѣдующій *родное чувство*. Военный изъ опыта знакомится съ чувствами, побужденіями, нуждами обширнаго семейства соотчичей. Такъ объясняется почему многіе люди, отъ воинскихъ занятій вдругъ призываемые къ гражданскимъ, обнаруживаютъ практическую сноровку и смѣтливость, иногда превосходную бумажнаго навыка.

Не пеняйте же на юношей, зачѣмъ они любятъ начинать службу по военной и дипломатической части. Человѣкъ всегда рабъ своего ремесла. Эти два рода занятій, подобно какъ и всѣ другіе, кладутъ свое клеймо на людей посвятившихъ имъ лучшія лѣта жизни, слѣдственно порождаютъ и недостатки неизбѣжные; но драгоцѣнны какъ средство воспитанія: ибо знакомятъ коротко съ людьми и людскимъ бытомъ.

Еще недавно Русскій юноша, одаренный способностями, могъ въ столицѣ пройти курсъ академическій, въ той же столицѣ записаться въ канцелярскую службу, сочинять бумаги, отличался между сверстниками, достигалъ степеней важныхъ, и умиралъ, знавъ людей и дѣла лишь на письмѣ и по наслышкѣ отъ знакомыхъ, большею частію заключенныхъ въ томъ же ошибочномъ кругу.

Это было великое зло. Есть превосходные умы, удачно развившіеся не смотря на такой образъ жизни; но ихъ не много. Подумаемъ о большинствѣ: оно состоитъ изъ умовъ посредственныхъ, и къ числу ихъ сочинитель этой статьи охотно себя относитъ.

Т. Космократовъ.

Май 1837.

САМОУБІЙЦА.

Онъ смертью смерть предупредилъ,
Земля добычу пріютила,
Но не въ семьѣ родныхъ могилъ
Его чернѣется могила.
Я видѣлъ блѣдный трупъ въ углу,
Оцѣпенѣла длань съ кинжаломъ,
И кровь багровымъ покрываломъ
Запечатлѣлась на полу.
Самоубійцы ликъ кровавый
Какъ Божій гнѣвъ былъ страшенъ мнѣ,
Такъ воинъ сдавшійся безъ славы
Презрѣнъ въ родимой сторонѣ.
Не отпѣвали трупъ опальный,
Но робко въ полночь унесли,
И съ укоризной крестъ печальный
Стоитъ надъ насыпью земли.

Д. Струйскій.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

«КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЕ*».

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Палата въ Кремлевскомъ дворцѣ.)

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Постельничій *(старикъ)*. Прокопій Петровичъ Ляпуновъ *въ дорожномъ платьѣ, входитъ.*

Утро.

Ляпуновъ.

Изволилъ-ли проснуться Государь?

Постельничій.

Давнымъ давно. Всталъ нынѣ до заутрени,
Затеплилъ самъ лампаду, безъ меня.
Предъ образомъ Николы Чудотворца
Молился цѣлый часъ, колѣна преклоня,
Позвалъ меня: «врача!» — я кликнулъ Нѣмца.

* Эта трагедія уже кончена и скоро поступитъ въ печать.

О здравьи долго съ нимъ державный совѣщалъ,
Съ нимъ перелистывалъ тѣ кожаныя книги,
Что я видалъ въ рукахъ мошенника Разстриги,
Какъ онъ съ Басмановымъ надъ ними колдовалъ.
Вотъ Нѣмецъ началъ съ нимъ ученую бесѣду.
И Царь возвысилъ гласъ руками разводилъ;
Какъ вкопанный стоялъ я у поставца,
Дыханія не смѣлъ въ груди перевести,
Заслушался Царя, какъ нѣнья райской птицы,
Куда какъ онъ рѣчистъ и судитъ мудрено!
Хоть Русскимъ языкомъ бесѣдовалъ онъ съ Нѣмцемъ,
Ни слова я, вотъ Богъ, не разумѣлъ;
Не диво, Государь туманъ бросаетъ въ очи,
Не даромъ, колдуномъ въ народѣ онъ слыветъ.

Лапуновъ.

Стыдись старикъ, ты мелешь сущій бредъ. —
Нашъ Государь смышленѣе насъ грѣшныхъ,
Рѣчь свѣтлая темна, для темнаго ума. —
Не доросли съ тобой мы до его науки.
Чѣмъ разглашать въ народѣ пустяки
Совѣтовалъ бы взять Евангеліе въ руки,
Примѣръ должны давать народу старики,
Какъ нѣкогда святые Патріархи.
Въ Законѣ Божіемъ они растили чадъ,
Не затемняли умъ нелѣпымъ суевѣрьемъ.

Насъ опытъ убѣдилъ сколь гибельно оно:
Вѣдь суевѣръ блуждаетъ вѣчно въ мракѣ,
Какъ онучью слѣпецъ, а пламенникъ и ножъ
Въ рукахъ его вредный чѣмъ у слѣпаго...

Костельничій.

Какъ рѣчь его, кажись, ни безтолкова,
А все таки она меня бросаетъ въ дрожь.
(Уходя)
Пойду и доложу—прямой Ѳома невѣрный.

Лапуновъ *(одинъ.)*

Не трудно колдуномъ прослыть между невѣжд.
Вотъ, Государь, тебѣ неправая награда
За всѣ твои тяжелые труды
Въ тѣ ночи долгія, когда бывало ты
За книгой бодрствовалъ за тусклою лампадой,
Очей своихъ державныхъ не жалѣлъ,
Законы Русскіе прилежно изучая,
Прозванія волхва ты ждалъ ли отъ невѣжд?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Царь Василій Іоан. Шуйскій и Лапуновъ.

Лапуновъ.

Не прогнѣвись, Державный, что тревожу
Твой краткій сонъ.

Царь.

Не я ль велѣлъ моимъ гонцамъ
Не знать ко мнѣ ни на-волосъ пощады?
Гдѣ бъ ни былъ я, среди-ль семьи родной,
Иль на пиру, иль на одрѣ болѣзни,
Зови, хотя бы я стоялъ у алтаря. —
Могу-ль безпечнымъ быть и нѣжиться въ покоѣ,
Когда взываетъ къ намъ отечество святое.

(Садится)

Охъ, ноша тяжела на плечахъ у Царя.
Не зависти достоинъ Царь—участья.
Высокъ!—мы издали его привыкли видѣть,
А издали все гладко для очей....
Какую вѣсть принесъ?

Ляпуновъ.

Побѣду надъ врагами.

Царь *(крестится.)*

Хваленье Господу! Здоровъ ли Михаилъ?

Ляпуновъ.

Онъ побѣдилъ Лисовскаго Сапѣгу,
Тѣлами Польскими онъ Жабну заплотилъ.
Онъ грудью отстоялъ Макарія обитель.

Въ Колязинѣ теперь раскинулъ станъ,
Ждетъ свѣжихъ ратниковъ себѣ изъ Ярослова,
Изъ Костромы, изъ всѣхъ низовыхъ городовъ.
И воиновъ своихъ снарядомъ огнестрѣльнымъ
Онъ учитъ управлять на Европейскій ладъ.

Царь.

Благодарю его—мои онъ понялъ чувства:
Что храбрость намъ безъ ратнаго искусства?

Ляпуновъ.

Какъ порохъ безъ ружья.

Царь.

Насъ будутъ Шведы бить,
Поляки раздирать Россію не престанутъ,
Доколѣ мы народность сохраня,
Къ Россіи не привьемъ плодовъ ихъ просвѣщенья.
Удаченъ ли сей опытъ?

Ляпуновъ.

Восхищенья
Не могъ я скрыть, увидя въ первый разъ
Дружину подъ ружьемъ идущую въ порядкѣ.
Подъ музыку ступали ровно въ шагъ,
Какъ будто слитые въ одну прямую стѣну

Со всей святой Руси притекшіе сыны.
Забыто было все и споры и раздоры
О старшинствѣ и чинѣ городовъ.
Рязанцы объ руку стояли съ Москвичами,
Тверитянинъ съ Владимірцемъ, Нермякъ
Въ строю стоялъ превыше Новгородца.

Царь *(съ удовольствіемъ слушавшій.)*

Но кто же учитъ ихъ? ужель племянникъ?

Ляпуновъ.

Нѣтъ.

Къ нему изъ дружбы воевода Зомс.

Царь.

Знакомо имя мнѣ, такъ, точно Зомс.....
Онъ защищалъ Кольмаръ въ послѣднюю войну
Межъ Польшею и Швеціей—такъ точно—
Онъ сдалъ Кольмаръ Полякамъ...

(Ляпуновъ киваетъ головой.)

Царь *(грозно.)*

Онъ измѣнникъ!
Пятно на немъ постыдное лежитъ,
Какъ можетъ ладить съ нимъ племянникъ?

Ляпуновъ.

Не дивися,

Вѣдь отъ него перенимаетъ онъ
Дружиной управлять и посылать къ побѣдамъ.

Царь *(мрачно.)*

Лишь бы не переняль какъ измѣнять Царю.

Лянуновъ.

Господь съ тобой! Когда бы вѣдалъ ты, Державный,
Какъ вѣренъ князь тебѣ и Руси православной.
Всѣмъ долгу жертвуетъ, какъ истый гражданинъ,
Цвѣтущей юностью, и златомъ, и покоемъ:
День цѣлый носится предъ строями дружинъ,
Въ вечерній часъ читаетъ предъ налоемъ
Святую Библію,—гостинецъ царскій твой.
Ты помнишь, отсылавъ для договора къ Шведамъ,
Ты повелѣлъ ему Писаніе читать
И преній еретиковъ не слушать.
Донынѣ онъ блюдетъ твои слова.
Какъ голубь чистъ душею правовѣрной,
И навожденіямъ не вѣритъ Лютеранъ.

Царь.

Надежный тотъ слуга, кто вѣренъ православью.

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Онъ къ ратникамъ своимъ, я знаю строгъ, суровъ,
Казнитъ виновниковъ и часто безъ пощады.

Какъ могъ въ дружинахъ онъ порядокъ соблюсти
Одною строгостью!

Ляпуновъ.

Строжайшимъ правосудьемъ
Онъ привязалъ себѣ всѣ Русскія сердца;
Любовію къ нему, какъ бы волшебной цѣпью
Дружины связаны въ единое. Не долгъ
И не одна приверженность къ отчизнѣ
Мчитъ Русскаго въ огонь, на вражье копіе,
Но и любовь къ вождю правдивому, благому,
Достойному пособнику царя.
Когда бъ послушалъ ты хвалы, благодаренья,
Младому Скопину. Вся Русская земля
Взираетъ на него, какъ на свѣтило жизни,
На Ангела слетѣвшаго съ небесъ.
Не слышишь ты въ Кремлѣ своемъ высокомъ,
Какъ славитъ и тебя вся Русская земля,
Какъ чествуетъ тебя за выборъ воеводы,
Не знаешь ты, какъ любо всѣмъ сердцамъ,
Что постоянно ты своей щедротой царской
Достойнаго вождя изволишь отличать
И по всему судя, надѣяться мы правы,
Что прочишь ты его въ преемники державы.

Царь.

Какъ, Скопина? Возможно ли, а братъ
Димитрій, обойду ли я роднаго брата! —
Старѣйшій онъ.

Ляпуновъ.

Когда-бъ онъ былъ твой сынъ,
Не занкнулся-бъ я,—но ты бездѣтенъ.
Власть царская наслѣдника избрать.
Твой братъ старѣйшій, такъ! не въ бородѣ заслуга,
А въ разумѣ и сердцѣ — не взыщи,
Что слово вырвалось, — вѣдь я не царедворецъ,
И лгать царямъ, я воинъ, не привыкъ.

Царь.

Милѣй мнѣ воина безхитростный языкъ,
Чѣмъ сладкій ядъ придворныхъ краснобаевъ.
Будь откровененъ, мы съ тобой на единѣ.
Одинъ Господь бесѣду нашу слышитъ.

(Придвигаясь къ Ляпунову)

А знаетъ ли Скопинъ желаніе сіе,
Надѣется-ль достичь вѣнца?

(Смотритъ на него пристально

Ляпуновъ.

Онъ знать-то знаетъ,
Да слушать-то не хочетъ, — онъ въ тебѣ
Родителя, Царя и друга уважаетъ
И любитъ пламенно всей чистою душой.

Царь (*отодвигаясь*).

Вѣнца достоинъ онъ за разумъ и смиренье.
Другой давно воспользовался-бъ тѣмъ
Въ годину черную гражданскаго волненья,
Когда вожди себѣ не ставятъ въ стыдъ
Играть присягою на вѣрность государю.
Когда же думаетъ онъ выступить въ походъ?

Ляпуновъ.

Вотъ здѣсь онъ начертилъ весь ходъ военныхъ дѣйствій.

(*Вынимаетъ изъ за-пазухи бумаги.*)

Онъ царской милости велѣлъ мнѣ доложить,
Лишь съ государева рѣшится одобренья
Послѣдовать ему

Царь

Подай сюда.... (*читаетъ и обдумываетъ*).
Освободить Переяславль Залѣсскій
И въ Александровской сосредоточить рать —
Оттуда Поляковъ набѣгами тревожить,—
Бить по частямъ, ослабить тѣмъ врага,
Сапѣгу подстеречь, напасть въ расплохъ, отрѣзать
Въ селѣ Коринскомъ,— сжечь его — люблю за то!
Обдумалъ дѣло онъ — подай мнѣ этотъ свитокъ.

(Ляпуновъ подаетъ. Царь развертываетъ первую карту Россіи при Годуновѣ составленную

Вотъ здѣсь Москва, а вотъ Переяславль —
Съ широкимъ озеромъ, вотъ слобода.—Не вижу
Села Коринскаго—Бояринъ, помоги *(пишетъ)*.

Ляпуновъ *(смотритъ на карту)*.

Въ глазахъ рябитъ, не вижу я ни зги,
Какія вычуры! насилу разбираю... *(пишетъ)*.
Москву нашелъ, здѣсь быть родному краю,
Рязань, Рязань, ты здѣсь моя краса.
Вотъ синей лентою здѣсь вьется полоса,
То быть Окѣ. — Ахъ, государь, впервые
Я хартію Борисову узрѣлъ.
Похвалъ наслушался въ Рязани ей довольно,
А видѣть не видалъ.— *(Любуется, разсматриваетъ съ удовольствіемъ несъжды)*.

Царь *(смотря на него съ удовольствіемъ)*.

Утѣшься царь Борисъ,
Возрадуйся въ твоемъ опальномъ гробѣ.
Какъ за грѣхи тебя народъ твой ни клянетъ,
Великодушію не измѣнятъ Русскій.
Онъ съ честію твои заслуги признаетъ,
Изображеніе твоей страны родныя,
Сей первый плодъ высокаго ума,

Пребудетъ памятникъ твоей заботы о Россіи.
И въ лучшій вѣкъ, когда невѣдѣнія тьма,
Какъ утренній туманъ по солнечномъ восходѣ
Подымется съ твоихъ родныхъ полей,
Средь просвѣтителей отечества царей
Ты возсіяешь вновь и не умрешь въ народѣ!

Ляпуновъ *(глядя на карту)*.

Налюбоваться я картиной не могу,
Какъ широко раскинулась отчизна,
Какъ на востокъ она всей грудью налегла.

(Показывая на Балтійское и Черное моря).

Лишь моря нѣтъ у насъ.—Привольно сине море.
Отъ Нѣмцевъ къ намъ заѣзжихъ я слыхалъ,
Что небо и вода слились тамъ въ сводъ лазурный,
И ростомъ съ гору тамъ девятый ходитъ валъ;
Какъ разыграется въ часы погоды бурной,
Что Волга въ ярости, что Ладога предъ нимъ,
Чу — море какъ стекло — а волны искрометны
И чуды стаями разгуливаютъ тамъ.
Китъ всеводой тамъ, а рыбы тамъ несмѣтны,
Вѣдь нашъ осетръ не диво морякамъ
Лишь неводъ опусти, не вытянешь—утонетъ....

(въ восторгѣ)

Ахъ, Государь, намъ море завоюй.

Царь *(откладываетъ къ сторонѣ планъ Скопина).*

Эй голова, меня ты право озадачилъ.
Сижу я въ заперти, не сладилъ съ Ляхомъ я,
А по тебѣ — я завоюй Европу! *(Хохочетъ).*

Ляпуновъ.

Вотъ, вотъ начертано — Европа! — вотъ она!
Вотъ неуклюжія, щедушныя землицы.
Что пользы въ нихъ! нѣтъ, намъ не надо ихъ!
Стволомъ владѣемъ мы — не надо тощихъ сучьевъ.

Царь.

Какимъ стволомъ?

Ляпуновъ.

Вотъ видишь-ли, Державный,
Ты поверни лишь хартію вотъ такъ,
Не древо-ли вѣтвистое Европа?
Святая Русь не есть ли стволъ ея?
Не вѣтви-ли его всѣ эти государства,
Не всѣ-ль они на стволъ широкій оперлись,
Не онъ ли ихъ невидимо питаетъ?
Лишь подсѣки ты стволъ и древо упадетъ. —
Я человѣкъ простой, неграмотной, но смѣю
Вслухъ произнесть мое сужденье при Царѣ:
Для цѣли высшія назначена Россія.
Подпорой царствъ Господь ее избралъ,
И рано-ль, поздно-ль — мы не доживемъ годины —
На дѣлѣ сбудется, что Вышній завѣщалъ —

Царь *(всплеснувъ руками).*

Спасибо, угодилъ ты мнѣ, Прокопъ Петровичъ,
Таланта за тобой я рѣдкаго не зналъ,
Да ты рѣчистъ, какъ витія духовный
И сѣмлъ въ сравненіяхъ, — какъ дивный златоустъ;
По сердцу мнѣ твоя благая притча.
Тщеславью Русскаго она невольно льститъ.

(Торжественное молчаніе.)

Поддерживать должны народную мы гордость,
Величья Государствъ зародышъ въ ней сокрытъ.
Коль благородную въ себѣ увѣренность питаемъ
И вѣру теплую въ Создателя хранимъ,
Мы въ буряхъ жизни сей въ конецъ не погибнемъ;
Какъ мѣсяцъ въ облакѣ изчезнувъ, возблестимъ.
Иди, Господь съ тобой, ты сослужилъ мнѣ службу.
Для новаго пути оправься, отдохни.
Отъ царской трапезы тебѣ сошлю я блюдо...
Спасибо за твою къ племяннику любовь;
Онъ Шуйскій какъ и мы, ты любишь нашу кровь.
За вѣсти добрыя пребудемъ благосклонны, —
Что до преемника, ты выкинь изъ ума.
Судить, рядить не намъ, гдѣ правитъ Божья воля.

(Ляпуновъ уходитъ)

П. Оводовскій

ИМЯ МИЛОЕ РОССІИ.

У подножія Балкана,
На побѣдныхъ берегахъ,
Имя милое Россіи
Часто на моихъ устахъ.

✤

Часто вырвавшись изъ града,
Всадникъ странный и нѣмой,
Я въ раздумьѣ ѣду, ѣду
Долго всё на сѣверъ мой.

✤

Часто, родина святая,
За тебя молюсь во снѣ;
Даже въ образахъ чужбины
Вѣрный ликъ твой свѣтитъ мнѣ.

✤

Слышу ль моря плескъ и грохотъ
Я сочувственно горжусь,
Мысля: такъ гремитъ и плещетъ
Вновь прославленная Русь!

Вижу-ль минаретъ восходящій
Бѣлый, стройный въ облака,
Я взываю: наша слава
Такъ бѣла и высока!

❖

И объятый гордой думой
Я не помню сердца ранъ:
Имя милое Россіи
Мнѣ отъ скорби талисманъ.

В. Туманскій.

1830
Бургасъ.

ЛѢТОПИСЬ

СЕЛА ГОРОХИНА.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завидным. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть, и не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала N. N., у котораго батюшка былъ нѣкогда адьютантомъ, Курановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ, и къ сожалѣнію никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Курановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его какъ нѣкоего древняго полу-бога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ

его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ пустою мнюю, ожидавшею изысканій новаго Нибура. Однако же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе, я старался придать какой нибудь образъ сему таинственному лицу, и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ былъ походить на Земскаго Засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву, и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ; ибо насъ разпустили передъ вступленіемъ непріятеля. Я возвратился въ деревню..... (*)

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о неѣ распространиться, заранѣе прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употреблю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный; — прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я права отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями; и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и разви-

(*) Здѣсь въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, не найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, а можетъ быть еще и не написанныхъ!—*Ред.*

зывать конелекъ, то признаюсь раза три и ударилъ его, что отъ роду со мною не случалось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все таки затягивалъ гужи. — Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу, и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, — теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшные мальчишки были уже мужиками, а дѣвчонки нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла.» — И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на

заднее крыльцо, на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ какъ многострадательнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ — ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители, и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода: я возился съ Засѣдателями, Предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе вотчиной. — Я успокоился, но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ * *. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли щетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но разсказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ, что она сдѣлалась для меня другимъ *Иосифомъ Письмовникомъ*, въ которомъ я зналъ на какой страницѣ, какую найду строчку. Настоящій же заслуженный письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся было за него, но Кургановъ потерялъ для

меня прежнюю свою прелесть; я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли самому что нибудь сочинить? Благосклонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги.

Къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ-ли я надѣяться попасть когда нибудь въ число Писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ П. б.; я прожилъ въ немъ недѣлю, и не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ въ галлерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ * * игравшую съ большимъ искуствомъ въ одно воскресенье роль Эйлаліи, въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе.* Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколаду читалъ Литературные журналы. Однажды

сидѣлъ я углубленный въ критическую статью *Благонамѣреннаго*; вдругъ нѣкто въ гороховой шинелѣ ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки, тихонько потянулъ листокъ Гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифстексу и съѣлъ передомною; я все читалъ не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ пол-бутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. «Знаешь-ли кто это былъ» сказалъ одинъ другому —«это В, сочинитель.»— Сочинитель, воскликнулъ я невольно — и оставя журналъ не дочитаннымъ и чашку не допитою, побѣжалъ расплачиваться, и не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотря во всѣ стороны увидѣлъ я издали гороховую шинель, и пустился по Невскому проспекту — только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ: что-де мнѣ слѣдовало не толкнуть его на тротуарѣ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ сего выговора, я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою поминутно встрѣчались мнѣ офицеры, и поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель: «позвольте спросить,» сказалъ я приставя ко лбу руку, «вы г. В. коего прекрасныя статьи имѣлъ я счастіе

читать въ Соревнователѣ Просвѣщенія? Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я не сочинитель, а стряпчій; но В мнѣ очень знакомъ, четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго моста. Такимъ образомъ уваженіе мое къ Русской литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть чуть не ареста—и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился съ твердымъ намѣреніемъ наполнить ее чемъ бы то ни было. Всѣ роды Поэзіи ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ), были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной Исторіи. Не долго искалъ я себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу

Къ стихамъ пріобрелъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: *критику на Московскій бульваръ, на Патріаршіе пруды, опаснаго сосѣда* и т. д. Не смотря на то поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ что эпическій родъ не мой родъ и началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу — но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, я

началъ и благополучно окончилъ: надпись къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что надпись моя была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодаго стихотворца, однакожь я почувствовалъ, что не рожденъ поэтомъ, и довольствовался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки, такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я возмечтался писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ какъ онѣ мнѣ станутъ представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ не повинующійся законамъ разсудка, и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію.»

Мысль конечно справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти, но не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостію разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало по малу, образовалъ я свой

слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно, и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты, для повѣствованія истинныхъ и великихъ произшествій, давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ, казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моей жалкой образованностію? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану-ль писать исторію всемірную — но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? Обращусь-ли къ исторіи отечественной—что скажу я послѣ Татищева, Щербатова, Голикова? и мнѣ ли рыться въ лѣтописяхъ, и добираться до сокровеннаго смысла обвѣтшалаго языка, когда не могъ я выучиться цыфрамъ Славянскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, на пр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій для меня неодолимыхъ! Исторія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для политика, и представляла мало пищи краснорѣчію. Единственное замѣчательное произшествіе сохранившееся въ его лѣтописяхъ,—есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и присутственныя мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя, въ то самое время, какъ я сидя за моей тетрадью грызъ перо, и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзинку въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги!— «Книги!» повторилъ я съ восторгомъ, и бросился къ корзинкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ, въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Сіе открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ, все же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полтиной серебра.

Оставшись на единѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799 т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вилетаемые въ календари, были всѣ исписаны старинымъ почеркомъ. Бросая взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что они заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные щеты, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ сихъ драгоцѣнныхъ записокъ, и вскорѣ нашелъ что онѣ представляли полную исторію моей вотчины, въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ исисто-

щимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ, заняло меня исключительно — ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоцѣнными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина; и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцовъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего Ноября 1827 года. Нынѣ какъ нѣкоторый, мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, окончя свой трудный подвигъ, кладу перо, и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ, и что пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина: 1.) Собраніе старинныхъ календарей 55 частей. Первыя 20 частей исписаны старинным почеркомъ съ титлами. Лѣтопись сія сочинена прадѣдомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога, напримѣръ: 4-го Мая Сѣчъ. Тришка за грубость битъ. 6-го Корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8-го Погода ясная. 9-го Дождь и сѣчъ. Тришка за пьянство битъ..... и тому подобное безо всякихъ размышленій. 11-го Погода ясная.

ная, поросна; затравилъ трехъ зайцевъ. — Остальныя 55 частей писаны разными почерками, большею частію такъ называемымъ лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодовито, несвязно и безъ соблюденія правописанія; кой-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпракеіи Алексѣевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись Горохинскаго дьячка. Сія любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны, и употреблены дѣтьми священника на такъ называемыя змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ было возвратить дѣтямъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастію, успѣлъ спасти остальное. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною за четверть овса, отличается: глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ многимъ Аграфенѣ Трифоновой, матери Авдея старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старостъ, касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

5-го Октября.

Баснословныя времена — староста Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго, покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія глаголятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны, что оброкъ собирали единожды въ годъ, и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣвая, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достовѣрно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчѣ, мірскою сходкою называемой.

Въ теченіи времени родовыя владѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣднѣвшіе внуки богатаго дѣда, не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять крать уже

уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витійствовали; міръ волновался—а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинымъ—а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ властвованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмоваго праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчіи именуемое, или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысаго,—въѣхала въ село ямская крытая бричка, заложенная парою клячъ едва живыхъ: на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ—изъ брички высунулась голова въ картузѣ и казалось съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ. Жители встрѣтили новозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB. Свернувъ трубкою воскраія одежду, безумцы глумились надъ Еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо!... *Литопись дьячка*). Сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда пріѣзжій выпрыгнувъ изъ нее, повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедлен-

но. Староста былъ неграмотенъ. Послали за Земскимъ Авдѣемъ. Его нашли не подалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и Земскаго Авдѣя, съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькой чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное пришествіе, но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты; день кончился шумно и весело—и Горохино заснуло не предвидя что̀ ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане одинъ за другимъ явились на дворъ приказной избы, служившей вѣчевою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны; лица опухлыя; они зѣвая и почесываясь смотрѣли на человѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы—и старались припомнить себѣ черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и Земской Авдѣй стояли подлѣ него безъ шапокъ съ видомъ подобострастія и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ. —Всѣ ли-ста здѣсь?—повторилъ староста.—Всѣ-ста,

отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота и приказалъ Земскому прочесть ее во услышаніе міра. Авдѣй выступилъ и громогласно прочелъ слѣдующее: (NB. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона Старосты; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ.)

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего повѣренный мой ** ѣдетъ въ отчину мою село Горохино, для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно по его прибытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего ** имъ мужикамъ слушаться какъ моихъ собственныхъ, и все чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ ** поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное неслушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда ** растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта — произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: «Смотрите-жь вы у меня, не очень умничайте—вы я знаю, народъ избалованный, да я небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ, скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ и Горохинцы какъ гро-

момъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

Правленіе прикащика **.

** принявъ бразды правленія онъ потребовалъ опись крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы,—она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія:

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе тѣмъ смиреѣе.—Въ слѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію. 2) Недостаточные и праздолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же по его расчетамъ трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю; ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разо-

рѣшаго. Мірскіе сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики кажется платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли; ребятишки пошли по міру и день храмоваго праздника сдѣлался по выраженію лѣтописца не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Донесеніе Горохинскаго старосты.

Посадилъ окаянный прикащикъ Антона Тимофѣева въ желѣзы, а старикъ Тимоѳей сына откупилъ за 100 руб.,—а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб., и хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ убѣжалъ въ лѣсъ — и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ — а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу.

Времена историческія.

Страна (Горохинымъ называемая по имени столицы своей, — число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ Сѣверу граничитъ она съ деревнями Дерюховымъ и Переуховымъ (косого обитатели бѣд-

ны и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты). Къ Югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ — сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ жестокостію нравовъ. Къ Западу облегаютъ его цвѣтущія поля Захарьинскія, благоденствующія подъ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ. Къ Востоку примыкаетъ она къ дикимъ необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканье лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу нѣкоего бѣса.

NB. Сіе болото называется *Бисовскимъ*. Разсказываютъ, будто одна полу-умная пастушка стерегла стадо свиней не далече отъ сего мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая; гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса, — но сія сказка не достойна вниманія Историка и посль Нибура не простительно было бы кому ей вѣрить.

Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благорастворенымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловой лѣсъ снабжаютъ обитателей деревами и валежникомъ, на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные

въ смѣтанѣ представляютъ пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями; а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большею частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію.

NB. *Баба здоровенная.* Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревижскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околодкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступятъ имъ въ отважности; рѣдкая изъ нихъ боится старосты. Онѣ столь же цѣломудренны какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго, отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ подобно древнимъ Скиѳ-

динавамъ, а прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до колѣнъ.

Языкъ Горохинскій есть рѣшительно отрасль Славянскаго, но столь же разнится отъ него какъ и Русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями — нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожь Русскимъ легко понять Горохинца и обратно.

Мужчины женятся обыкновенно на 13 году, на дѣвицахъ 20 лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіи четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья уже начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ: въ самый день смерти покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случалось, что къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ, въ ту самую минуту какъ его выносили въ гробѣ за околицу. — Жены оплакивали мужьевъ воя и приговаривая: «Свѣтъ, моя удалая головушка! на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя помнити?» — При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника; и родственники и друзья бывали пьяны два, три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію

и привязанности къ его памяти. Сіи древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда Горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ Славянскаго происхожденія. Зимою носили они овчинные тулупы, но болѣе для красы нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія, издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. — Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о Земскомъ Терентьи, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человѣкъ прославился въ околодкѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его, были уже слишкомъ извѣстны. — Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ), важную роль и въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и вольшка услаж-

дая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Донынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Берки въ пазухѣ несетъ,
Боярину падаетъ;
А боринъ смотритъ,
Ничего не смыслитъ.
Ахъ ты староста Акимъ
Обокралъ бояръ кругомъ,
Село по міру пустилъ,
Старостиху надарилъ.

Въ нѣжности не уступятъ они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія, далеко превосходятъ они идилліи г. Сумарокова. И хотя въ щеголеватости и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно попеременно находилось подъ властію старшинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды

и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія, будутъ развиты мною, въ теченіи моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями ея обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію.....

А. Пушкинъ.

МОЛИТВА.

Хочу я молиться; душа моя проситъ
Бесѣды отрадной съ источникомъ силъ;
Волненіе міра она не выноситъ,
Ей мало куреній обычныхъ кадилъ,
Ей тусклымъ сіяньемъ горятъ наши свѣчи,
Безжизненны наши хвалебныя рѣчи,
И слабъ и незвученъ нашъ клиръ!
О дайте мнѣ волю! гдѣ степи родныя
Слились съ небосклономъ въ безбрежной дали,
Гдѣ чистые своды небесъ, голубые,
Лобзаютъ зеленыя волны земли,
Туда полечу я: въ часъ грозныя бури,
Какъ вѣтеръ взволнуетъ степной океанъ,
И тучи столпятся въ небесной лазури,
Безтрепетно стану на дикій курганъ.
Пусть небо сверкаетъ святыми огнями,

Земля, какъ преступникъ, дрожитъ подъ ногами;
Спокойствіе ляжетъ на душу мою.
И тамъ я внимая громовъ перекаты,
Святую молитву, Святому трикраты,
Языкомъ достойнымъ спою!

Е. Гребенка.

ГРУСТЬ.

Я счастливъ; бремя нуждъ не тяготитъ меня;
Покоемъ совѣсти довольный,
Его на блескъ вѣнца не промѣняю я. . .
Что-жъ ностъ все душа и въ дальніе края
Несется съ грустію невольной?

Не знаю, но та грусть сжилась съ душей моей
Какъ сила дивнаго недуга;
Всегда, вездѣ со мной, отъ самыхъ первыхъ дней:
Средь дѣвъ, за чашею, въ родномъ кругу друзей,
Въ часы безпечнаго досуга...

Слежу ли взоромъ я за цѣпью облаковъ,
Бѣгущихъ по зыбямъ небеснымъ,—
Она влечетъ меня обѣтомъ тайныхъ сновъ
На край земли, туда, гдѣ неба легкій кровъ
Спустился куполомъ чудеснымъ;

Туда, гдѣ ярый вѣтръ взволнованныхъ морей
Клубитъ мятущіяся воды:
И грустно, грустно мнѣ, и для души моей
Понятенъ стонъ волны, зовущей купно съ ней
Искать простора и свободы...

Иль въ часъ, какъ пламень дня потухнетъ за горой,
И на спокойномъ лонѣ ночи
Какъ сны разсѣются свѣтила надъ землей,
И грудь споконтся... но грустенъ тотъ покой,
И къ звѣздамъ я подъемлю очи:

Гляжу, и мнится мнѣ, ихъ безмятежный свѣтъ,
Какъ взоръ подруги благосклонной,
Шлетъ путнику земли таинственный привѣтъ,
И я готовъ летѣть, вдаль отъ земныхъ сустъ,
Въ пучину синевы бездонной...

На перепутьи-ли урочномъ своего
Безсмертнаго существованья,
Нашъ духъ тоскуетъ здѣсь, и рвется изъ него
Въ путь дальній... въ міръ иной? Иль жаль ему того,
Отколь вступилъ онъ въ путь изгнанья?

Какъ знать? Но тайный гласъ мнѣ шепчетъ какъ во снѣ
Что на землѣ я гость минутный;
Что родина души въ надзвѣздной вышинѣ;
Что я по ней грущу, какъ по родной странѣ
Груститъ изгнанникъ безпріютный!

М. Дмитріевъ.

1835 года.

ВОСПОМИНАНІЯ О БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта. . . .
Она Державинымъ воспѣта
И славой Русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона,
Дунайскихъ ищетъ береговъ.

(Пушкинъ посл. Баратынскому изъ Бессарабіи.)

Отъѣздъ изъ Тульчина.—Кишеневъ во время бытности въ немъ Государя Императора Александра;—Балъ.— Знакомство съ Solitudo Geticae.—Траяновы валы и значеніе ихъ.—Кіевецъ на Дунаѣ.—Аккерманъ. —Озеро Овидіево.—Овидіевы Геты есть Готы.—Овидіевы метаморфозы—подражаніе Эддѣ. — Описаніе сотворенія міра взято имъ изъ Волюспа.—Днѣстръ.—Селища, или места бывшихъ селеній Татарскихъ. — Колоніи въ Буджакѣ.—Средняя и верхняя часть Бессарабіи.—Орхей. — Монастырь въ скалѣ.—Хотинъ.

Когда пріостановишься на пути и взглянешь назадъ, ... сколько было свѣта и жизни, въ погасающемъ, сумрачномъ отдаленіи! сколько потеряно тамъ надеждъ, сколько погребено чувствъ! . . . . Теперь и тогда, здѣсь и тамъ . . . . сколько времени и

пространства между этими словами!.... и все это населено уже безплотными образами, безмолвными призраками.

Когда пронеслась печальная вѣсть о смерти Пушкина, вся прошедшая жизнь его воскресла въ памяти знавшихъ его,— и первая грусть была о Пушкинѣ-человѣкѣ. Все перенеслось мыслію въ прошедшее, въ которомъ видѣло и знало его, чтобъ потомъ спросить себя: гдѣ же онъ?

Я узналъ его въ Бессарабіи, и очеркъ этой страны будетъ рамой, въ которой я вставлю воспоминаніе о Пушкинѣ.

Въ 1818 году, я отправился изъ Тульчина, главной квартиры 2-й арміи, въ Бессарабію.— Меня провожали въ дорогу слухи о нестерпимыхъ жарахъ, о степяхъ населенныхъ змѣями, скорпіонами и тарантулами, о чумѣ, о вѣчныхъ лихорадкахъ.... но я былъ тогда еще въ первой порѣ юношества, съ головой, которая не задумывалась, съ чувствами неиспуганными, и все страшное возбуждало только мое любопытство.

Проѣздъ по Подольской губерніи въ мартѣ мѣсяцѣ былъ еще сносенъ: въ ней нѣтъ ничего пустынаго, хотя я и не имѣлъ еще понятія о ея красотѣ во время лѣта, о ея протяжныхъ долинахъ, усѣянныхъ селами посреди садовъ, огражденныхъ тополями. Но проѣзжая по Херсонской губерніи отъ Бал-

ты до Дубосаръ, я уже считалъ это пространство предверіемъ Гетскихъ пустынь. По дорогѣ нѣтъ ни одного селенія, станціи уединенно стоятъ въ полѣ, и это только хата, безъ ограды, даже безъ сарая и конюшни; ибо почтовыя лошади пасутся постоянно въ табунѣ близъ станціи. — Наконецъ я пріѣхалъ въ Дубосары, грустный городокъ, въ которомъ не съ большимъ одна церковь и не съ большимъ одна харчевня, утоляющая голодъ проѣзжихъ чѣмъ Богъ послалъ. Но передо мной уже была туманная полоса, за которой зеленѣлись берега Бессарабіи. Я уже смотрѣлъ на гряды возвышеній и на далекую долину, по которой извивался Днѣстръ къ морю.

Проѣхавъ карантинъ и таможню, я переправился чрезъ древній Тирасъ, задумался и очутился подлѣ корчемки Молдаванской, одинъ, какъ сирота: почтарь Дубосарскій сложивъ мои вещи съ брички на землю, поскакалъ назадъ, какъ отъ брошеннаго на жертву чумѣ, змѣямъ, знойному солнцу и будущности. Покуда съ Кріулянской почты пріѣхала за мной почтовая каруца, я просидѣлъ на завалинкѣ хаты и просмотрѣлъ на физіогномію Молдавана, который мнѣ повторялъ время отъ времени: *акушь, акушь* (*)!

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ я услышалъ свистъ, дребезгъ, и хлопанье бича; пріѣхала каруца не больше дѣтской колыбелки; я усѣлся въ нее; *суруджи* (**)

(*) Сей часъ, сей часъ.

(**) Ямщикъ — такъ произносится, вѣроятно, каруцарь — отъ каруца — Carique.

верхомъ на одной изъ запряженныхъ веревочными шлейками въ дышло клячъ, закрутилъ долгохвостый бичъ, хлопнулъ по воздуху надъ двумя передними конями, которыми онъ правилъ — и экипажъ мой затрещалъ какъ пожарная трещетка.

Новая страна, новыя чувства; я углубился въ горы и долы Бессарабіи, какъ въ таинственный Дульматъ. Все уже одѣлось зеленью, дышало Маемъ; и я живо чувствовалъ разницу между правымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣстра. Кажется что природные календари ихъ разнятся цѣлымъ мѣсяцемъ: — въ Бессарабіи весна, а въ Подольской губерніи едва только показались ея вѣстники.

Впечатлѣнія при въѣздѣ въ Кишеневъ, не могли высказаться иначе, какъ высказались въ «Странникѣ.»

Я пріѣхалъ въ Кишеневъ въ самое счастливѣйшее время его, когда все готовилось съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ пріему Императора Александра. — Молдавскіе Бояре стекались отвсюду въ Кишеневъ, и этотъ городъ закипѣлъ народомъ.

Встрѣчи Императора я не могъ видѣть; ибо былъ занятъ въ это время у кн. М....., который пріѣхалъ передъ Государемъ. Это было уже въ сумерки; но я слышалъ клики встрѣчи, которые раздавались неумолкающимъ гуломъ, приближаясь отъ

возвышеній по дорогѣ изъ Бѣлыцъ къ городу, неслись городомъ и умолкли на время у собора, чтобъ снова сопровождать Императора до дома Намѣстника. Возвышаясь на отдѣльномъ холмѣ надъ озеромъ, этотъ домъ превратился мгновенно въ дворецъ Освободителя Европы.

На другой день, 28 апрѣля (1818) Государь Императоръ былъ въ Митрополіи у обѣдни, и потомъ на завтракѣ у сѣдовласаго Экзарха Гавріила.

Въ тотъ же день Его Величество удостоилъ присутствіемъ Своимъ балъ данный дворянствомъ Бессарабскимъ, въ огромной залѣ нарочно устроенной въ домѣ Т. Крупенскаго. — Въ угожденіе изящному вкусу Государя къ колоннадамъ, явился вокругъ залы рядъ огромныхъ колоннъ порфироваго цвѣта, обвитыхъ вязями разноцвѣтныхъ огней.

Съ позаранка зала наполнилась уже боярами, куконами и куконицами. Намѣстница (*) успѣла въ короткое время много внушить образованнаго вкуса въ дамъ Кишиневскихъ: онѣ знали что такое балъ, чувствовали уже необходимость во Французскомъ магазинѣ модъ, умѣли уже рядиться по Вѣнскимъ и Парижскимъ образцамъ, умѣли рисоваться въ кадрилихъ и мазуркахъ; но къ балу, гдѣ будетъ присутствовать Императоръ, съѣхалось множество Бояръ, со всѣхъ сторонъ, даже изъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи, Бояръ, которымъ извѣстны были только приличія Азіятскія.

(*) Викторія Станиславовна Бахметева.

Пріѣзжія куконы облеклись во всю роскошь Европы и Востока; и еслибъ намѣстница, какъ заботливая хозяйка пріема, не обратила заблаговременно вниманія на нарядъ посѣтителей, Государь засталъ бы на балу всѣхъ дамъ, окутанными въ драгоцѣнныя Турецкія шали; а бояръ въ кочулахъ (*) и въ папушахъ (**), сверхъ желтыхъ и красныхъ *мештии*. Почти передъ самымъ входомъ Государя, шали были сняты; а *папуши* нѣсколькихъ сотъ человѣкъ были свалены въ кучи за колоннами.

Когда Государь вступилъ въ залу, все стѣснилось въ молчаніи, безъ шуму, почти незамѣтно, въ кругъ, коего первые ряды состояли изъ женщинъ; женщинъ окружали стѣной бородатые, первостатейные бояре, а за ними бояре втораго и третьяго класса.

Государь открылъ балъ съ намѣстницей, и обошелъ съ нею, преслѣдуемый рядами Польскаго, чрезъ всѣ комнаты; удостоилъ вниманія другихъ почтеннѣйшихъ дамъ; потомъ началась Французская кадриль, первая въ Кишеневѣ, выученная въ домѣ намѣстницы.

Неподвижность всѣхъ, царствующая тишина и взоры устремленные на Государя, разговаривавшаго съ Принцемъ Гессенъ-Гомбурскимъ и намѣстницей, должны были скоро Его утомить:—Его Величество

(*) У Молдавянъ кочула, смушковая сѣрая шапка въ родѣ опрокинутой огромной корчаги, не снималась прежде ни въ церкви, ни даже передъ Султаномъ, подобно чалмѣ.

(**) *Туфли* сверхъ *мештии* или желтыхъ, красныхъ сафьянныхъ носковъ. —

пробылъ не болѣе двухъ часовъ; но передъ отъѣздомъ любопытствовалъ видѣть Молдавскіе танцы. Лучшій во всей Молдавіи оркестръ музыки, выписанный изъ Ясъ, грянулъ въ *кобзы* и въ *скрипки;* цыгане запѣли.

«Мититика, мититика, винам коачь!

Баю, баю, нам чи фачь!»

Бояре и куконы стали въ кругъ, — Джокъ начался.

Въ воспоминаніе посѣщенія Государемъ Императоромъ Кишинева, намѣстница подала мысль завести публичный городской садъ. Сколько я могу припомнить Государь Самъ избралъ мѣсто въ правѣ отъ Митрополіи.

На третій день Государь выѣхалъ изъ Кишинева; но жители долго еще хвалились, что Императоръ назвалъ Бессарабію золотымъ краемъ.

Съ 1818 года по 1821 годъ, ознаменованный Греческой Этеріей, я познакомился съ Буджакомъ, или бывшей Татарской частью Бессарабіи. Тогда еще почти все пространство между рѣками Прутомъ, Днѣстромъ и верхнимъ Траяновымъ валомъ, была малонаселенная степь, изрѣзанная протяжными хребтами, которые сглаживались къ морю, и образовали часть пустыни, носившей нѣкогда названіе Solitudo Getica, и тѣ сѣдыя волны ковыла, посреди кото-

рыхъ индѣ-индѣ, видна крытая *арба* чабана (*), уединенное ки́шло, или хуторъ, обставленный пирамидами кизяка. Это-то пространство воспѣлъ Мицкевичъ, подъ названіемъ «Аккерманскія степи».

Но часть Буджака, прилежащая къ рѣкѣ Пруту, гористѣе и населеннѣе; самый же холмистый берегъ отъ м. Формозъ до Вадулуй-Исаки покрытъ садами и представляетъ въ миніатюрѣ Италію, безъ ея исторіи и памятниковъ прошедшаго величія.

Здѣсь-то, надъ самымъ селеніемъ Вадулуй-Исаки, начинается тотъ знаменитый валъ, который прозванъ *Траяновымъ путемъ*. Но тутъ имя Траяна Императора кажется не можетъ играть никакой роли: Бессарабія никогда не принадлежала Римлянамъ: рѣка Прутъ была границей Дакіи; валы Бессарабскіе не могли служить защитою ни со стороны сѣвера, ни стороны юга; ибо они тянутся почти по прямой линіи, не разбирая мѣстоположенія и командованія высотъ. И если Траянъ построилъ нижній валъ противъ варваровъ, населявшихъ Бессарабію чтобъ охранить отъ нихъ колоніи по Дунаю и Черному морю; для чего же строилъ бы онъ верхній валъ и боковые вдоль крутаго берега Прута и Днѣстра (**). По всѣмъ соображеніямъ эти валы были не что иное какъ разграниченія земель. По Лактанцію изъ Бессарабіи въ 304 году Готы изгнали

(*) Чабанъ—пастухъ; *арба* — кочевая повозка съ кровлей.

(**) Днѣстровскій названъ на картахъ *Змѣевымъ*; но что нибудь да не такъ; тамъ не кому было дать ему Русское прозваніе.—

неизвѣстный народъ, который, съ дозволенія Императора Галерія, поселился въ его предѣлахъ; по жизнеописателю Имп. Проба, народъ, переселившійся въ это время во Ѳракію, былъ Бастарны (*). — Извѣстно, что орда Печенѣговъ населяла издавна Бессарабію. — Не утвердительно, но я рѣшаюсь заключать, что эти 100,000 Бастарновъ переселившіеся во Ѳракію были Босняки (Бошняги — по Венгерски Bosnyak, по Турецки *Босналй.*)

Жители Бессарабіи всѣ валы вообще называютъ словомъ *Траянъ,* — валъ раздѣляющій Добрунскую область, или бывшую малую Скиѳію, отъ Мизіи также называется *Траянъ.* На Мизоготскомъ нарѣчіи, по Ульфилу, котораго языкъ царствовалъ въ этихъ мѣстахъ, слово thraihan—значитъ *сжимать, стѣснять, ограждать;* thraihands vigs — *сжатая огражденная дорога, стезя;* слово, которое могло значить и *грань, граница.* Вотъ кажется откуда произошло названіе via Trajani; по Ульфилу также thragjan — значитъ бѣгъ, ѣзда, сходное съ греческимъ Τρεχω—curro, и съ Русскимъ: *дорога, дроги, трактъ.*

Траянъ Булгарскій, совершенно сходенъ съ Буджакскимъ; но почти на всемъ его протяженіи по берегу черной рѣки (Кара-су) видны слѣды четве-

(*) По Матѳею Претору (кн. II. гл. 7) Басторны есть тѣ же Бессы.—Овидій пишетъ: vivere quam miserum est inter Bessoque Getasque.— Названіе свое Бессарабія получила вѣроятно отъ Готовъ въ значеніи Bess-arf или arb (Erbe, земля, Erbe, наслѣдіе) т. е. земля Бессовъ.—

роугольныхъ оконовъ, со стороны Булгаріи, въ которыхъ вѣроятно содержалась пограничная стража.

Этотъ Траяновъ валъ ознаменованъ въ 1828 году маневромъ, на которомъ батарея во 120 орудій, по слову Русскаго Царя, неслась въ карьеръ въ атаку, по отлогому скату праваго берега Кара-су. — По гребню этаго Траяна, Императоръ проѣхалъ 17 верстъ, для осмотра осажденной крѣпости *Кистенжи*, нѣкогда знаменитаго *Истра*.

Спускаясь отъ Рени, по дорогѣ къ Измаилу, проходящей между Дунаемъ и озеромъ *Кагулоль*, напоминающимъ побѣду Румянцова надъ Турками; и отъ селенія *Сатунова* къ Дунаю, по тропинкѣ между плавнями, на пути чрезъ Дунай, Персовъ (за 508 лѣтъ до Р. Х.) и Русскихъ (въ 1828 году), есть слѣдъ подобнаго же вала, который, какъ ограда между озерами *Картаголь* и *Кугурлуголь*, перегорожалъ этотъ путь; и *можетъ быть* служилъ мостовымъ укрѣпленіемъ Дарію при отступленіи его изъ Скиѳіи.

Проѣхавъ Измаилъ неразлучный съ именемъ Суворова,— я скажу нѣсколько словъ о крѣпости *Килія*, которую нѣкоторые принимаютъ за *Кіевецъ*, построенный на Дунаѣ мнимымъ *Кіемъ*, путешествовавшимъ въ Царь-градъ и полюбившимъ это мѣсто.

Сказаніе о существованіи *Кіевца*, или *малаго Кіева* на Дунаѣ, не можетъ быть ложно; но мѣсто

старой Килiи, за Дунаемъ, посреди плавней, вѣрл сказанію о Кіѣ, не могло ему понравиться, и тѣмъ болѣе здѣсь не могъ быть Кіевецъ, что слово *городъ* и *городокъ*, въ смыслѣ древнихъ, значитъ укрѣпленная отдѣльная гора, или холмъ (*). — Въ замѣну Килiи я полагаю Cius, или Cium, находившійся, по дорожнику Антонинову, ниже *Трозмы*, на правомъ берегу Дуная. Это нынѣшній *Гирсовъ*

Высокая скала надъ Дунаемъ, составляющая нынѣ сѣверную сторону крѣпости, могла быть выбрана для основанія городка. Здѣсь въ скалѣ могли быть Kifwa (**), или *пещеры Готфскія*, отъ названія которыхъ, по моему мнѣнію получилъ свое названіе и Кіевъ. — Если мнимый Кій любилъ жить у перевоза, то противъ самаго Гирсова есть и перевозъ чрезъ Дунай, на ладьяхъ.

Дорога къ Аккерману тянется по безплодной землѣ, напитанной солью, надъ вершинами озеръ Сасика или Кундука, Шаганы или Муртазъ, Карачаусъ, Алибей-улу и Бурна-сола, населенныхъ весной пеликанами, а лѣтомъ покрытыхъ корой соли.

За песчаной степью открываются передъ вами почернѣвшія отъ времени башни замка Аккерман-

(*) Слово Gard, городъ—не раздѣльно съ словомъ *гора*, (Hori) такъ какъ *Berg* и *Burg—Heim* и *holm—холмъ*.

(**) Отсюда cave, caveau, погребъ, склѣпъ.

ского. Его окружаютъ не болѣе 500 домовъ города; а вправо видны извѣстные Аккерманскіе сады (*).

Замокъ Аккерманскій, по преданію, построенъ Генуэзцами въ XII столѣтіи, когда они обладали торговлею Чернаго моря. — На этомъ мѣстѣ въ древности былъ городъ Офіуза, а во время Геродота колонія Тирасъ.

За Лиманомъ видѣнъ *Овидіополь*, мнимое мѣсто жительства Римскаго пѣвца-изгнанника. Но, что странно: въ вершинѣ Лимана, при впаденіи Днѣстра, не въ далекѣ отъ селенія Паланка (**) (гдѣ также небольшой четвероугольной замокъ) есть озерцо, которое называется, по словамъ Кантемира *Іакулъ Овидулуй*—озеро Овидія,—во время моего проѣзда, оно почти пересыхало и мнѣ назвали его *Дувыдулуй;* сколько помнится мнѣ, говорятъ, будто тутъ очень давно уже жилъ какой-то пустынникъ, именемъ котораго и прозвалось озеро. — Близъ этаго мѣста есть переправа чрезъ Днѣстръ при селеніи *Малякъ*, на лѣвомъ берегу рѣки, верстахъ въ сорока отъ Овидіополя.

Посѣтивъ въ послѣдствіи и Монголію, на берегу Чернаго моря, которая также принимается за *Томи*, мѣсто обители Назона во время изгнанія, не льзя было не сказать:

(*) Въ мое время считалось ихъ слишкомъ 900.

(**) Слово *Паланка*—значитъ укрѣпленное селеніе.

Зачѣмъ намъ знать, гдѣ жилъ изгнанникъ сей,
И прахъ его влачить съ кладбища на кладбище?
Онъ жилъ, онъ пѣлъ, и—вѣчное жилище
Поэта — въ памяти людей. —

Къ стати объ Овидіи. Судя по слѣдующимъ его стихамъ:

«Ah! pudet et Getico scipsi sermone libellum.
(de Ponto. Lib IV epist. 13.)
Nam dedici Getice Sarmaticeque loqui.
Nec te mirari, si sunt vitiosa, decebit
Carmina que faciam penè poeta Getes.
(Ib. III. 2.)

Threicio Scythicoque ferè circumsonor ore,
Et videor Geticis scribere posse modis.
(Trist III. ult.)

Овидій зналъ языкъ Готовъ и писалъ на немъ (*); Пинкертонъ убѣдительно доказываетъ, что Геты Овидія есть Готы; и кажется сомнѣніе изчезаетъ въ этомъ, когда сравнишь *Метаморфозы* Овидія съ Готской *Волюспа* и *Гильфа-Гиннинъ*. Gilfa Ginning значитъ: *сновидѣнія, мечты, басни Гильфа;* А слово *Метаморфозы*—значитъ тоже, если припомнить, что изъ 1000 сыновъ сна, обязанностью Морѳея бы-

(*) Если Геты имѣли уже поэтовъ и письмена, слѣдовательно они были не Сарматы; Готы же до Ульфила, имѣли письмена называемыя *Рунтескими*, состоящія изъ 16 буквъ.—Впрочемъ названіе *руны*, даваемое древнимъ чертамъ — несправедливо: оно, кажется принадлежитъ по смыслу круглымъ буквамъ.

ло поддѣлываться подъ наружность и голосъ тѣней людей существовавшихъ; — и слѣдовательно настоящее значеніе *превращеній*, есть *видѣнія, мечты.*

Овидій читалъ Эдду, и его Метаморфозы есть подражаніе Gilfa Ginning; а описаніе созданія міра есть почти переводъ строфъ Волюспа.

Пусть знатоки сравнятъ, и—Овидій поможетъ имъ понять вѣрнѣе смыслъ Волюспа:

Метаморфозы.

In nova fert animus mutatas dicere formas
Corpora. Di, cœptis; nam vos mutastis et illas;
Adspirate meis primaque ab origine mundi
Ad mea perpetuum deducite tempora carmen.

Волюспа.	*Значеніе.*
Hliods (*) bid ek	Пѣть желаю я (*вмѣсто пѣсни прошу*),
Allar kindir.	Всѣ породы (**),
Meiri ok minni	Великія и малыя
Mangs Heimdallar.	Мощной природы.
Vildo it ek Valfandur,	Благослови Творецъ міра
Vel fyr teha	Чтобъ достойно высказать,
Fornspiöl fira	Проведи отъ начало всего
Pau er fremst um man.	До образованія.

Метаморфозы.

«Ante mare et tellus, et quod tegit omnia, cœlum,
Unus erat toto naturæ vultus in orbe,
Quem dixere Chaos; . . .

(*) Hliods—не значитъ *молчаніе* или *вниманіе;* но пѣснь отъ hliod—или liud—пѣснь, звукъ; на древнемъ Anr. Сакс. hliud. (см Ihre).

(**) Kind—родъ, порода.

Волюспа.	*Значеніе.*
Ec man jotna(*)	Прежде чѣмъ стихій
Ar um borna,	Начало произошло,
Pa er fordom mic	. . . . .
Fódda hofdo.	. . . . .
Nio man ec heima	Не было неба, *(вершины)*
Nio ivide,	Ни тверди,
Miotrid möran,	Ни моря посредитъ
Fyri mold nedan.	Земли *(праха)*
Ar (**) var allda	Пустота была повсюду
Par er Ymir bygdi.	Гдѣ обиталъ Хаосъ (**).

Мет. «nec circumfuso pendebant in aere tellus.»

Вол. Jord fanz acva	Земля не была
Né upphimin.	обнята небесами.

Метаморфозы.

Hanc Deus et Melior litem Naturo diremit
Nam cœlo terras, et terris abscidit undas.

Волюспа.	*Значеніе.*
Adur Burs synir	Тогда сыны Бура (причины рожденія природы.)
Biodum um ypro	Обвели сводъ,
Peir er Midgard	Гдѣ земной шаръ
Möran seopo.	Отдѣлили отъ моря.

По окончаніи описанія сотворенія вещей, которое распространено у Овидія, онъ говоритъ о сотвореніи человѣка:

Sanctius his animal, mentisque capacius altæ,
Deerat adhuc, et quod dominari in cætera posset.

(*) Великаны — произношеніе стихій.

(**) Ar—значитъ начало, истокъ, единство.— Въ этомъ стихѣ звукъ почти неопредѣленный въ своемъ значеніи *всего* и *ничего*.

(**) Ymir—великанъ изъ частей котораго образовался свѣтъ, *Otovka* — преданій Халдейскихъ.

Natus homo est, sive hunc divino semine fecit
Ille opifex rerum, mundi meliores origo:
Sive recens tellus, seductaque nuper ab alto
Æthere, cognati retinebat semina cœli....

Волюспа.	*Значеніе.*
. . . . .	И совѣщались (божества)
Hwer scyldi dwerga	Кто долженъ надъ тварями
Drottin skepia;	Держать управленіе?
Or brimis blodi	Кровь ли Бримера (разума)
Ok or blämi leggiom?	Или черныя кости (тѣло).

Кажется на первый разъ достаточно приведенныхъ здѣсь мѣстъ для подтвержденія сказаннаго мною.

Природа Днѣстра со стороны Бессарабіи очаровательна; вдоль всего берега тянется цѣпь садовъ виноградныхъ и фруктовыхъ; селенія богаты; но вообще не похожи на наши, которыя образуя улицу, есть зародыши городовъ. — Молдавскія саты (*) похожи болѣе на разбросанные шатры табора; *касы* (**) стоятъ дверями во всѣ стороны; это мазанки, построенныя изъ плетня, обмазанныя глиной и выбѣленныя, совершенно похожія на Малороссійскія хаты, но гораздо опрятнѣе снаружи, и внутри также выбѣленныя; часто раскрашены узорами вохрой и умброй;

(*) *Саты*—деревня, село; Татары называютъ *Саты*—торгъ; *Тиргу*—по Молд. городъ, торговое мѣсто.

(**) Сходное съ Итальянскимъ casa, или съ Готорскимъ Hus—домъ.

арабески выведенныя на стѣнахъ рукой самой хозяйки, или ея дочери, очень похожи на Синайскія письмена. Смазываніе глиной половъ, бѣленье и крашенье стѣнъ, возобновляется передъ каждымъ праздникомъ. — Въ каждой половинѣ касы, раздѣленной на двое сѣнями, близъ дверей—*соба* (печька), у которой устье очень низко, не болѣе какъ на четверть отъ полу. За трубой на печи обыкновенно бываетъ обитель старухъ, слѣпыхъ, неподвижныхъ, ничего уже не чающихъ и *хортовъ*— гончихъ собакъ, которыхъ Молдаване нѣжатъ какъ дѣтей, — и они стóятъ того: Молдаванъ отправляясь въ степь, беретъ съ собой *хорта*, и — зайцы не попадайся на встрѣчу(*).

Почтовая дорога изъ Аккермана въ Бендеры идетъ степью чрезъ *Каушаны*, бывшій сарай Хана Буджакскаго, нынѣ ничтожное мѣстечко. — Въ 25 верстахъ отъ Каушанъ — крѣпость Бендеры. — Она лежитъ надъ Днѣстромъ, въ равнинѣ окруженной нагорнымъ

(*) Булгарскія селенія иначе строятся, хотя столь же неправильно. У нихъ семьи не раздѣляются, не раздѣлены и домы; съ каждымъ поколѣніемъ, съ увеличеніемъ семейства, разростается и домъ, по большей части въ прямую линію; женатые правнуки, внуки и сыновья живутъ подъ одной общей кровлей своего Патріарха - прадѣда, который былъ какъ лунь и потерялъ уже щетъ своимъ годамъ, но еще не лишился ни одного изъ чувствъ своихъ, еще дѣятельный работникъ, и разсказываетъ о томъ, что случилось за 100 лѣтъ, какъ о вчерашнемъ днѣ. Болгарскія хаты простѣе и пустѣе Молдаванскихъ; стѣны голы, вмѣсто оконъ деревянныя рѣшетки, вмѣсто лавокъ низенькое возвышеніе изъ земли, въ родѣ широкаго дивана, устланное бѣлымъ войлокомъ, близъ дверей, въ родѣ столба, или пирамиды: это печь, которая топится изъ сѣней; устье почти на землѣ; тутъ подъ навѣсомъ трубы виситъ цѣпь съ крюкомъ для котла, въ которомъ варится обѣдъ. — Вмѣсто стола кружокъ, или мѣдный круглый подносъ на низенькихъ ножкахъ. —

берегомъ. — Это древній *Тигинъ*. Выше крѣпости верстахъ въ трехъ на Днѣстрѣ селеніе Варница, надъ Варницей по скату берега слѣды лагеря и канцеляріи Сѣвернаго капрала Карла XII. Здѣсь жилъ онъ гостемъ у Турокъ, отсюда Турки изгнали своего гостя.

Вообще въ нижней части Бессарабіи или Буджакѣ, почти всѣ рѣки, какъ то: Чага, Кульникъ, Сарата и пр. текутъ по солончакамъ; въ колодцахъ вода также солона. — По всѣмъ рѣкамъ и лощинамъ разсѣяны слѣды бывшихъ Татарскихъ селеній. — Эти слѣды замѣтны по кучамъ золы, и по густому бурьяну; такъ, что издали, замѣчая темноцвѣтное пространство посреди зелени, знаешь, что это *селище*, (по Молдавскому произношенію *селиште*) т. е. мѣсто бывшаго селенія. Имена этихъ селищъ, сохранились въ памяти жителей, на пр. Селиште Акмангытъ, Мангытъ, Эдиге, Энкіой и т. д. — Послѣ того какъ Буджакскія степи розданы Правительствомъ для населенія, вѣроятно слѣды селищъ уже стерлись, но названіе урочищъ долго сохранятся. Проѣзжая чрезъ эти мѣста поросшія глухой высокой травой, почти не возможно выносить удушливаго запаха какихъ-то дикихъ, мрачныхъ растеній, напоминающихъ бывшую обитель человѣка. — Селища обыкновенно любимый бульваръ куропатокъ во время вечера. Цѣлыми стадами слетаются онѣ на курганы золы.

На щетъ населенія Буджака Татарами можно предположить слѣдующее: извѣстно что въ 1397 году

Литовскій Герцогъ Витольдъ поселилъ орду Татаръ близъ Вильны. Въ Палатинатахъ: Подлясіи, Августовскомъ, Виленскомъ и другихъ ихъ считалось до 50,000 душъ. При Янѣ Собіесскомъ изъ нихъ составились первые полки Уланъ (алановъ) противъ Магомета IV. — Но извѣстно также что при Магометѣ IV вышли изъ Литвы Литскіе Татары. — Бишингъ упоминаетъ о жилищѣ Литскихъ Татаръ въ Хотинскомъ и Сорокскомъ цынутахъ; но вѣроятно главное переселеніе было въ Буджакъ, болѣе удобный для кочевья. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Татары Буджакскіе имѣли уже навыкъ жить деревнями. Сверхъ того, какъ извѣстно, въ нижней части Бессарабіи жили *Аланы*, хотя время ихъ жительства тамъ не извѣстно.

Въ обозрѣніи Буджака кстати должно упомянуть и о 14 Нѣмецкихъ колоніяхъ поселенныхъ по обѣ стороны Куяльника, въ 1817 году. Какъ ни трудно развести довольствіе посреди знойной степи, лишенной хорошей воды; но при данныхъ правительствомъ средствахъ къ упроченію этихъ поселѣній, дѣятельные переселенцы въ два три года обзавелись скоро домами (построенными на первый случай изъ земленыхъ кирпичей), огородами, засѣяли поля, и обставили загородки скирдами. Въ первые годы они поддерживали себя заработками у богатыхъ Цараповъ (*).—

(*) Боляръ, или Мазиловъ родъ Шляхты, живущихъ на Царанѣ т. е. на пахатномъ мѣстѣ, посреди степи, собственномъ или наемномъ. Царанъ—значитъ владѣющій землею пахатною отдѣльною; Хуторъ—

Бѣда вамъ, если вы играете на какомъ нибудь инструментѣ, и васъ подслушаютъ Колонисты, возвращаясь съ поля. Они обступятъ васъ, умолятъ играть, и играть, и еще играть вальсъ, и плинутъ до упаду.—Я никогда не забуду одного Ганса, который плясалъ въ присядку по Русски; онъ не требовалъ похвалы, а просилъ только не переставать играть *барыню*.

Въ 1819 году открылась въ Бессарабіи въ Хотинскомъ цѣпунѣ чума, завезенная изъ Молдавіи. По данному мнѣ порученію усилить пограничную цѣпь, я проѣзжалъ по рѣкѣ Пруту и по границѣ Австрійской до Днѣстра. Въ эту поѣздку и во время рекогносцировки верхней части Бессарабіи въ томъ же году, я выучилъ наизусть этотъ край, древнюю обитель Бастарновъ, или Бессовъ.

Верхняя часть Бессарабіи, начиная отъ верхняго Траянова вала представляетъ совершенно уже другую природу; это уже гористыя мѣста, покрытыя лѣсами, садами, селеніями и уединенными монастырями, женскими и мужскими, посреди романическихъ красотъ природы.

Отрасль Карпатскаго хребта тянется отъ вершинъ рѣки Прута въ Галиціи, и проникаетъ между Днѣ-

---

значитъ также временное жительство въ степи, для пахатія земли, содержанія стадъ или пчелъ; *Кишло*—землянка, пріютъ степныхъ Чабановъ, или пастуховъ; безъ всякаго сомнѣнія отъ Татарскаго *Кишлавъ*—зимовье.

стромъ и Прутомъ въ Бессарабію по Хотинскому цыпуту. Въ Ясскомъ цыпутѣ она сглаживается между рѣками впадающими въ Реутъ; но въ вершинѣ этой рѣки, ниже гор. Бельцъ, она какъ будто возрождается снова въ отдѣльной горѣ Могура (*), которая развѣтвляется вдоль всей Бессарабіи, также возникая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльными горами, и сохраняетъ свои силы и крутизну до самаго моря.

Въ верхней части Бессарабіи, отлогой берегъ рѣки Прута, (ибо крутой съ противной стороны, въ Молдавіи), единообразенъ и не богатъ населеніемъ; но рѣка Днѣстръ сохраняетъ всюдѣ и крутизны своего нагорнаго берега, и частыя селы, и сады, богатые виноградомъ, Волошскими орѣхами (грецкими), яблоками, сливами, вишнями, черешнями, грушами, абрикосами, не уступая даже степнымъ мѣстамъ въ богатствѣ баштановъ (полей засѣянныхъ арбузами, дынями, тыквами, Турецкими огурцами и падлажанами). На Днѣстрѣ — ароматъ акацій, пѣсни ночныхъ соловьевъ, въ полтора аршина стерляди, слишкомъ въ сажень осетры, посреди плавней непереводимая дичь, дикіе гуси, утки, всѣ роды шпеповъ и куликовъ; здѣсь народъ дѣятельнѣе, женщины прекраснѣе. Но говоря о красотѣ женщинъ простаго народа, — гористыя, здоровыя мѣста Орхеевскаго цыпута, должны славиться ими. Тамъ *фаты* (**) истинно *формошики:* цвѣтъ здоровья и роскошь формъ.

(*) Тумат.

(**) *Фата* — дѣвушка, *формошика* — прекрасная.

Орхей-вэки (древній Орхей), по словамъ жителей, былъ на другомъ мѣстѣ; по Кантемиру, на Западномъ берегу Орхевскаго озера, но какъ я слышалъ, этотъ городъ былъ ближе къ Днѣстру на Реутѣ, противъ Дубоссаръ и слѣдственно противъ главной переправы чрезъ Днѣстръ.— Можетъ быть здѣсь была *Ольхіонія*, которую приписываютъ мѣстечку *Сороки* или *Соколы*.

Верстахъ въ сорока отъ Орхея, на Днѣстрѣ, въ вершинѣ береговыхъ скалъ, есть монастырь—*Городище*. Смотря снизу, отъ рѣки, кельи кажутся норами птицъ. Скалы стоятъ стѣной. Взобравшись на гору въ объѣздъ по каменистой, крутой дорогѣ, вы найдете тамъ нѣсколько домовъ, принадлежащихъ монастырю, обитель настоятеля и сады; настоятель поведетъ васъ чрезъ садъ къ вершинѣ скалы; вышина ужаснетъ васъ, когда вы приблизитесь къ обрыву, и станете спускаться по узенькой вырубленной снаружи лѣсенкѣ; по положенной надъ обрывомъ доскѣ, вы перейдете въ старую церковь и въ искуственныя пещеры, вырубленныя въ камнѣ; въ послѣднюю должно пролезать сквозь узкой прорубъ. Здѣсь хранится нѣсколько старыхъ пищалей (*), и широкое отверстіе наружу, задѣлано толстыми дубовыми досками, въ которыхъ прорублены ружейныя амбразуры.—Говорятъ, что здѣсь въ старину Христіяне скрывались отъ Татаръ.— Возвратив-

(*) Кажется отъ этаго слова Молдаване называютъ ружье *пушкой*, пушку—*тунуръ*—громомъ.

шись на уступъ скалы, составляющій площадку, вы помолитесь Богу въ новой церкви, вырубленной также въ камнѣ, посѣтите трапезную и Калугерей въ ихъ пещеркахъ, съ однимъ окошечкомъ и трубой выведенной наружу скалы. Высота скалы надъ Днѣстромъ до 100 саженъ.

Настоятель васъ угоститъ вишомъ своихъ садовъ и сотами меду; и вы, разставаясь съ м. Городищемъ, скажете въ душѣ то-же, что сказалъ Гете, разставаясь съ обителью Мелькъ на Дунаѣ.

Продолжая путь по Днѣстру, и не доѣзжая верстъ трехъ до мѣстечка Сорокъ, вы увидите въ скалахъ слѣды подобной же обители, какъ и въ Городищѣ, но давно уже оставленной.

Проѣзжая отъ м. Сорокъ, (гдѣ также есть Готской архитектуры замокъ), въ Хотинъ, почти во всемъ Хотинскомъ цыпутѣ вы встрѣтите совсѣмъ уже другой міръ, и подумаете что какая-то сила внезапно васъ перенесла въ Малороссію. — Тутъ живутъ Руснаки (такъ они сами себя называютъ) лицероглазые Сарматы, родовитые Бессы (*).

(*) Кажется что это названіе происходитъ отъ Bejas — бѣлый, названіе, которое дали имъ сосѣди Турецкаго племени.

Печенѣгами (Бессъ, Бешпагъ, также какъ Русъ—Руснакъ) назывались можетъ быть первые переселенцы Славянскаго племени на тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Босна, или Боснія, и Рашія (разумѣется производя не отъ рѣкъ названія этихъ областей). Въ послѣдствіи же Печенѣгами называли можетъ быть племена Татарскія, вновь приходившіе къ Дунаю; ибо имя Печенѣговъ исчезло по Виз. Ист. въ Балканахъ.

Готическій замокъ Хотина, надъ самымъ Днѣстромъ, на береговомъ холмѣ, обнятомъ крутою лощиною, похожъ на замокъ *Конвай* въ Бретаніи. Теперь онъ составляетъ уже цитадель крѣпости.

До пріобрѣтенія Хотина Русскими, — этотъ городъ считался сильнѣйшимъ во всей Молдавіи. Онъ извѣстенъ побѣдой Владислава, одержанной надъ Султаномъ Османомъ въ 1621 году. Въ 1744 году Турки при Хотинѣ же разбиты Яномъ Собіесскимъ, который спасъ Вѣну отъ осады Магометомъ IV, въ 1683 году.

По трактату Хотинскому, заключенному въ 1622 году, Польша пріобрѣла право имѣть своихъ легатовъ въ Константинополѣ. Въ это же время была основана Королемъ Польскимъ въ Хотинѣ школа восточныхъ языковъ, для чего и были выписаны учители изъ Константинополя. Въ этомъ то заведеніи Янъ Собіесскій и его братъ Марко (дѣти Якова Собіесскаго, бывшаго Кастелланомъ Краковскимъ и уполномоченнымъ посломъ въ Турціи, въ 1621 году) приготовлялись къ путешествію на востокъ. Неремѣны постигнувшія Польшу были причиной уничтоженія этой школы.

БУРЯ.

(ИЗЪ I-й ПѢСНИ ВИРГИЛІЕВОЙ ЭНЕИДЫ).

Причины гнѣва Юноны на Троянъ.—Отплытіе Энея изъ Сицилии.—Юнона уговариваетъ Эола возмутить волны.—Буря и кораблекрушеніе.—Нептунъ укрощаетъ волны и прогоняетъ вѣтры.—Прибытіе Троянъ къ Ливійскому берегу.

Ст. 16—177.

Былъ древній градъ, въ которомъ Тирійскіе выходцы жили,
Градъ Карѳагенъ, далеко отъ Италіи, су́противъ устьевъ
Тибровыхъ струй: богатъ и къ воинскому дѣлу привыченъ.
Болѣе прочихъ, гласятъ, любила страну ту Юнона,
Даже и Самоса болѣе. Здѣсь сохранились доспѣхи,
Здѣсь колесница ея: дабы градъ сей главой былъ народамъ,

Если дозволитъ то рокъ, домогалась она и пеклася,
Но услыхала богиня, что племя отъ крови Троянской
Нѣкогда будетъ должно низринуть ограды Тирійцевъ;
Будто народъ, превосходный въ войнѣ и повсюду владычный,
Придетъ на Ливіи гибель оттоль: какъ назначили Парки.
Сильно страшася того, не забыла богиня и прежней
Брани, что противу Трои вела за любезныхъ ей Грековъ;
Также не вышли еще изъ души и причины досады
Вмѣстѣ съ печалію тяжкой: тантся на сердцѣ глубоко
Сына Пріямова судъ, красоты оскорбленье, презрѣнный
И ненавистный ихъ родъ, и данная честь Ганимеду.
Гнѣвомъ пылая за то, разбросаннымъ по морю Тевкрамъ,
Малымъ остаткамъ, избѣгшимъ Данайцевъ и мести Ахилла,
Въ Лаціумъ путь преграждала она: и многіе годы
Вкругъ всѣхъ морей скитались они, гонимые рокомъ.
Вотъ сколь усиленъ былъ трудъ для созданія Римскаго царства!

Только изъ виду земли Сицилійской въ открытое море

Радостно вышли суда, разсѣкая соленую пѣну,
Зевса супруга, подъ сердцемъ храня свою вѣчную язву,
Такъ про себя: «Ужь не мнѣ уступить, предпріятье покинувъ?
Иль отъ Италіи я не могу отклонить царя Тевкровъ?
Мнѣ возпрещаютъ судьбы! Но могла же богиня Паллада
Флотъ весь Аргивянъ сожечь и самихъ потопить въ безднѣ понта,
Ради нечестовыхъ дѣлъ одного Оилея Аякса?
Быстрый Зевесовъ Перунъ сама изъ-за тучъ низвергая,
Флотъ разметала она и возставила зыбь; а безумца,
Огнь изъ разверстой груди издыхавшаго съ жизнію вмѣстѣ,
Вихремъ на воздухъ взвила и на острый утесъ посадила.
Я же, которую всѣ признаютъ за царицу безсмертныхъ,
Зевса супруга-сестра, съ единымъ народомъ столь долго
Распрю веду! Кто отнынѣ прибѣгнетъ ко власти Юноны,
Кто на алтарь сй, съ мольбой, возложитъ почетную жертву?»

Такъ разсуждая въ себѣ пылающимъ сердцемъ, богиня
Въ родину бурь, обильныя лрыми вѣтрами скалы,
Въ царство Эола приходитъ. Здѣсь средь обширной пещеры
Вѣтровъ борьбу царь Эолъ и далеко-голосыя бури
Властью смиряетъ своей, заключая въ темницу и узы.
Съ ропотомъ сильнымъ они, негодуя на власть, вкругъ ущелій
Скалъ тѣхъ ревутъ. На высокомъ утесѣ Эолъ возсѣдаетъ
Съ скиптромъ въ рукѣ; укрощаетъ сердца, утоляетъ свирѣпость.
Если бъ не сила его,—то и море, и землю, и небо,
Быстрые, вѣрно бъ, умчали съ собой и развѣяли прахомъ.
Но всемогущій отецъ, опасаясь того, заключилъ ихъ
Во мрачныхъ ущеліяхъ горъ, заложивши огромно-тяжелой
Грудою скалъ, и назначилъ царя, который умѣлъ бы
Въ случаѣ нужды ихъ силой смирять, или бразды послаблять имъ.
Съ просьбой покорной къ нему обратилась въ то время Юнона:

«Мощный! (тебѣ безсмертныхъ отцемъ и царемъ человѣковъ
Власть вручена усмирять и смущать непогодою волны.)
Племя, враждебное мнѣ, плыветъ по Тирренскому морю,
Къ брегу Италіи Трою несея и изгнанныхъ Пенатовъ:
Двигни же съ силою вѣтръ, и суда потопи въ бездныхъ моря,
Иль размечи всѣ ихъ врозь и наполни трупами волны.
Есть у меня четырнадцать Нимфъ красоты несравненной:
Всѣхъ же красою лица превзошедшую, Деіопею,
Въ руки тебѣ я предамъ и съ тобой сосдиню ее бракомъ;
Пусть, за услуги твои, всѣ грядущіе годы проводитъ
Вмѣстѣ съ тобой, и главой тебя сдѣлаетъ дивнаго рода.»

Ей возражаетъ Эолъ: «Размыслить о собственной волѣ —
Дѣло, царица, твое; а мой долгъ — исполнять повелѣнья.
Ты мнѣ и царство и скиптръ и Зевса любовь даровала,

Ты мнѣ доставила честь возлегать на пирахъ у безсмертныхъ;
Власть надъ грозой и погодой моя чрезъ тебя же дана мнѣ.»

Только сказалъ, и къ пустой внутрь горѣ обративъ острый дротъ свой,
Грянулъ ей въ бокъ: и подобно устроеннымъ полчищамъ, вѣтры
Въ выходъ отверзтый спѣшатъ и дыханіемъ вьюги подъемлютъ.
На море вдругъ налегли, и отъ нѣдръ сокровеннѣйшихъ разомъ
Роютъ его: и Эвръ, и Нотъ, и обильный грозою
Дерзостный Афръ; ко брегу клубятся великія волны.
Вслѣдъ раздаются и крики людей и скрыпеніе вервій.
Черныя тучи отъ взоровъ Троянъ похищаютъ незапно
Небо и день: глубокая ночь взлегаетъ на море.
Полюсъ гремитъ, и сверкаетъ эоиръ безпрерывно отъ молній;
Все угрожаетъ Троянскимъ мужамъ неминуемой смертью.

Ужаса дрожь протрезвляетъ незаппо Энеевы члены;
Тяжко вздохнулъ онъ, и обѣ руки простирая ко звѣздамъ,

Такъ вопіетъ:» О трикраты и болѣе долей блаженны,
Тѣ, кому въ отчихъ глазахъ, подъ стѣнами высокими Трои,
Пасть суждено! О храбрѣйшій изъ цѣлаго рода Данайцевъ,
Мощный Тидидъ, для чего я не могъ на поляхъ Иліонскихъ
Съ прочими лечь, отъ десницы твоей испустивъ эту душу,
Тамъ, гдѣ копьемъ Эакида неистовый Гекторъ низверженъ,
Тамъ, гдѣ палъ Сарпедонъ, гдѣ въ волнахъ своихъ Симоисъ столько
Шлемовъ геройскихъ, щитовъ и тѣлъ благороднѣйшихъ катитъ!»

Такъ онъ взывалъ; Аквилонъ въ этотъ мигъ, просвиставъ, ударяетъ
Въ парусъ съ другой стороны, и валы воздымаетъ до неба.
Въ дребезги весла летятъ; тутъ корабль, обратясь, подставляетъ
Бокъ свой волнамъ: отступаетъ назадъ сокрушенный холмъ водный.
Тѣ высоко надъ пучиной висятъ; тѣмъ волна, разверзаясь,
Дно открываетъ средь водъ: самый илъ отъ волненья мятется.

Три корабля захвативъ, Нотъ ихъ мчитъ на сокры-
тыя скалы,
Скалы средь водъ, отъ пловцовъ получившія ри-
фовъ прозванье,
Грозный хребетъ средь морской глубины. Три дру-
гіе влекутся
Эвромъ къ безводнымъ мелямъ — и, о видъ сожа-
лѣнья достойный!
Тамъ сокрушатъ онъ ихъ и подъ грудой песку по-
гребаетъ.
Несшій Ликійцевъ корабль и ихъ вѣрнаго вождя
Оронта,
Въ самыхъ Энея очахъ поражается валомъ огром-
нымъ
Прямо въ корму: пошатнулась она, и склонившійся
кормчій
Падаетъ внизъ головой, а корабль самъ, на мѣстѣ
единомъ
Трижды кружимый волной, поглощается водъ бы-
стрымъ яромъ.
Гдѣ-гдѣ замѣтны въ волнахъ, на обширной по-
верхности моря,
Доски судовъ, оружье мужей и сокровища Трои.
Иліонея добелый корабль, и героя Ахата,
И на которомъ Абасъ плылъ, и тотъ, что несъ старца Алета,
Бурей разбиты уже, и боковъ ослабѣвшею связью

Влагу враждебную черпаютъ всѣ сквозь разверзтыя щели.

Ропотъ великій бунтующихъ волнъ и распущенныхъ вѣтровъ

Внялъ въ это время Нептунъ, и замѣтивъ, что отбыли воды

Съ самыхъ исподнихъ мелей, возмутился душой, и въ пучину

Взоръ свой вперилъ, изъ-подъ волнъ приподнявъ безмятежный свой образъ:

Видитъ Энея разбросанный флотъ по пространству морскому,

Видитъ Троянъ, тѣснимыхъ волнами и неба смятеньемъ.

Гнѣвъ и коварство Юноны не скрылись отъ братнинихъ взоровъ.

Эвра къ себѣ и Зефира зоветъ, и потомъ говоритъ имъ:

«Вотъ ужь куда завлекла васъ отважность вашего рода?

Вотъ ужь, безъ воли моей, дерзаете небо и землю

Вы возмущать, поднимая на море такія громады?

Я васъ!... Но лучше сперва укротить разъяренныя волны.

Впредь не такою цѣной заплатите мнѣ вы за это!

Прочь отлетайте скорѣй и царю своему донесите:

Власть надъ пучиной морской не ему, вмѣстѣ съ грознымъ трезубцемъ,

Мнѣ отъ судьбы вручена. У него есть огромныя скалы,
Ваши обители, Эвръ! пусть же дмится Эолъ своей властью
Въ царствѣ своемъ, и надъ замкнутой вѣтровъ темницей владѣетъ.»

Рекъ, и быстрѣй чѣмъ сказалъ, укрощаетъ опухшія бездны,
Гонитъ толпы собравшихся тучъ, и солнце выводитъ.
Тутъ Кимотоя и съ нею Тритонъ, наперши, совлекаютъ
Съ острыхъ утесовъ суда: самъ Нептунъ подмогаетъ трезубцемъ,
И обнажаетъ обширныя мели, и море равняетъ
Слѣдомъ легкихъ колесъ пробѣгая холмистыя воды.
Словно, когда въ многолюдной народной толпѣ возстаетъ вдругъ
Лютый мятежъ, и ничтожная чернь свирѣпствуетъ духомъ;
Огнь ужъ и камни летятъ; доставляетъ оружія ярость:
Если случайно тогда, по заслугамъ и доблести чтимый
Явится мужъ, замолкаетъ толпа и свой слухъ напрягаетъ;
Онъ же рѣчами склоняетъ умы, и сердца умиляетъ.
Такъ весь ревъ моря опалъ, когда на пучину родитель

Взоръ устремилъ, и летя въ колесницѣ подъ чистой лазурью,
Правилъ конями, къ быстрѣйшему бѣгу бразды ослабляя.
Но утомленное войско Энея ближайшаго брега
Тщится достичь, и къ Ливійскимъ предѣламъ свой бѣгъ обращаетъ.
Есть сокровенное мѣсто, гдѣ островъ, въ заливѣ лежащій,
Вѣрную пристань сулитъ кораблямъ: сокрушаясь объ островъ,
Волны морскія струятся потомъ въ заливъ углубленный.
Грозныя скалы съ обѣихъ сторонъ и утесы двойные
Высятся къ небу челомъ; безопасное море подъ ними
Вѣчно молчитъ; а съ вершинъ ихъ встаетъ блестящій кустарникъ
И густой мрачный лѣсъ съ ужасною тѣнью своею.
Прямо же противу нихъ, подъ нависшей скалой есть пещера;
Тамъ живые ручьи и лавки изъ дикаго камня
Нимфъ образуютъ пріютъ: здѣсь судамъ утомленнымъ не нужны
Ни корабельный канатъ, ни якоря зубъ искривленный.

Семь кораблей, уцѣлѣвшихъ изъ флота всего, въ эту пристань
Ввелъ прародитель Эней; и съ великой любовію къ сушѣ
Тевкры стремятся съ судовъ, занимаютъ желанную землю
И отъ соли засохшіе члены на ней простираютъ...

Съ Латинскаго, М. Дмитрію.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(ИЗЪ ДЕРПТА.)

Сонетъ.

Какъ серебро нагорнаго каскада,
Летя съ скалъ хрустальною дугой,
Твой круглый стихъ, какъ жемчугъ дорогой,
Шумитъ, кипитъ надъ сокомъ винограда!

Горды твоей разгульной лиры чада!
Ихъ не дерзнетъ воспѣть пѣвецъ другой,
Звукъ ревности подъ Вакховой ногой
Замретъ какъ свисть, — вотъ дерзости награда!

Какъ ароматъ душистаго вина,
За пуншевымъ столомъ всегда слышна
Душа пировъ — твоя пѣснь удалая!

Въ ней какъ звѣзда на небѣ зажжена
Въ лучахъ горитъ студентовъ старина
Свободный пылъ и молодость былая!...

*

Дерптъ.

БАЛЛАДА.

Во сыромъ бору могила
Съ буйнымъ вѣтромъ говорила:
Вѣтеръ, ты куда летишь,
Чей ты прахъ летя крутишь?

Вѣтеръ черный крестъ качаетъ
И могилѣ отвѣчаетъ:
«Я до молодца лечу
Прахъ красавицы кручу!»

Въ небѣ ходятъ сини тучи,
Въ полѣ вьется прахъ летучій,
Свищетъ вѣтеръ, крестъ трещитъ,
Чу! въ плиту мертвецъ стучитъ!...

Дикимъ звѣремъ вдругъ завыла
Безутѣшная могила:

«Вѣтеръ, вѣтеръ не гуди,
Праха мертвыхъ не буди!»

Пріутихла вѣтра сила,
Разступилася могила
И выходитъ наконецъ
Изъ могилы той мертвецъ...

Бродитъ мѣсяцъ, ходятъ тучи,
Вьется клубомъ прахъ летучій,
Стонетъ вѣтеръ, боръ гудитъ,
Мертвый на небо глядитъ...

Онъ рукой окаменѣлой
Поднялъ къ небу саванъ бѣлой,
И на мутныя глаза
Вышла черная слеза...

Свѣтитъ мѣсяцъ, бродятъ тучи,
Вьется клубомъ прахъ летучій,
Свищетъ вѣтеръ, боръ гудитъ,
Мертвый на небо глядитъ!...

Вотъ сорвался саванъ бѣлый
Хитрый трупъ оледѣнѣлый
Зашатался, застоналъ
И склонясь на крестъ упалъ.

Прахъ истлѣвшій въ видѣ пыли
Разлетѣлся, и завыли,
Наклонясь къ сырой землѣ,
Ели шаткія во мглѣ.

И какъ облако тумана
Долетѣвъ до Океана
Прахъ разсѣялся надъ волной
И покрылся глубиной...

*

Дерптъ.

ТРИ ПИСЬМА.

(Отрывокъ изъ путешествія по Россіи.)

1837 Августа 1.

ПИСЬМО I.

Любезный другъ, преданный по склонности и по обстоятельствамъ праздной дѣятельности, скитаясь какъ кочующій цыганъ, подъ высокопарнымъ титломъ путешественника по всѣмъ странамъ міра, я былъ заброшенъ судьбою и завезенъ почтовыми лошадьми въ Тамбовъ.—Вотъ, скажешь ты, послѣ писемъ твоихъ о Парижѣ, Голландіи, Кавказѣ, Бессарабіи и иныхъ прочихъ — что новаго нашелъ о Тамбовѣ, извѣстномъ только по своему бостону, биліярду, каламбуру Французовъ въ 1812 (tombeau)— и потому еще, что почтамты не рѣдко смѣшиваютъ его съ Тобольскомъ.

Объ немъ-то и буду говорить много любопытнаго; особенно если ты, неособлазняемый скромностію размѣровъ, ни громкими историческими именами—взглянешь на Тамбовъ взглядомъ Русскаго, увидишь въ немъ часть великаго цѣлаго, которое свѣтъ называетъ уже Русскимъ міромъ—а мы еще простодушно: матушкой Россіей! гордимся ею какъ своимъ отечествомъ! Да, славное въ древности: «я Римлянинъ!» насъ не удивляетъ. Съ тою же широкополной грудью, и мы говоримъ: «я Русскій!» И въ этомъ, еще не совсѣмъ знакомомъ ей звукѣ, изумленная Европа уже разбираетъ и паденіе Карла, и гибель Наполеона, и миръ Европѣ, и покореніе Азіи до Евфрата, и Суворова побѣды на Альпахъ, и торжество Брюлова въ Италіи! Однимъ словомъ всѣ чудеса царствій Петра, Екатерины, Александра и Николая!

Россія точно счастлива, что хаосъ ея богатыхъ, Азійско-Европейскихъ элементовъ, былъ приведенъ въ порядокъ мыслію ея Монарховъ; мощной мыслію, подобной весеннему, благотворному солнцу, съ неприступной высоты изливающей и теплоту и свѣтъ, она оживила, возрастила и развила подавленныя силы младенца-исполина. Счастлива особенно въ сравненіи съ нѣкоторыми странами Европы, которыхъ древнее просвѣщеніе отсвѣчивается кровавымъ заревомъ волкановъ.—Да, Россія есть обширное поле, роскошная нива, глубоко браздимая геніемъ Монарховъ и щедро ими засѣваемая! И Тамбовъ, мнѣ кажется «не безплодной дорогою, и не

твердымъ камнемъ»—гдѣ бы росли только мохъ и плевелы, но однимъ изъ благословенныхъ мѣстъ, гдѣ мысль привилась и обѣщаетъ вознаградить сѣятеля обильной жатвою.

На чемъ же основаны эти предположенія; не есть ли это игра воображенія, или весьма извинительный порывъ губернскаго патріотизма? — На фактахъ и на сравненіи! «Имѣяй очи да видитъ.» Я помню Тамбовъ 20 лѣтъ назадъ, и почти въ тѣхъ же обстоятельствахъ; съ тою разницею, что общество дворянское было многочисленнѣе, богатѣе, роскошнѣе; было болѣе, такъ сказать, гостепріимства и радушія, но занятія были вѣтреныя, легкомысленныя; карты, балы, собаки кружили всѣмъ головы; покупка, продажа, или обмѣнъ имѣнія — котораго часто ни продавецъ ни покупщикъ не знали—называлось «дѣломъ» по превосходству! Но ни одной общественной мысли не было въ ходу. Какая разница теперь! Правда, что всеобщее направленіе умовъ въ цѣлой Россіи другое: оно обращено на предметы общей пользы и народности, ибо миновался періодъ смягченія нравовъ посредствомъ общежитія. Отвлеченныя идеи о гражданственности, промышлености и пр. вышли уже изъ кабинета ученыхъ и дѣлаются достояніемъ всего общества. Это общее направленіе вездѣ, но въ Тамбовѣ многіе предметы еще бродящіе идеями, въ головахъ всѣхъ — уже осуществились, приняли форму ощутительную, приложены къ дѣлу: однимъ словомъ вступили въ кодексъ гражданственности.

Кромѣ улучшенной наружности города: его мостовой, гдѣ недавно еще тонули въ грязи; довольно правильной и красивой архитектуры домовъ; разведеннаго публичнаго сада; богатыхъ магазиновъ и обдуманнаго рода жизни нѣкоторыхъ помѣщиковъ — съ удовольствіемъ замѣчаешь, что мысль «общей пользы» сдѣлала большіе успѣхи. Изъ Тамбова пошла первая бумага, столь жадно принятая попечительнымъ правительствомъ: о прекращеніи черезполоснаго владѣнія; зло всѣми ощущаемое, и котораго главы, подобно гидрѣ, грозятъ безпрестаннымъ возрожденіемъ. Тамбовской Статистическій Комитетъ въ полномъ дѣйствіи, и съ знаніемъ дѣла собираетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія и матеріалы; нѣкоторые уже извѣстны и публикѣ и министерству. Здѣсь учреждаются хозяйственные съѣзды для собранія и приведенія въ порядокъ мѣстныхъ агрономическихъ свѣдѣній. Мысль соговарищества, обогатившая Англію, здѣсь понята, что доказывается нѣкоторыми проектами пошедшими въ ходъ. Приказъ Общественнаго Призрѣнія дѣйствуетъ на истинныхъ началахъ государственнаго кредита и сильно распространилъ свои операціи. Здѣсь образовалась гимназія; и уже утвержденный проектъ пансіона. Пожертвованы дворянствомъ значительныя суммы на институтъ для бѣдныхъ дѣвицъ. Наконецъ почти примѣрное дѣло въ Россіи: общественная библіотека составилась на акціяхъ — и заключаетъ уже 15.000 томовъ (отъ 1834 г.); тѣсное помѣщеніе ея ежедневно наполнено посѣтителями.

Я пріѣхалъ въ Тамбовъ въ самое благопріятное время для моей наблюдательности: за мѣсяцъ до посѣщенія Государя Наслѣдника Цесаревича. Городъ былъ пустъ, но по немногу все собиралось: Предводители для совѣщаній о принятіи Августѣйшаго небывалаго Гостя; дворянство по тому же предмету и для ярмарки, на которую дѣятельно готовилось купечество. Тутъ же былъ назначенъ недавно открытый бѣгъ рысистыхъ лошадей, весьма занимавшій заводчиковъ. Готовилась также выставка произведеній губерніи, въ силу предписанія министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое тебѣ извѣстно. Мысль благодатная, точное исполненіе которой ознакомитъ Россію съ своею производительностью; разовьетъ собственные ея источники; откроетъ богатства доселѣ невѣдомыя, и можетъ дать истинное направленіе ея промышленности. Планъ данный министерствомъ обдуманъ глубоко—и весьма обширный; съ нѣкоторой опытностью и догадкой въ него можно включить все. Хорошо сдѣлано, что изыскать средства исполненія возложено на мѣстныя начальства и даже на общество; ибо успѣхъ и устройство выставки, послужатъ мѣриломъ промышленнаго образованія первенствующаго общества въ губерніи.

Но возвратимся къ Тамбовской выставкѣ. Ее казалось легко сдѣлать, если общество въ эту мысль вникнетъ и ею займется: но въ этомъ-то все и дѣло! Кто можетъ въ этомъ поручиться? Кто знаетъ у насъ въ губерніи, общее мнѣніе? Какой его органъ? Тамъ гдѣ оно выражается журналами, газе-

тами, литературою—и тамъ трудно добраться до настоящаго мнѣнія, но по крайней мѣрѣ возможно. Но какое для сего средство въ провинціи, обширностью равной Баварскому королевству, гдѣ дворянское общество малочисленно, разсѣяно по маленькимъ городкамъ или по своимъ деревнямъ и безъ всякаго почти между собою сношенія! Какъ примутъ они мысль выставки? Купцы, фабриканты, ремесленники, хотя болѣе знакомые съ сей мыслью, по существу своихъ занятій, рѣшатся ли дѣйствовать по своему, или пойдутъ за дворянствомъ? Одни и большая часть, вѣроятно ничего не пришлютъ подъ благовиднымъ предлогомъ, что ничего нѣтъ чрезвычайнаго; какъ будто выставка дѣлается изъ необыкновеннаго; это не кабинетъ рѣдкостей. Другіе изъ худо направленнаго самолюбія, что ихъ издѣлія хуже сосѣдскаго, постараются ничего не выставить. Къ тому же не имѣли и не могли имѣть вѣрнаго понятія о развитіи промышленныхъ силъ губерніи: всѣ ея произведенія видѣли только по частямъ и разбросанныя, нигдѣ и никогда вмѣстѣ, и всѣ почитали ее бѣдною. Сверхъ этаго не было ни помѣщенія, ни прислуги, ни денегъ. Установителемъ выставки назначили знакомаго мнѣ человѣка, который понималъ всѣ эти трудности и никакъ не надѣялся ихъ преодолѣть: «впрочемъ не боги горшки обжигаютъ» приговаривалъ онъ. Цѣлый мѣсяцъ собиралась выставка: дворянство отдало подъ нее свой клубъ съ услугою й съ обширнымъ дворомъ, на которомъ предположено было выставить животныхъ богатаго скотоводства губер-

ніи. Купцы: П. Г. Суворовъ, К. К. Гундобинъ, Прокунинъ, Кожинъ пожертвовали небольшими суммами на необходимыя издержки. «Слава Богу,» сказалъ мнѣ однажды директоръ «не знаю будетъ ли богата наша выставка, или нѣтъ; богатство вещь относительная и зависитъ не отъ насъ. Я въ этомъ отношеніи не сравнивалъ Тамбовской губерніи съ другими; пока, это—вещь невозможная: мы не имѣемъ ни достаточныхъ для сего документовъ, ни данныхъ; послѣ выставокъ—это другое дѣло! Но наша выставка будетъ правдою! Мы ничего не утаимъ и выставимъ, какъ говорится, все «отъ кедра до исопа!» Насъ поняли: заводчики шлютъ свой скотъ; фабриканты свои произведенія; помѣщики свои продукты; даже дамы выставляютъ издѣлія своихъ досуговъ, которыя всюду разсѣяны, но въ массѣ представляютъ одну изъ огромнѣйшихъ фабрикацій. А вотъ лучшее доказательство, какъ общество вникнуло въ мысль министерства: посмотри глубокой слой черноземной почвы, нынѣ намъ присланный. Догадались, что подобное богатство, которому Таеръ вѣрить не хотѣлъ, не есть вещь обыкновенная! Однимъ словомъ мы не совсѣмъ похожи на д'Аламбертову мамку; и съ сей поры успѣхъ выставки не подлежитъ никакому сомнѣнію! Чего не сдѣлаешь съ подобнымъ обществомъ?»

Между тѣмъ комитетъ по выставкѣ дѣйствовалъ дѣятельно: огромная переписка по всѣмъ частямъ губерніи, какъ съ должностными такъ и частными

лицами, производилась; для пріема вещей завели приходныя и расходныя книги, куда всякая вещь вписывалась подъ № до возвращенія или продажи: ибо выставка объявила принятое вездѣ правило, продавать вещи желающимъ, по выставленной цѣнѣ. Реестръ подробный вещамъ составлялся; краткое описаніе выставки сочинялось и печаталось въ губернской типографіи. Я поилю тебѣ особенно это описаніе выставки, гдѣ всѣ главныя статистическія свѣдѣнія были приняты въ соображеніе; всѣ производительныя силы губерніи обозначены, и выставка являлась чѣмъ и быть должна: «сокращенной таблицею всѣхъ произведеній края въ лицахъ.» — Такъ понялъ комитетъ мысль министерства о выставкахъ.

Думали сначала классировать предметы по гражданскому раздѣленію, какъ-то: на земледѣліе, скотоводство, мануфактуры и смѣсь; но скоро замѣтили неудобство сего порядка, и рѣшились придержаться ученаго раздѣленія министерства, прибавивъ только пятый классъ, художественный. Впрочемъ планъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ учрежденіи выставокъ, столь обдуманъ и столь обширную представляетъ раму въ краткихъ словахъ, что достаточно его понимать и въ точности исполнять.

Въ скоромъ времени приготовили залы; нивелировали дворъ; поставили коновязи и отдѣлы для животныхъ; всѣ вещи были почти собраны и назначили репетицію: всѣмъ этимъ не много поспѣ-

шали по случаю проѣзда министра Юстиціи, которому захотѣлось взглянуть на выставку.—Но опишу тебѣ не репетицію, а самую выставку, за два часа до посѣщенія ея Великимъ Княземъ, когда осматривалъ ее К. И. А.... ъ, которому мы обязаны нынѣшнимъ движеніемъ статистическихъ работъ. Но отложу до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО II.

Я спросилъ у директора какой порядокъ онъ принялъ въ разстановкѣ вещей, и вотъ что онъ мнѣ сказалъ: «Прежде нежели отвѣчать мнѣ удовлетворительно на твой вопросъ, надобно тебѣ дать предварительное понятіе о правилахъ, которыми вообще комитетъ руководствовался. 1) *Ничего не отказывать*, потому что комитетъ не судья; корить и хвалить т. е. судить—есть должность общества, которую оно хорошо исполнить можетъ тогда только, когда все увидитъ и все сравнитъ. Всякой предметъ достоинъ выставки потому уже, что существуетъ; отказавъ же повидимому ничтожную вещь, можно лишиться десяти хорошихъ. Къ тому же въ природѣ и системѣ одинъ предметъ важнѣе другаго, но совершенно ничтожныхъ нѣтъ: главное чтобъ всякой стоялъ на своемъ мѣстѣ.—2) Хотя губернія обилуетъ фабриками, заводами и даже рудами, но главное ея богатство—скотоводство и земледѣліе, и потому, *наружность выставки необходимо со-*

хранить сей господствующій характеръ губерніи. 3) *Всѣ предметы выставить во всѣхъ степеняхъ производительности:* отъ колоса до печенаго хлѣба; отъ корня свекловицы, до совершеннѣйшаго издѣлія кандитерства; отъ животнаго, до шали изъ его шерсти или пуху вытканнаго, и пр. 4) *Отстранить всякую роскошь украшеній, не принадлежащую къ выставляемымъ предметамъ,* чѣмъ соблюдется экономія общественныхъ денегъ, на которыя всегда не худо скупиться.»

Послѣ этаго предисловія мы подошли къ обширному двору выставки, который расчистили, обвели дорожками, усыпали пескомъ. 50 жеребцовъ стояли въ своихъ коновязяхъ и при каждомъ—конюхъ, остриженный въ кружокъ и въ Русскомъ нарядѣ. Мудрено было рѣшить кому отдать преимущество: необыкновенно ли красивымъ статямъ лошадей завода г-жи Полтавцевой, гигантамъ ли съ Азіятской кровью графа Кутайсова, или сильнымъ, рысистымъ конямъ г. Воейкова. Въ сторонѣ, запряженный въ бѣговые дрожки стоялъ извѣстный Лебедь, окруженный семью серебряными кубками. Конь Гіерона, побѣдитель Олимпійскій, воспѣтый Пиндаромъ не былъ горделивѣй и прекраснѣй! Сравненіе едва ли дерзкое, когда вспомнишь, что вся Греція была гораздо поменьше Тамбовской губерніи.

Вправо, противъ лошадей, на зеленомъ дернѣ расположено было прекраснѣйшее стадо изъ шести коровъ (завода г-жи Андреевской); главой и повелите-

лемъ ихъ былъ огромный быкъ. Выраженіе спокойной безмятежной силы рогатаго богатыря живописно контрастировало съ рѣзвыми порывами гордыхъ жеребцовъ.

Далѣе стояло стадо мериносовъ, весьма недавно еще, достояніе одной Испаніи и гораздо драгоцѣннѣе было оно для нее Мексиканскихъ и Перувіянскихъ рудниковъ! А теперь шерсть Тамбовскихъ стадъ передѣлывается на ряду съ Инфантадо на Манчестерскихъ прядильняхъ. Какъ это сдѣлалось? очень просто: пришла мысль Петру—а что Ему въ голову не приходило?—подкрѣплена Александромъ, предоставлена Россіи; и съ нашими Заволжскими и Новороссійскими степями, и съ неутомимымъ рвеніемъ помѣщиковъ ко всѣмъ улучшеніямъ, намъ не опасна даже Новая Голландія, куда Англичане ежегодно отправляютъ и отборныя стада, и колонистовъ, и значительные капиталы. Золотое руно и съ Колхидою у насъ въ рукахъ!

Возлѣ овецъ, заключая классъ животныхъ, находилась свинья Англійской породы безъ щетины, сей необходимой потребности щегольства; Русскія свиньи сохранили пока монополію въ Европѣ: Англійскія чисты, а наши чистятъ. Ростомъ и дородствомъ выставленная свинья могла бы поспорить съ вепремъ Калидонскимъ, и безъ сомнѣнія соблазнила бы Тараса Скотинина.

У самаго входа расположены были земледѣльческія орудія, какъ вообще употребительныя такъ и

улучшенныя, начиная съ простой сохи до машинъ вводимыхъ въ многопольныя хозяйства. Тутъ были: распашники разныхъ родовъ; одноконные и для поднятія нови многоконные плуги съ отлоблями; желѣзныя бороны; маковая машина; вѣялка въ родѣ Бутеноповыхъ, только съ бичевкой вмѣсто чугунныхъ тяжелыхъ колесъ; глиномятная машина изобрѣтенія Кн. Волхонскаго; маленькая коса и грабельки, которыми еще Петръ I желалъ замѣнить серпъ; кровли камышевыя и соломенныя, употребительныя въ имѣніи Кн. Любомірской, отличныя своею чистотою и красивостью. Удивительно какъ не обратятъ вниманія на сей простой, дешевый и красивый способъ кровель, тогда какъ желѣзо намъ не приступно своей дороговизною; тесъ дешевле не многимъ: и то и другое сопряжено съ непріятностью крашенія; обыкновенныя же наши соломенныя крыши безобразятъ строенія, ломаютъ стропилы, вспыхиваютъ отъ малѣйшей искры и разносятся первой бурею, сообщая пожаръ цѣлому селенію. Если Тамбовская выставка ознакомитъ крестьянъ и помѣщиковъ только съ этими кровлями, то уже принесетъ несомнѣнную выгоду цѣлой области.

Улучшенныя орудія доставленныя отъ многихъ помѣщиковъ и почти со всѣхъ уѣздовъ губерніи доказываютъ распространяющуюся охоту къ Агрономіи — и присутствіе, хотя еще разсѣянныхъ, элементовъ, для преобразованія старыхъ привычекъ и предразсудковъ, несвойственныхъ, ни съ духомъ вре-

мени, ни съ понятіями общества ; остается только эти разсѣянные лучи собрать въ единый свѣточь. — Возлѣ машинъ стояла карета Тамбовскаго издѣлья.

Но пора въ залу. Нечего останавливаться въ первой комнатѣ гдѣ сгрудили керамиковыя произведенія; въ матеріялахъ губернія не нуждается, но искусства могло бы быть болѣе.

Устройство дома помогло удобному и красивому расположенію выставки: комнаты отдѣлялись одна отъ другой не стѣнами, но колоннами; такъ что однимъ взглядомъ можно было обнять весь составъ выставки. Постороннихъ прикрасъ никакихъ не было; длинные, вдоль стѣнъ столы, накрытые свѣтлозеленымъ сукномъ, уставленные произведеніями губерніи — пріятно поражали своимъ разнообразіемъ. Классъ растительный красовался роскошными снопами, цвѣтами и деревьями, межь которыми блестѣли серебряныя канделабры и золотистая рѣзьба класса художественнаго. Яркія пуховыя шали и каймы; легкія ткани; прозрачныя кружева и тюли разноцвѣтными фестонами обвивали стройныя колонны; стѣны и хоры были драпированы многочисленными коврами.

Полотна, салфетки, шитье и пр. лежали какъ въ магазинѣ на прилавкѣ и заключали классъ мануфактурный.

Посрединѣ залы, столы составляли покой уставленный произведеніями царства исконаемаго совѣми принадлежностями.

Машины вновь изобрѣтенныя на многочисленныхъ фабрикахъ Тамбовской губерніи, занимали особенное отдѣленіе: кругомъ ихъ лежали половники солдатскихъ и тонкихъ суконъ; народныя ткани, крашеная пряжа; мѣховыя издѣлья и руны тонкошерстныхъ стадъ.

Въ послѣдней комнатѣ были: кожа, юфть, рогожи, сало, деготь, воскъ; домашніе сыры, трюфели Шацкаго уѣзда и пр.

Произведенія класса художественнаго были разсѣяны по всѣмъ отдѣленіямъ и служили не малымъ украшеніемъ выставкѣ.

Но чтожь было особенно замѣчательнаго? Я уже разъ сказалъ, что выставка не есть музеумъ рѣдкостей. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, куда стекается все — должно быть чрезвычайное и превосходное; а въ губерніи замѣчательно должно быть цѣлое. Выставка есть статистическій урокъ Россіи; сумма всѣхъ губернскихъ выставокъ составитъ полный курсъ.

Впрочемъ замѣчательнаго было много: въ растительномъ классѣ то, что хлѣбныхъ зеренъ производится по нынѣшнимъ низкимъ цѣнамъ на 100 м. р.,

а въ голодномъ году (1833) губернія произвела по самымъ умѣреннымъ расчетамъ на 500 м. р. Эта статья конечно заслуживаетъ своего представителя на губернской выставкѣ. А въ частности нельзя не обратить вниманія на новыя породы хлѣбовъ, разводимыя въ видѣ опытовъ, каковы: Сирійская рожь, Гималайской ячмень, голый овесъ, Американская лебеда, Сибирская греча, не боящаяся мороза(?), который такъ безжалостно, въ Іюлѣ, уничтожилъ почти весь посѣвъ обыкновенной.

Въ царствѣ ископаемомъ замѣчательны произведенія купоросныхъ и сѣрныхъ заводовъ — купцовъ Прокунина, Гундобина и Попова; богатая руда свинцовая! ими же открытая и тѣмъ болѣе любопытная, что свинцовой руды мало въ Сибири, немного въ Англіи — и кажется вовсе нѣтъ въ остальной Европѣ. Есть въ этой рудѣ и признаки серебра, но въ столь маломъ количествѣ, что едва-ли заслуживаютъ какого вниманія. Кости гигантскихъ животныхъ — будто допотопныхъ — но въ самомъ-ли дѣлѣ? Странно, что онѣ попадаются весьма часто, не только по всей Россіи, но и во всѣхъ странахъ знаемаго міра.

Мануфактурный классъ отличался разнообразіемъ и превосходной отдѣлкою нѣкоторыхъ статей: тутъ были издѣлія огромныхъ и многочисленныхъ чугунныхъ заводовъ; 4-хъ заводовъ свекловичный сахаръ, изъ котораго выставлена была большая конфектная пирамида; картофельная патока завода Огарева, еще

не бывалая въ губерніи. Чрезвычайно тонкія и отлично отдѣланныя полотна, батистъ и скатерти; шерсти Ангорскихъ козъ, которыхъ взялась акклиматировать К. Гаг...а; шали и каймы изъ козьяго пуху К. В....й. Въ машинномъ отдѣленіи привлекали вниманіе: двѣ пильныя машины; одна для сученія покромокъ; и одна для накалыванія кардъ.— Всѣ четыре вновь изобрѣтенныя съ весьма ухищренным механизмомъ. Первыя три г. Беланже на фабрикѣ Л..ъ; а послѣдняя на фабрикѣ г. Полторацкаго, крѣпостнымъ его механикомъ. Многіе ковры отличались добротою и вкусомъ какъ-то: Н.б...ъ; и М..ъ; но особеннаго вниманія заслуживалъ бархатный коверъ на оба лица на манеръ Персидскихъ г. П....а.

Классъ художественный былъ не многочисленъ— но не мало украшалъ выставку: особеннаго замѣчанія заслуживалъ портретъ Наслѣдника на финифти сдѣланный дворовымъ человѣкомъ г-жи Андреевской; серебряный въ четыре пуда канделабръ, ея же художникомъ исполненный; иконостасная рѣзьба золоченая самоучки Наумова и нѣкоторыя масленыя картины.

Выставка заключалась глыбой черноземнаго слоя въ 1 ар. 8 вер. толщины — и который покрываетъ почти $\frac{1}{5}$ Тамбовской губерніи. Существованію подобнаго богатства Таеръ вѣрить не хотѣлъ: «говорятъ» такъ выражается онъ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о Раціональномъ Хозяйствѣ, «что въ Венгріи и Малороссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слой черноз-

ма глубиною въ два фута; но у насъ въ Германіи ничего похожаго не видно.»

Предметы въ задней комнатѣ находившіеся какъ-то: рогожи, сало, мыло и пр. были отличной доброты и свойства, но признаться надобно, что не всегда таковы въ продажѣ, чему доказательствомъ служитъ и то, что ихъ по выставленной цѣнѣ — тотчасъ всѣ раскупили.

Вотъ общій обзоръ всей выставки; теперь скажу тебѣ свои выводы и заключенія: растительный классъ отличился своимъ обиліемъ, дѣломъ плодородительнѣйшей почвы, щедраго неба—и множества рукъ которыя, пока, ничемъ кромѣ земледѣлія, заняться не могутъ; потому-то вѣроятно, искусство тутъ еще въ младенчествѣ. Нѣтъ охоты, нѣтъ страсти, нѣтъ пожертвованій; немногія, еще отдѣльныя лица, опереживающія потребности настоящаго, занимаются этой отраслью, которая ожидаетъ духа сообщества.

Со всѣмъ другое въ классѣ животномъ; тутъ заводчики во первыхъ, не опасаются конкурса толпы и неблагопріятной погоды; во вторыхъ видна мысль, охота, капиталы и трудъ; ибо и то и другое вознаграждается. И потому вообще заводы доведены до высокой степени превосходства.

Классъ мануфактурный въ этомъ отношеніи отсталъ: разнообразія много, что означаетъ предпріимчивость — но превосходство еще впереди. Изъ 16 суконныхъ фабрикъ только одна занимается произ-

водствомъ тонкихъ суконъ — и то окончательно отдѣлываетъ ихъ въ Москвѣ, вѣроятно потому, что губернія еще бѣдна вспомогательными способами. Лучшіе механики и технологи въ губерніи пока — иностранцы. И вообще мануфактурная часть требуетъ значительнѣйшихъ капиталовъ, бо́льшаго искусства, разнообразныхъ, основательныхъ и положительныхъ свѣденій; въ добавокъ характера трудолюбиваго и постояннаго — который можетъ быть есть не что иное какъ слѣдствіе всего предыдущаго. Самое состояніе общества нашего не совсѣмъ вознаграждаетъ необходимые труды и пожертвованія. Изъ заводовъ и фабрикъ благоденствуютъ только тѣ, которые имѣютъ дѣло съ казною, какъ-то: фабрики солдатскихъ суконъ и винокуренные заводы: за то ихъ произведенія достигли желаемаго превосходства.

Мимоходомъ упомяну только о заводахъ сахарныхъ: эта совершенно новая промышленость вѣроятно вознаградитъ современемъ всѣ пожертвованія, но по сію пору никто еще себя не учелъ. Все что теперь сказать можно, это то, что сахаръ изъ свекловицы дѣлается и хорошо и выгодно, что уже много; но свекловица часто измѣлетъ, а выгодъ большихъ трудно ожидать, доколѣ не будетъ она продаваться на рынкахъ, какъ картофель. Впрочемъ это дѣло одного времени; пожелаемъ только терпѣнія лицамъ, а обществу и государству успѣхъ вѣрный!

Нѣкоторые роскошные предметы домашняго издѣлія, какъ-то: ковры, каймы шальныя, пуховыя

шали; кружева, шитье; полотно и проч. доказывают необыкновенную мануфактурную способность нашего народа и вкус помѣщиков къ занятіямъ. Но повторить надобно, что всѣ эти опыты даже удачные, есть не что иное какъ произведеніе прихоти богатыхъ, и дотолѣ не соберутся въ фабрики—доколѣ общество наше не въ состояніи будетъ вознаградить употребленный трудъ и капиталъ. На иные предметы дѣйствуетъ случайность моды, которую въ губерніяхъ не всѣ имѣютъ возможность знать, и которая сама находится подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Вотъ примѣръ: Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ на выставкѣ изволилъ купить палатинъ изъ пидѣчьяго пуха Г. Х....й, очень похожій на chinchilla иностранный; на другой день многіе бросились заказывать такіе же, хотя десять лѣтъ эти мѣха дѣлаются у Г. Х....й—и одинъ былъ съ Московской выставки взятъ для Государыни Императрицы, но объ этомъ почти никто не зналъ —и никакъ не воображали, чтобъ изъ пидѣекъ могло выдти что порядочное, кромѣ жаренаго.

Отъ класса художественнаго мудрено многаго ожидать въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ отъ обѣихъ столицъ; довольно и того что есть стремленіе. При случаѣ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, эти возвышенные порывы къ изящному могутъ развернуться съ блескомъ, который трудно принимается на нашей сѣверной почвѣ: предоставимъ пока эту славу Италіи и столицамъ.

Но полно: ты имѣешь теперь о Тамбовской выставкѣ такое понятіе, какое я могу только тебѣ представить въ краткомъ обзорѣ. Хочешь большаго, подробнѣйшаго, основательнѣйшаго, толковитаго — потрудись просмотрѣть напечатанный каталогъ съ статистическими поясненіями и реестръ вещамъ.

P.S. Совсѣмъ было забылъ поговорить съ тобою о недавно открытомъ бѣгѣ; бѣги теперь въ Россіи не одну пустую забаву составляютъ — но приняли свойственный имъ характеръ пользы. Постигли, что наружная красота лошади есть вещь условная; дѣло вкуса и привычки, неимѣющее никакого прочнаго общаго основанія и о которой всякому позволительно имѣть свое мнѣніе. Истинное же значеніе красоты столь разнообразно-полезнаго животнаго должно бы заключаться въ чемъ нибудь положительномъ. Существенныя достоинства всякой лошади есть сила, огонь, покорность; всѣ наружные признаки, или статы, заставляющіе предполагать присутствіе этихъ качествъ — должны быть признаны красотою — и даже совершенствомъ, если они находятся въ совокупности; такъ, что красоту наружнаго должно почитать не иначе какъ итогомъ внутренняго достоинства лошади. Сила — обозначается быстротою и неутомимостью; огонь обличаетъ породу и проявляется бодростью; покорность необходима для способности къ ѣздѣ. Скачка и бѣгъ — могутъ только раскрыть эти разнородныя свойства лошадей, и какъ пробирный камень сотрутъ позолоту съ свинца, и въ новомъ

блескѣ явятъ золото. Вѣкъ есть также выставка, гдѣ коннозаводская промышленость должна явиться въ послѣдней степени своего развитія.

ПИСЬМО III.

Но вотъ наступилъ день торжественный, желанный! Прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ вечеромъ будетъ. Съ 4-хъ часовъ послѣ обѣда загудѣли колокола; духовенство стройнымъ чиномъ потянулось въ соборъ; народъ толпами окружалъ храмъ, волнуясь какъ море, быстрые экипажи неслись по всѣмъ улицамъ.

Цесаревичъ пріѣхалъ уже поздно и прямо во дворецъ: городъ ярко освѣтился, колокола не умолкали, радостное: «ура!» оглашало воздухъ — весь городъ былъ въ движеніи — которое затихло далеко за полночь: съ раннимъ утромъ все опять закипѣло.

Государь Цесаревичъ послѣ выхода поѣхалъ въ соборъ, оттуда въ богоугодныя заведенія и публичную библіотеку. Народъ всюду стремился за нимъ — но не успѣвалъ за Его экипажемъ; когда же Наслѣдникъ вышелъ пѣшкомъ у обширнаго двора выставки — надобно было видѣть, что такое сдѣлалось: ни одна крѣпость Суворовскимъ штурмомъ братая — не была съ такимъ рвеніемъ осаждаема. Ограду повали-

ли, заборъ разобрали; лезли черезъ стѣну, на кровли, тѣснились и волновались между коновязями жеребцовъ и быковъ—безъ страху, безъ осторожности: одно чувство восторга всѣхъ оживляло!

О Царь! высокую мысль Твою поняли. Твой Цесаревичъ — обручается съ Твоей Россіей! Съ какимъ радостнымъ вниманіемъ всѣ взоры были въ Него вперены: каждый читалъ на Его возвышенномъ челѣ, славную будущность Россіи — благодѣтеля которой столь глубоко и прочно основано.

Величественно шелъ царственный юноша: съ какимъ благоговѣніемъ раздвигались передъ Нимъ волны народа. Взоръ ясный, открытое чело, высокой ростъ, привѣтливая улыбка съ царственной осанкою, напоминали намъ и кровь Славянъ, и величіе Отца, и красоту Матери: Онъ представлялъ Россіи символомъ всего прекраснаго въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ!

Онъ шелъ не суетнымъ блескомъ и пышностью окруженный—но представители поэзіи, науки, воинскихъ и гражданскихъ доблестей Его сопровождали: вмѣстѣ съ искренними чувствами преданности.

На выставкѣ Государь Цесаревичъ съ величайшимъ вниманіемъ вникалъ во всѣ подробности производствъ; какая точность и опредѣлительность въ вопросахъ! какая наблюдательность въ замѣчаніяхъ и сравненіяхъ! какой широкій объемъ пространнаго поля промышленности!

Всѣ машины приводилъ въ движеніе; разговаривалъ съ фабрикантами и ремесленниками; дѣлалъ сравненія со всѣмъ Имъ видѣннымъ! Наконецъ остановясь у черноземнаго слоя, показалъ на рядъ сноповъ убиравшихъ залу и на руны тонкой шерсти, и сказалъ: «Вотъ ваши главныя богатства». Да, это истинныя богатства наши, дарованныя щедрымъ небомъ и заботливостью Монарховъ нашихъ: намъ остается только упрочить ихъ на вѣки своимъ просвѣщеннымъ трудолюбіемъ!

Послѣ обѣда Цесаревичъ отправился на бѣгъ; и, осмотрѣвъ камеру засѣданій, занялъ мѣсто въ приготовленной для Него галлереѣ; для многочисленной публики была другая. Весело было смотрѣть—какъ на обширномъ полѣ, на трехъ ристалищахъ разомъ неслись сильные и быстрые кони, вздымая облака пыли.

Вечеромъ загорѣлась опять роскошная иллюминація противъ оконъ дворянскаго собранія, гдѣ давали балъ. Входъ въ домъ собранія превращенъ былъ въ гротъ: свѣжій дернъ, благоуханіе цвѣтовъ, сѣнистыя деревья — манили нѣгой и прохладой! Танцовальная зала построенная въ родѣ древнихъ базиликъ — и похожая на Московскую — отличалась своей величественной простотою: огромные размѣры; длинные ряды стройныхъ колоннъ увѣнчанныхъ акантомъ; блистательная бѣлизна стѣнъ, яркое освѣщеніе и въ рѣзной золотой рамѣ подъ бархатнымъ виссономъ портретъ Императора! и

среди всего этаго роскошные наряды красавицъ, кружащихся въ быстрыхъ вальсахъ и кадриляхъ, изумляли своимъ эфектомъ. Хоры унизаны были зрителями и снаружи зала стѣснена была народомъ, который въ широкія окна жадничалъ взглянуть — «хоть еще разъ на Него!»

Глазъ не спускали съ Царевича, который танцовалъ много, весело; привѣтливая улыбка играла на устахъ Его, отражалась счастьемъ во всѣхъ сердцахъ. Онъ былъ душою праздника, который съ Его удаленіемъ вдругъ затихъ,—какъ будто что отлетѣло!

На другой день, передъ отъѣздомъ Государь Наслѣдникъ слушалъ молебенъ въ Соборѣ: съ какимъ умиленіемъ сынъ Царей, преклонивъ главу передъ крестомъ, принялъ напутственное благословеніе отъ пастыря!

И Россія велегласно повторитъ тоже: «Гряди благословенъ во имя Господне!» Да встрѣтятъ Тебя всюду, на блестящемъ и трудномъ поприщѣ Провидѣніемъ Тебѣ открытомъ—какъ встрѣчала Россія. Она какъ мать радушная раскинула предъ Первенцемъ Царя своего, несмѣтныя сокровища въ нѣдрахъ ея затаенныя — и преклонила передъ Тобою неисчерпаемый фіалъ любви!

Ново-Узенскій помѣщикъ Я. Карамаискій.

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВѢТЪ.

Прелестно небо голубое,
Изъ водъ изтканное Творцомъ,
Пространнымъ, блещущимъ шатромъ
Оно простерто на землёю.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестна роза Кашемира!
Весной, въ безмолвіи ночей,
Поетъ любовь ей соловей,
При тихомъ вѣяньи зефира.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестны блѣдно-сини воды!
Въ кристаллѣ ихъ — и сводъ небесъ,

И дремлющій въ прохладѣ лѣсъ,
И блескъ весенній природы.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестна лилія долины!
Въ одеждѣ брачныя четы,
Какъ кроткій Ангелъ красоты,
Цвѣтетъ въ пустыняхъ Палестины.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестны жатвы полевыя!
При яркихъ солнечныхъ лучахъ,
Они волнуются въ поляхъ,
Какъ будто волны золотыя.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

П. Ершовъ.

КОЛЬЦО съ БИРЮЗОЮ.

Камень милый, бирюзовый,
Неисходный цвѣтъ очей!
Ахъ! зачѣмъ мой милый камень,
Ты безвременно потускъ?
Я тебя ли не лелѣялъ?
Я тебя ли не берёгъ?
Что жъ по прежнему не свѣтишь?
Что не радуешь очей?
Ахъ! я слышу, ахъ! я знаю,
Милый камень, твой отвѣтъ:
«Скоро, скоро насъ оставитъ
«Незабвенный ангелъ нашъ.
«Свѣтъ очей ея небесныхъ
«Освѣщалъ меня собой,
«И дыханье устъ прелестныхъ
«Оживляло красотой!»
Ты померкни, ты потускни,

Камень милый, дорогой!
Распаяйся, разломися,
Ты, — завѣтное кольцо!
Что мнѣ кольца, что мнѣ камни,
Если нѣтъ со мной ее?
Съ ней и радость, съ ней и счастье!
Безъ нея мнѣ жизнь не въ жизнь!

П. Ершовъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

Въ средині Русской земли, тамъ, гдѣ лежатъ тяжелою грядою на ея поляхъ Алаунскія горы, былъ вдревлѣ пріютъ для народа, любившаго кочевать раздольно. Крутые берега Оки сторожили этотъ пріютъ отъ сѣвера, за которыми жили Славянскія племена; къ югу отъ Оки, за темными лѣсами, широко расширялась долина, по которой текли воды рѣки Упы. Надъ долиною возвышался хребетъ, опоясанный съ одной стороны рѣкою Плавою, а съ другой Задонскими степями, гдѣ жили Казары и Поляны. На южномъ уголку этаго хребта спокойно колыхалось Иванъ-озеро, мутное и круглое какъ Татарская лядова. Къ югу изъ этаго озера вытекалъ небольшой ручеекъ, водъ котораго, протекая по Задонскимъ степямъ, назвалъ кто-то Домомъ, а на сѣверъ изъ него же бѣжалъ Шатъ.

(*) Изъ второй части Исторіи Общественнаго образованія Тульской губерніи.

На востокъ и на западъ текла та же Ока, были лѣса, рѣки, жили Славяне-Кривичи и Чудь, за ними бродили Варяги.

Дикъ и ужасенъ былъ пріютъ за Окскими берегами; но пришлецъ изъ Азіи полюбилъ его, построилъ хижины, развелся пажитьми и, чрезъ двѣсти лѣтъ своей извѣстности, исчезъ съ лица земли отъ руки сильнаго. Властелинъ сего пріюта, Русской человѣкъ заховяйничалъ въ немъ по своему: порубилъ лѣса, провелъ дороги, заселилъ своихъ земляковъ по городамъ и селамъ, и зажилъ совершенно Русскою жизнію. Спустя много лѣтъ послѣ такого хозяйства, Русскіе люди назвали свой пріютъ, со всѣми городами, селами, лѣсами и рѣками: *Тульскою губерніею.*

Исторія Тульской губерніи не такъ древня, какъ міръ, и дѣла ея жителей не такъ важны, какъ дѣла всего Русскаго народа; но люди и земля этой губерніи, волею и неволею, втерлись въ Русскую исторію, и какъ участники ея дѣлъ, радостно живутъ въ народной памяти и важно говорятъ въ книжныхъ сказаніяхъ.

Поля Тульской губерніи, бывшія вдревле пріютомъ для Азійскаго пришельца, теперь родиною Русскаго человѣка, оживились двумя гражданскими обществами: *Азійскимъ* и *Русскимъ*. Азійскій дикарь и просвѣщенный Европеецъ выражаютъ собою главную идею гражданской жизни, полный кругъ общественнаго образованія Тульской губерніи.

Въ продолженіи осьми вѣковъ человѣческой жизни, совершались событія, приготовлявшія для будущаго двѣнадцать городовъ, полныхъ жизнію и дѣятельностію. Гдѣ жилъ въ шалашѣ Азійскій пришлецъ, тамъ, какъ мы сказали, Русской завелъ свое хозяйство, развелся семействомъ, настроилъ сель и городовъ. Въ этихъ городахъ, въ этихъ селеніяхъ поселились люди разныхъ сословій и, какъ люди особенные по своимъ характерамъ, составили свою *жизнь городскую*, свою *жизнь слободскую*, свою *жизнь сельскую*.

Тульская городская жизнь является въ трехъ отдѣльныхъ видахъ: въ жизни *старой* городской, управляемой во благо всемогущею волею великаго князя; въ жизни *зависимой* отъ удѣльныхъ князей, въ явленіи временномъ, двухъ-вѣковомъ; въ жизни *новой*, управляемой въ духѣ Самодержавія и Православія.

Слободская жизнь Тульскихъ городовъ, существовавшая въ своихъ особенныхъ правахъ, составляла самый дѣятельный, ремесленный классъ народа.

Жизнь сельская, подчиненная болрáмъ, дворянамъ, лицамъ духовнымъ, представляла самую трудолюбивую Русскую дѣятельность, вѣрную опору отчизны, рать временную для походовъ.

Жизнь городскую составляли: духовные, бояре, дворяне, дѣти болрскіе, и люди посадскіе. Во всѣхъ

трехъ видахъ этой жизни они участвовали: въ дѣлахъ военныхъ, судопроизводствѣ, промышленности, въ изученіи наукъ, знаній, искусствъ. Каждое сословіе имѣло свои права, свои преимущества.

Жизнь слободскую составляли: люди слободскіе, окружившіе своими селеніями города, занимавшіеся искусствами, торговлею. Таковы были: гончары, оружейники, ямщики.

Жизнь сельскую составляли: помѣщичьи крестьяне, монастырскіе служки и крестьяне бѣлопашцы, бобыли.

Въ этихъ разныхъ данныхъ совершалось общественное образованіе Тульской губерніи. Событія древнихъ лѣтъ, дѣла и люди укажутъ намъ вѣрный взглядъ въ обозрѣніи оной. Дѣла старой жизни нераздѣльны отъ новой; ибо тамъ, гдѣ одна начинала только измѣняться, приготовлялась уже другая. Въ такомъ только сравнительномъ изученіи мы можемъ преслѣдовать общественное образованіе. Въ непонятной жизни Азійскаго пришельца мы увидимъ образованіе Тульскихъ городовъ, селеній; въ прежней жизни городской и сельской мы постепенно будемъ замѣчать — какъ зарождалась, совершенствовалась и созрѣвала наша городская современная жизнь.

Первенецъ древней жизни, основатель перваго шалаша на поляхъ Тульской губерніи былъ Вятичъ, человѣкъ не Русской крови. Съ приходомъ

его семейства началось общественное образованіе, и въ дѣтяхъ его осуществилось первое гражданское общество. Это было до насъ, можетъ быть, за тысячу лѣтъ, когда на сѣверѣ Европы совершалось общественное образованіе Русскаго народа. Въ тѣ времена Азійскіе пришельцы, скитаясь изъ степи въ степь, искали для себя безопасныхъ жилищъ, и каждое ихъ племя въ своемъ новомъ пріютѣ, было зародышемъ для великихъ дѣлъ грядущаго человѣчества. Эти переходы Азійскихъ племенъ, ихъ Европейскіе пріюты произвели разрушеніе старобытныхъ поколѣній и стремленіе народовъ къ образованію Европейской государственной системы. Сей всемірный переворотъ, совершенный въ первые вѣка Христіанства, образовалъ великую идею, которая осуществляется въ человѣчествѣ, и создалъ изъ пришельцовъ огромныя массы Европейскихъ народовъ. Въ эти-то бурные дни, когда люди изгоняли людей, пришелъ въ Тульскія поля первенецъ древней жизни. Не будемъ перечислять древнихъ народовъ, переходившихъ изъ Азіи въ Европу: этотъ предметъ принадлежитъ общей исторіи Русскаго народа. Мы ознакомимся съ Азійскимъ поколѣніемъ, перешедшимъ отъ своихъ сосѣдей къ берегамъ Оки, въ пріютъ, гдѣ Русской человѣкъ образовалъ Тульскую губернію.

Когда Азійскіе пришельцы странствовали въ Европѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго, по рѣкамъ и степямъ, вытѣсняя одинъ другаго, тогда не было между ними грамотныхъ людей, по сказаніямъ ко-

торыхъ мы могли бы узнать переселенцевъ; а полагаться на темныя преданія позднѣйшихъ разскащиковъ нѣтъ возможности; ибо непроницаемая завѣса, скрывшая отъ насъ древность, уничтожаетъ всѣ догадки. Мы только знаемъ, что въ вѣкахъ этого переселенія явились Венедскія племена, съ жилищами на сѣверѣ Европы. На Волховѣ, отдѣлившись отъ нихъ, жили, съ своею самобытностію, Славяне, а на Вислѣ была уже прочная осѣдлость Ляховъ. Когда же Ляхи перешли за Днѣпръ, то, по словамъ Русскаго лѣтописца, отдѣлились отъ нихъ два поколѣнія съ своими родоначальниками или старшинами. *Радимъ*, предокъ перваго, поселился при рѣкѣ Сожѣ, въ нынѣшней Могилевской губерніи, и племя его получило названіе Радимичей; предокъ втораго, Вятко пошелъ отъ Радимичей къ сѣверо-востоку и, разсыпался съ своими сородичами по берегамъ Оки, подъ названіемъ Вятичей, занялъ поля, гдѣ нынѣ находятся губерніи Орловская, Тульская, Калужская, до земли Казаровъ, простиравшейся тогда отъ Оки до Чернаго моря.

Вотъ откуда прибылъ Вятичъ на Тульскія поля и кто основалъ первое Тульское гражданское общество. Въ этомъ фактѣ вмѣщается полный миоъ, разсказываемый въ преданіяхъ, лѣтописяхъ и исторіяхъ болѣе десяти вѣковъ; но при простомъ взглядѣ на него видна быль, и въ очеркахъ жизни самаго народа ярко отсвѣчивается общественная самобытность. Съ тѣхъ поръ, какъ люди XIX вѣка

разобрали гіероглифы, прочитали саги, извѣдали Санскритскія письмена, мнѣ освѣтили много темнаго въ исторіи.

Принимая мнѣ о Вятичахъ за историческій фактъ, видимъ, единственно изъ сказанія Нестора, что Вятичи вышли изъ Днѣпровскихъ лѣсовъ. Быть сего племени, дикаго и кочующаго, ни малѣйшаго не имѣть сходства съ бытомъ Славянскихъ поколѣній. Среди обширной поляны, глава семейства устроивалъ шалашъ, около котораго сосредоточивались дѣйствія его дѣтей, а за предѣлами поляны слабѣла и угасала жизнь дикарей. Весело было ему — онъ жилъ, и дотолѣ, пока новый сосѣдъ не вытѣснялъ его. Едва лишь заскучалъ, онъ бросалъ свое жилище, мѣнялъ родину на мѣста чуждыя и спокойныя. Вѣроятно, по тѣмъ же расчетамъ изъ лѣсовъ Днѣпровскихъ двинулись Вятичи къ берегамъ Оки; но чрезъ какія мѣста переходили они и въ какое время, лѣтописецъ намъ объ этомъ ничего не говоритъ. Главнаго пристанища онъ не могъ означить за тѣмъ, что народы дикіе чуждались осѣдлости. Въ его время, въ XI столѣтіи, за Окою былъ извѣстенъ только одинъ городъ Дѣдославль, при Шиворонѣ; въ окрестностяхъ же его, до высокихъ Окскихъ береговъ, были лѣса и рѣки. Донъ, Упа, Осетръ, сливались со множествомъ рѣкъ, разграничивали степи, указывая пришельцамъ на мѣстныя выгоды. Не эта ли тишина привлекла Вятичей, утомленныхъ переходами, переступить Окскія грани въ пріютъ Упской долины? Днѣпровскій таборъ безъ

всякаго препятствія могъ селиться за берегами Оки, ибо тогда все пространство между Муромомъ и Ростовомъ наполняли одни безмолвныя степи. Только по берегамъ тихаго Дона оглашались кровавыя сѣчи Донскихъ Казаровъ, ужасныхъ одной Греціи.

Родоначальникъ или старшина Вятичей Вятко приводитъ мыслящаго къ разысканіямъ. Безъ всякаго сомнѣнія Вятко и товарищъ его Радимъ суть миѳическіе представители народа. Не думаемъ, чтобъ этотъ миѳъ создалъ нашъ Несторъ, Русской XI вѣка, писавшій только то, что видѣлъ, слышалъ и *вычиталъ* по Греческимъ записямъ. Вѣроятно, это было общимъ повѣрьемъ до его записыванія Русскихъ событій. Шлёцеръ, пріѣхавшій изъ Германіи объяснять Русскимъ Русскаго лѣтописца, первый началъ подозрѣвать бытіе родоначальника Вятичей, и кромѣ подозрѣній ничего не сдѣлалъ. Исторіографъ Карамзинъ принялъ разсказъ Нестора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Бытіе Вятичей, какъ отдѣльнаго племени, имѣвшаго свою самобытность, осталось несомнѣннымъ въ Русской исторіи. Люди сгибли, но дѣла ихъ сохранились въ сказаніяхъ.

Не обширны были событія перваго гражданскаго общества, разбросившаго свой таборъ на поляхъ Тульскихъ. Политическое бытіе зависѣло отъ сосѣдей, а гражданское было Азійское, дикое, безотчетное. Въ наше время мы не можемъ объяснить: какіе сосѣди были ихъ друзьями? съ какими племенами они враждовали? На югѣ жили Казары,

враги ихъ непримиримые, далѣе чрезъ степи отъ нихъ, простирались владѣнія Кіевскаго Князя, сокрушавшаго ихъ самобытность; къ сѣверу были колоніи южныхъ Руссовъ, а отъ Ростова до Волхова бродили толпы независимыхъ народовъ. Лишенные свѣдѣній о тогдашней географической мѣстности, мы не можемъ очертать границъ, гдѣ вмѣщались хижины Вятичей. Источникъ браней и междоусобій у дикихъ народовъ проистекалъ отъ распространенія границъ, а потому скорѣе можно опредѣлить общее мѣстопребываніе, нежели граничное пространство. Нашъ Несторъ говоритъ, что Вятичи строили хижины въ мрачныхъ лѣсахъ, окруженныхъ рѣками, жили безъ всякихъ политическихъ законовъ, съ одною дикою простотою. Обычаи отцовъ, народныя преданія руководили ихъ въ общественной жизни. Среди веселыхъ игрищъ молодой Вятичъ избиралъ себѣ дѣву, подругу жизни и безпечно проводилъ жизнь свою въ бѣдной хижинѣ, не заботясь о будущемъ; за то смерть своего отца торжествовалъ обрядами: сжигалъ его, мертваго, на кострѣ, собиралъ пепелъ въ сосудъ и выставлялъ его для памяти на столбѣ, при большихъ дорогахъ. Жизнь Вятичей въ полной мѣрѣ была Азійская; намъ одно не понятно: почему она во времена Нестора считалась презрительною? Это еще болѣе ведетъ насъ къ тому заключенію, что они не были въ родствѣ съ Славянами.

Гражданскій внутренній бытъ Вятичей остается для насъ неразгаданнымъ. Одинъ только Владиміръ

Мономахъ говоритъ: «А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы, на Ходоту и на сына его.» Изъ этого ограниченнаго свѣдѣнія мы только можемъ вывесть одно заключеніе: что земля Вятичей была неудобна для лѣтней войны, что неизвѣстный Ходотъ и сынъ его были, если не предводителями народными, то вѣрно отважными повелителями наѣздниковъ.

Вятичи до половины XII столѣтія были язычниками. Святыя истины небесной Вѣры только эту одну область не просвѣщали въ Русской землѣ со времень Владиміра. Изъ святой Печерской обители пришелъ инокъ Кукша къ Вятичамъ для проповѣдованія истиннаго Бога. Гдѣ свершилось крещеніе, мы не знаемъ. Такъ темны извѣстія нашихъ бытописателей. Грубые дикари, вѣроятно, уличаемые въ своихъ заблужденіяхъ, предали Кукшу, вмѣстѣ съ его ученикомъ, позорной смерти: имъ отсѣкли головы. Былъ ли кто послѣ его преемникомъ, и успѣлъ ли онъ воздвигнуть храмъ живому Богу, для насъ остается это въ неизвѣстности. Борьба Вятичей за язычество заставляетъ предполагать, что они имѣли поборниковъ — жрецовъ. Православная Церковь причла Кукшу къ лику Святыхъ, и Русской народъ досель съ благоговѣніемъ поклоняется его мощамъ въ Кіевскихъ пещерахъ.

Время появленія перваго гражданскаго общества для исторіи общественнаго образованія Тульской губерніи остается неизвѣстнымъ. Несторъ разсказы-

вал о разселеніи народовъ въ Русской землѣ, обозначилъ ихъ наряду съ прочими. Въ десятомъ столѣтіи Казары ходили войною по землѣ Вятичей, покоряли и облагали ихъ данью. Въ 964 году Кіевскій Князь Святославъ воевалъ съ ними, и въ свою очередь обложилъ ихъ данью. Вятичи не совсѣмъ покорились власти Кіева. Когда Святославъ ходилъ войною на Казаръ, то въ 966 году опять сражался съ Вятичами. Послѣ сего долго не было слуху о нихъ. Владиміръ Великій овладѣвъ Кіевомъ, два раза отправлялъ свои дружины противъ Вятичей и только силою принудилъ ихъ платить прежнюю дань. Въ борьбѣ съ Казарами и Русскими гражданское общество Вятичей терпло быстро свое бытіе. Рѣшительный ударъ нанесъ имъ Владиміръ переселеніемъ ихъ семейства въ свои города, на границы южной Россіи, для огражденія Кіева отъ набѣговъ. Не смотря на это стѣсненное положеніе Вятичей, Русскіе не могли ихъ признавать совершенно своими данниками. Кіевъ, мѣстопребываніе Русскихъ князей, во времена Владиміра Великаго, управлялъ многими городами и окружными областями, и въ немъ одномъ сосредоточивалась политическая общественная жизнь. Но это было на югѣ. Къ сѣверу отъ Кіева смирялись люди только предъ мечемъ: слова были ничтожны. Чтобы Кіеву считать людей, разсѣянныхъ по степямъ, своими данниками надобно было всегда быть съ ними въ войнѣ. За то данники взносили Русскимъ князьямъ извѣстную подать, шли съ ними на войну противъ ихъ враговъ, и при всемъ томъ могли отвергать усло-

вія владѣтельнаго князя если они казались имъ невозможными. Въ такой-то жизни исчезла самобытность Вятичей, первое гражданское общество Тульскихъ полей.

Рѣшительное уничтоженіе Азійскихъ пришельцевъ Русской земли началось послѣ достопамятнаго мира 1026 года, когда Ярославъ раздѣлилъ съ Мстиславомъ Русскую землю на области. Поля Тульскія съ Вятичами вошли въ составъ Черниговскаго Княжества, гдѣ Русскіе, сражаясь съ потомками Мономаха, совершенно истребили Азійское гражданское общество.

Второе гражданское общество, явившееся среди Тульскихъ полей, было чисто Русское, образованное подъ защитою городской жизни, въ распоряженіи семейнаго феодализма—Черниговскаго удѣльнаго княженія. Жизнь общественная, люди и князья—переселившіеся изъ Чернигова, при Окѣ, Упѣ и Зушѣ образовали свою городскую жизнь, продолжили отдѣльною отраслію ветхій семейный феодализмъ, котораго совершенное уничтоженіе могъ только произвесть Іоаннъ Грозный.

Русское гражданское общество Тульской губерніи совершалось въ продолженіи многихъ столѣтій и только въ XIX столѣтіи достигли нынѣшней степени образованія. Первая общественная жизнь этаго новаго гражданства началось съ развитія городской жизни, съ явленія удѣловъ, и исчеза-

ла постепенно, въ совмѣстномъ разрушеніи всей старой Русской жизни. Вторая общественная жизнь, созданная геніемъ Великаго Петра, есть чисто Европейская, современная намъ.

Слѣды первой Русской общественной жизни въ Тульскихъ поляхъ начались съ самобытности городской жизни. Черниговскіе выходцы, многіе удѣльные князья, гонимые Русскою борьбою за великое княженіе — пріютились въ окопахъ Тульскихъ полей. Отсюда произошли города: Дѣдославль, Новосиль, Одоевъ, Бѣлевъ, Ростиславль, Кашира. Здѣсь создалось и скрылось Тульское удѣльное княженіе. Въ послѣдствіи борьба порабощенныхъ съ покорителями, невыносимое униженіе народнаго духа отъ Татаръ — произвели свои убѣжища. Отсюда города: Тула, Алексинъ, Гремячевъ, Любутскъ, Крапивна, Веневъ, Епифань, Ефремовъ, Чернь. — Здѣсь развился второй отдѣлъ Русской общественной жизни, состарѣлся и разрушился, а на развалинахъ образовалась новая Европейская жизнь.

Семейный феодализмъ, поддерживая въ продолженіи трехъ столѣтій Русскую борьбу за великое княженіе, произвелъ въ Русской землѣ городскую жизнь, совершенно противоположную западно-европейской. Семейная жизнь Русскихъ престольныхъ городовъ, сгаравшая въ раздорахъ княжескихъ, бѣжала въ глушь лѣсовъ, когда новый князь возвѣщалъ на пепелищахъ свое владычество, окапы-

валась рвами, и подъ защитою стѣнъ пріобрѣтала самобытность съ приходомъ князя или его воеводы. Великіе князья въ эти укрѣпленія отправляли княжить своихъ дѣтей и братьевъ. Русскіе гибли въ этой системѣ правленія. Не любовь родительская создала на Руси систему удѣловъ, въ чемъ обвиняютъ Русскихъ князей наши историки XVIII, XIX столѣтія и первыхъ годовъ XIX: ихъ жалобы несправедливы. Обратимъ вниманіе на духъ того времени и на народность Русской земли. Переходы къ измѣненію системъ правленія не только на Руси, но и во всей Европѣ были слѣдствіемъ переворотовъ, и почти въ одно и то же время тождественны. Едва показались на земляхъ Славянскихъ Варяги, и уже явилась система политическаго быта—феодализмъ Варяжскій. Эта система, явившаяся съ Рюрикомъ, соединилась съ Славянскою народною, укрѣплялась борьбою, и постепенно угасала, когда начала проявляться самобытность Руси. Великій князь Владиміръ есть представитель новой системы правленія. Отъ первыхъ дней его княженія, до смерти Ярослава, готовился зародышъ къ новому политическому быту. Тогда жизненныя силы Русскихъ земель, сосредоточенныя въ Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ, приближились къ развитію. Здѣсь видимъ необходимость перехода правленія къ феодализму семейному—системѣ Русскихъ удѣловъ. Не систему удѣловъ мы должны обвинять за бѣдствія; но представителей ея. Она въ свое время была необходима, ибо отъ нея же зависило уничтоженіе феодализма. Такъ для запада

Европы спасеніемъ были крестовые походы, а для Русской земли походы князей изъ удѣла въ удѣлъ. Бытіе Русскихъ удѣловъ продолжило Татарское иго Русской земли, но и здѣсь не могло оно найти себѣ подпоры. Княженіе зыбко лежало на лезвеѣ Татарскаго меча. Когда дѣйствователи общественной жизни приближались къ единству, тогда проявилось новое политическое бытіе — монархія. Великій князь Іоаннъ III есть первый изъ представителей Русскаго единодержавія, которымъ навсегда упрочилось благо Русской земли.

Тульскія поля, доставшіяся по раздѣлу Мстиславу, получили зародышъ городской жизни изъ Чернигова, въ то самое время, когда въ Русской землѣ семейный феодализмъ развилъ систему удѣловъ до высочайшей степени. Сюда прибылъ князь Симеонъ, происходившій отъ крови Св. Михаила, князя Черниговскаго. Его пристанищемъ сдѣлался Новосиль, городокъ при рѣкѣ Зушѣ, гдѣ укрывались Русскіе люди. Съ прибытіемъ сего князя основались три Тульскія удѣльныя княженія, существовавшія два столѣтія. Князья Новосильскіе намъ не всѣ извѣстны: записки современниковъ говорятъ о слѣдующихъ.

1. Симеонъ, извѣстный съ начала XIV столѣтія.
2. Александръ, убитый въ ордѣ въ 1326 году.
3. Романъ Симеоновичъ въ 1375 году.
4. Симеонъ Романовичъ въ 1402, 1403 годахъ.

Дѣти Новосильскаго князя Романа Симеоновича, гонимые вторженіемъ Татаръ, перешли въ Одоевъ,

и съ прибытіемъ этихъ князей начинается вторый Тульскій удѣлъ. Изъ князей Одоевскихъ намъ извѣстны:

1. Георгій Романовичъ въ 1422—1424 годахъ.
2. Левъ Романовичъ,
3. Симеонъ Георгіевичъ, убитый въ 1473 году.
4. Ѳеодоръ Георгіевичъ въ 1492 году.
5. Иванъ Георгіевичъ.
6. Василій Симеоновичъ въ 1492, 1502, 1507, 1513 годахъ.
7. Иванъ Симеоновичъ Сухорукой въ 1992 и 1502 годахъ.
8. Петръ Симеоновичъ въ 1508 году.

Третій Тульскій удѣлъ начался съ прибытіемъ въ Бѣлевъ сына Новосильскаго князя Василія Романовича. Этотъ послѣдній удѣлъ пережилъ всѣ Русскіе удѣлы. Князья Бѣлевскіе:

1. Василій Романовичъ.
2. Михаилъ Васильевичъ въ 1493 году.
3. Андрей Васильевичъ въ 1513 году.
4. Иванъ Васильевичъ въ 1493 и 1513 годахъ.
5. Василій Васильевичъ.
6. Ѳедоръ Михайловичъ.
7. Иванъ Ивановичъ въ 1566 году.

Политическое бытіе Тульскихъ удѣльныхъ княженій совершило три переворота. Князья Новосильскіе удаленные отъ Чернигова, окруженные Татарами и Московскимъ княженіемъ, первые подвергались вліянію Московскихъ князей, а потомъ зависимо-

сти. Въ этомъ переворотѣ необходима должна была измѣниться система правленія. Набѣги Татаръ и ихъ защита Московскому князю совершенно уничтожали самобытность мелкихъ княженій. Московскій князь Симеонъ Іоанновичъ, пріобрѣтая покупкою клочекъ земли въ Новосильскомъ княженіи, кажется, подчинилъ его первый своей системѣ. Дмитрій Іоанновичъ Донскій водилъ уже съ собою князей Новосильскихъ въ поле на своихъ враговъ. Второй переворотъ открылся для нихъ вторженіемъ Витовта въ Русскую землю. Литовцы завоевали Одоевъ, Бѣлевъ и Новосиль, и князья Тульскихъ удѣловъ повиновались Литовскимъ князьямъ впродолженіи почти столѣтія. Въ это время возникали между ими семейныя распри. Князья Одоевскіе оспоривали право у своего дяди, сожгли Одоевъ, убили бабку, и разграбили княжескую казну. Князья Бѣлевскіе губили другъ друга, братъ заставлялъ своего брата изъ выгодъ повиноваться Литвѣ или Москвѣ. Великій князь Василій Темный заточилъ двухъ Бѣлевскихъ князей на Волокъ, но послѣ снялъ опалу и возвратилъ имъ Бѣлевъ. Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ освободилъ Тульскихъ удѣльныхъ князей отъ власти Литовцевъ. Съ сего времени начался третій переворотъ, рѣшившій удѣлы. Іоаннъ IV Грозный заточилъ Бѣлевскаго князя Іоанна Іоанновича въ Вологду, и въ 1566 году разъѣзжалъ по Бѣлеву со всѣмъ дворомъ, какъ въ своей отчинѣ. Иноки Бѣлевскаго монастыря записали въ синодикѣ: «Государь Царь и Великій Князь Иванъ Василъсвичъ веса Руси но

жаловалъ и велѣлъ давати въ Спасской монастырь по три пуда по семи гривенокъ меду по Бѣлевскихъ Князей на вседневныя службы. А Игумену съ братіею Бѣлевскихъ Князей поминати въ соборѣ у Спаса вся дни, а на ихъ памяти и на представленья кормы по нихъ строити, и служити по нихъ соборнѣ.» Тѣмъ кончились Тульскія удѣльныя княженія.

Русскіе люди, пришедшіе жить на Тульскія поля, были основателями городовъ, гдѣ жизнь ихъ управляемая удѣльными князьями, получила всѣ гражданскія права. Эти города суть:

Дѣдославль —нынѣ село Дѣдилово—основанный при рѣкѣ Шиваронѣ, извѣстный съ 1147 года. На его развалинахъ князь Жижемскій въ 1554 году построилъ городъ Дѣдиловъ.

Новосиль — основанный при рѣкѣ Зушѣ, извѣстенъ съ 1155 года.

Одоевъ,—выстроенный при рѣкѣ Упѣ, извѣстенъ со времени прибытія князя своего.

Бѣлевъ,—населенный на берегу Оки, извѣстенъ съ прибытія своего князя.

Ростиславль,—основанный при рѣкѣ Окѣ, близъ устья рѣки Осетра, извѣстенъ съ 1152 года, нынѣ село отстоящее отъ Каширы въ 20 верстахъ. Здѣсь Рязанская удѣльная система имѣла своего

князя Ростислава Ярославича—принадлежащею къ особенной отрасли Русскихъ удѣловъ.

Кашира,—основанная при рѣкѣ Окѣ, извѣстна съ 1356 года. Московскіе князья обратили сей городъ въ убѣжище Казанскимъ царямъ. Пришельцы управляли симъ городомъ около двухъ столѣтій. Городская жизнь отданная на прокормленіе Татарамъ должна была страдать, если обратимъ вниманіе на образъ жизни Казанскихъ Татаръ XV столѣтія, особенно на ихъ поступки въ Казани и Ливоніи. Татары очень понимали духъ народа: памятниками этаго остались грамоты Казанскихъ царей въ Бѣлопесоцкой обители, существующей еще досель на берегу Оки, противъ Каширы.

Вторая отрасль Русской общественной жизни устроилась на Тульскихъ поляхъ подъ униженіемъ народнаго духа, когда враждебный мечъ Русскихъ князей на развалинахъ одного удѣла созидалъ другой, когда владычество Татаръ угрожало городамъ смертію, когда Русской бѣжалъ отъ плѣна Татарскаго, оставляя родной пріютъ и ставилъ шалашъ свой въ глуши лѣсовъ. Образованіе этой городской жизни было независимо отъ Тульскихъ удѣльныхъ княженій. Князья Московскіе и Татары управляли ея ходомъ. Рязанскіе князья, сначала ея властители, добровольно уступили свои права на землю Тульскую и людей. Литовцы и Поляки не касались и не входили въ семейное распоряженіе сихъ городовъ. Замѣчательно, что Тульская городская жизнь была

оплотомъ для Москвы, границею ея владѣній, сторожевою линіею Русской земли. Когда Баскаки сторожили изъ Тулы Московскихъ князей, люди другихъ городовъ били Татарскія дружины изъ засѣкъ и засадъ. Многіе города одолжены были своимъ бытіемъ единственно воинскимъ станамъ. Образованіе такой городской жизни совершилось въ девяти Тульскихъ городахъ:

Тула, основанная при рѣкѣ Упѣ и рѣчкѣ Тулицѣ, извѣстна съ 1147 года. Городъ, основанный Русскими, въ неизвѣстное время, переживший много событій и перемѣнъ. Былъ сначала убѣжищемъ Русскихъ, потомъ пріютомъ Татаръ, послѣ владѣніемъ Русскихъ, и защитою двухъ самозваицевъ. Тула удержала за собою старѣйшинство въ новой Европейской Русской жизни.

Алексинъ, основанный на берегу Оки, показался въ запискахъ современниковъ не ранѣе XIV столѣтія. Этотъ городъ былъ всегда во владѣніи Русскихъ, опустошался Татарами и Литовцами. Не смотря на всѣ топографическія выгоды Тульскіе жители не успѣли воспользоваться ими досель. Здѣсь течетъ Ока не далѣе 30 верстъ отъ Упы, каналъ который бы могъ соединить рѣчками эти двѣ рѣки, доставилъ бы неисчислимыя выгоды: онъ соединилъ бы Москву съ степными губерніями.

Гремячевъ, построенный въ неизвѣстное время на берегу рѣки Осетра, находится въ Веневекомъ

уѣздѣ. Памятникомъ его остались церкви и селеніе.

Любутскъ, основанный при рѣкѣ Окѣ, былъ предметомъ спора Москвы съ Литвою. На его мѣстѣ нынѣ существуетъ село Алексинскаго уѣзда. Городъ Любутскъ извѣстенъ съ начала XIV столѣтія.

Крапивна, основанная при рѣкѣ Плавѣ, извѣстна съ 1771 года.

Веневъ, застроенный при рѣкѣ Веневкѣ извѣстенъ съ 1485 года.

Епифань, основанный на берегу Дона, встрѣчается въ воинныхъ разрядахъ XV столѣтія.

Ефремовъ, основанный при рѣкѣ Красивой Мечи, въ концѣ XV столѣтія, извѣстенъ по воинымъ разрядамъ.

Чернь, основанная при рѣкѣ Черни, извѣстенъ съ XV столѣтія.

Сіи два элемента городской жизни начавшіеся отдѣльно на Тульскихъ поляхъ, соединились вмѣстѣ въ началѣ XIV столѣтія, когда въ Русской землѣ восторжествовало единодержавіе. Съ этаго времени Русской жилъ подъ покровомъ одного царя, безопасно селился съ своимъ семействомъ. Онъ не ожидалъ пришлеца для расхищенія пажитей; царская дру-

жина сторожила его достояніе; онъ не боялся меча удѣльныхъ князей: царское слово изрекало ему судъ и милость изъ устъ воеводы. Такъ распространялась старая общественная жизнь на Тульскихъ поляхъ, и только предъ своимъ разрушеніемъ увидѣла какое-то слабое подкрѣпленіе городской жизни. Стольникъ Демидъ Хомяковъ въ 1652 году построилъ городъ *Богородицкъ*, на монастырской землѣ Тульскаго Предтечева монастыря, въ тогдашнемъ Епифанскомъ уѣздѣ. Въ 1680 году сидѣлъ въ немъ на воеводствѣ воевода Жаденскій.

Городскую жизнь въ общественномъ образованіи Тульскихъ городовъ составляли три сословія: *люди Духовные, Бояре* съ огромнымъ классомъ *Дворянъ, люди посадскіе.*

Люди духовные существовали отдѣльно въ городской жизни, не сливаясь съ другими сословіями. Облеченные высокимъ саномъ, они пріобрѣтали власть надъ умами и сердцами. Голосу ихъ все покорствовало, ибо онъ, исходя изъ человѣка добродѣтельной жизни, казался, чѣмъ-то неземнымъ, невольно влекущимъ слабую волю мірянина. Іерархъ, инокъ, священникъ — былъ, въ одно и то же время, неумолимый судья совѣсти, другъ души, для котораго все было открыто. Но, при всемъ этомъ, высшая іерархія не могла имѣть владычества въ политическомъ бытѣ, даже и въ то время, когда она возвысилась своею властію до осократіи.

Въ продолженіи шести столѣтій бытія старой Русской жизни Тульскихъ городовъ, высшая іерархія не имѣла участія въ общественномъ образованіи. Бѣлое духовенство, городское и сельское, зависѣло отъ окружныхъ епархій, а обители отшельниковъ, имѣя свои права, принадлежали суду одного іерарха. Отсутствіе этаго главнаго общественнаго дѣятеля составляетъ отличительный характеръ Тульскихъ городовъ въ Русской землѣ. Въ 1681 году предполагали учредить въ Тулѣ епархію; но предположеніе неизвѣстно почему осталось безъ исполненія. Для мѣстопребыванія епископа назначалась Тула, а для содержанія его дома предоставлялось отъ Предтечева и Святодуховскаго монастырей 200 монастырскихъ крестьянскихъ дворовъ.

Духовенство Тульскихъ городовъ находилось подъ вѣденіемъ разныхъ іерарховъ. Въ 1622 году къ Коломенской епархіи принадлежали Тульскіе города: Кашира, Веневъ, Гремячевъ, Крапивна, Тула, Дѣдиловъ. Бѣлевъ, Одоевъ, Новосиль, Епифань еще съ 1614 года приписаны были къ митрополіи Сарской и Подонской. Въ 1667 году Епифань и Гремячевъ причислены были къ Рязанской митрополіи; Кашира же въ неизвѣстное время причисленная къ Рязанской, опять была приписана къ Коломенской.

Власть іерарха надъ духовенствомъ заключалась въ правахъ, утверждаемыхъ царями въ жалованныхъ граматахъ. Въ Тульскихъ архивахъ изъ сихъ правъ сохранились слѣдующіе:

Архимандриты, игумены, монахи, протопопы, попы, діяконы, дьячки, звонцы, понамари и весь причетъ церковный судитъ епископъ, или его приказные люди и десятильники; царскіе же намѣстники и воеводы, тіуны и приказные люди, не должны вступаться въ духовный святительской судъ, ни въ духовныхъ людей.

Церковныя дани, пошлины, годовая десятина вносятся въ домовую казну архіерея, отъ архимандрита до звонаря, вручая его посланному по приказанію.

Безъ знамени священникъ не долженъ вѣнчать никого, и вѣнечныя пошлины, сбираемыя отъ знаменъ, по приказу епископскому, вносятся въ его казну.

Въ городахъ, селахъ—со всѣхъ церквей сбирается дань, записывается въ денныя книги, и по нихъ священникъ съ причетомъ вносятъ окладъ въ казну епископскую.

Въ городахъ, селахъ церкви строятся и освящаются по благословенію епископа.

Русскіе духовные люди, управляемые епископомъ, состояли изъ бѣлаго духовенства, приходскихъ священниковъ съ причетомъ церковнымъ, и чернаго — архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, бѣльцовъ. Къ этому классу людей примыкала огромная масса людей: монастырскіе слуги и крестья-

ие, совершенно подчиненные имъ, и жившіе независимо отъ свѣтской власти.

Внутреннее управленіе бѣлаго духовенства Тульскихъ городовъ совершалось поповскими старостами, епископскими десятниками, избираемыми изъ настоятелей монастырей, священниковъ соборныхъ церквей. Епископскій десятникъ, пріѣзжая въ городъ для надзора за духовенствомъ, жилъ въ особенномъ домѣ на отчетѣ людей духовныхъ. Всѣ возникшіе споры въ сословіи духовенства они разбирали сами, или въ мѣстномъ судѣ съ поповскими старостами. Кромѣ того они имѣли еще строгій надзоръ за сбираніемъ епископской дани и пошлины съ людей духовныхъ. Въ 1649 году явился въ Тулу духовникъ царя Алексѣя Михайловича протопопъ Лукьянъ Кириловъ, и управлялъ духовенствомъ около двадцати лѣтъ. Явленіе рѣдкое въ тогдашнее время, оспоривавшее власть іерарха. Близкій къ царю онъ исходатайствовалъ многимъ церквамъ ружныя земли и денежные оклады.

Къ сожалѣнію въ наше время не можемъ опредѣлить всѣхъ оброчныхъ статей, которыя наполняли домовую казну епископа епархіальнаго. Въ 1691 году митронолитъ Сарскій и Подонскій сбиралъ съ Бѣлевскаго уѣзду десятиннаго дохода съ духовныхъ людей 260 рублей. Сумма въ тогдашнее время весьма значительная. Кромѣ того онъ получалъ съ 497 неженатыхъ холостяковъ, такъ называемыхъ тогда отроковъ, съ 44 полудвоеженцевъ, съ 34 двоеженцевъ, съ 3 троеженцевъ—76 рублей

и 2 алтына — годоваго оклада. Въ Епископскую казну съ церквей вносилось казенной пошлины 14 руб. и 16 алтынъ, свадебной или вѣнечной 17 руб. 11 алтынъ и 2 деньги, за пени или штрафы 2 руб. 8 алтынъ и 2 деньги. Бѣлое духовенство, лишенное возможности промышлять всякимъ торгомъ, получало доходы отъ исправленія церковныхъ требъ, отъ жалованной царями ружной земли и окладныхъ денегъ. Въ 1660 году Тульской Успенской соборъ получалъ денежнаго оклада 46 руб. 25 алтынъ и 2 деньги, и имѣлъ 90 четвертей ружной земли. Между тѣмъ Бѣлевскій Преображенскій монастырь, надѣленный деревнями и крестьянами получалъ въ 1675 году только 25 руб. 3 алтына и 2 деньги. Въ 1657 году Тульскій женскій монастырь получалъ годоваго оклада 200 рублей.

Внутреннее управленіе Тульскаго чернаго духоховенства совершалось по своимъ отдѣльнымъ правамъ. Настоятель обители, былъ ли онъ архимандритъ или игуменъ, управлялъ монастыремъ, попами, слугами и крестьянами монастырскими. Извлекаемъ права Тульскихъ монастырей изъ граматъ, жалованныхъ царями: Іоанномъ IV Васильевичемъ, Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ и Михаиломъ Ѳеодоровичемъ — монастырямъ Бѣлевскому и Веневу:

1. Монастырскіе слуги и крестьяне судятся настоятелями съ братіями во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, татьбы съ поличнымъ, разбоя, которыми завѣдываютъ намѣстники и тіуны.

2. Приведчики и доводчики поборовъ своихъ не емлютъ и въ дворы монастырскіе не въѣзжаютъ.

3. Въ смѣсномъ судѣ монастырскихъ крестьянъ судитъ игуменъ съ братіями вмѣстѣ съ намѣстникомъ и тіуномъ. По окончаніи дѣла—подсудимый правый ли онъ или виноватый—отпускается къ настоятелю; намѣстники и тіуны не вступаются въ него.

4. Если найдутъ на монастырской землѣ убитаго, а по слѣдствію окажется, что убійца неизвѣстенъ, то брать только по 4 алтына съ монастырскихъ *смотреноговъ*; если же откроется убійца, то онъ выдается намѣстникамъ, а крестьянамъ въ томъ виры и продажи нѣтъ.

5. Крестьяне дѣлаютъ явку намѣстнику съ тіуномъ; когда же на монастырской землѣ: кто съ дерева убьется, въ водѣ утонетъ, или приплыветъ водою, или сгоритъ, или убьетъ самъ себя, или будетъ убитъ громомъ, и въ томъ имъ виры и продажи нѣтъ.

6. Дворцовые недѣльники въ монастырскіе крестьянскіе дворы могутъ только въѣзжать въ годъ въ три срока: на Рождество Христово, на Троицынъ день, или на Петровъ день, и на Семенъ день лѣтопроводца. Кромѣ сихъ сроковъ никто не долженъ въѣзжать съ зазывными грамотами, или наметывать срокъ. Нарушители лишаются иску.

7. Настоятель и братія судятся въ духовномъ дѣлѣ епархіальнымъ архіереемъ по соборному уложенію; въ гражданскихъ же дѣлахъ настоятель, братія, слуги и крестьяне монастырскіе принадлежатъ суду царскому.

8. Князья и воеводы съ ратными людьми въ монастырскихъ дворахъ, въ посадѣ и деревняхъ, не получаютъ для себя ни постою, ни корму. Если же кто стоитъ волею на монастырскомъ дворѣ, то долженъ покупать кормъ для себя и лошадей, по цѣнѣ продаваемой монастырскими крестьянами.

9. Настоятель и братія, предъявляя царскую грамоту намѣстникамъ и тіунамъ, не платятъ ничего за явку.

10. Съ монастырскихъ вотчинъ не сбирать никакихъ податей, денежныхъ поборовъ, казачьихъ хлѣбныхъ запасовъ, и кормовъ съ сошныхъ людей. Онѣ только вносятъ ямскія деньги, и стрѣлецкіе хлѣбные запасы, а городовое и острожное дѣло исполняютъ по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ.

11. Епископли десятильки кромѣ духовнаго дѣла ни въ чемъ не судятъ ни настоятеля съ братіями, ни ихъ слугъ и крестьянъ. Дворовъ десятниковъ не ставятъ, и не даютъ для нихъ ни лошадей, ни кормовъ.

12. При продажѣ лошадей въ монастырскихъ вотчинъ ставятъ клеймы монастырскія, а волостнымъ и намѣстниковымъ людямъ въ томъ дѣла нѣтъ.

13. Монастырскіе люди и царскаго коня не кормятъ, сѣна не косятъ и не возятъ, намѣстниковыхъ и волостныныхъ дворовъ не дѣлаютъ.

14. Бояре, воеводы и ратные люди изъ монастырскихъ вотчинъ подводъ и проводниковъ не требуютъ.

15. Къ монастырскимъ людямъ никто незваный не долженъ ходить на пиры, браки, сватьбы и

иное. Незваный ссылается съ двора съ пенью; если же не слушается незваный, станетъ пить усильно, и буде случится при немъ какая нибудь гибель, то незваному платить за гибель вдвое, безъ суда и расправы.

16. За нарушеніе грамоты, за обиду, нанесенную настоятелю съ братіями, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ полагается царская опала.

Въ Тульскихъ городахъ обители мирныхъ отшельниковъ созидались съ ревностію. Восьмнадцать монастырей поставлены были на Тульскихъ поляхъ, и шесть тысячъ душъ крестьянъ, съ землями, лѣсами и рыбными ловлями поддерживали существованіе отшельниковъ. Указывая собою потомству на благоговѣніе предковъ къ вѣрѣ, они сохранили свою память въ событіяхъ отечественныхъ. Русскіе по обѣту переселялись въ обители, созидали вновь монастыри, и дарили имъ имущества. Въ Татарское плѣненіе Русской земли, враги не касались въ нашей родинѣ однихъ только церквей и людей духовныхъ. Въ это время, когда зажиточные люди переселялись съ своимъ имуществомъ въ монастыри, отрекаясь навсегда отъ міра, большая часть Русскихъ монастырей была основана. Въ Тульскихъ городахъ были тогда слѣдующіе монастыри:

1. Тульскій *Предтечевъ* мужескій монастырь, основанный въ городѣ Тулѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Упы въ 1555 году.

2. Тульскій *Успенскій* женскій монастырь, основанный въ городѣ Тулѣ, вначалѣ XVII столѣтія.

3. Тульская *Ильинская* мужеская пустынь, построенная въ Тульскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Шатѣ, въ неизвѣстное время.

4. Бѣлевскій *Преображенскій* мужескій монастырь, основанный въ городѣ Бѣлевѣ, при Окѣ, извѣстенъ съ XV столѣтія. Здѣсь погребались князья Бѣлевскіе.

5. Бѣлевскій *Крестовоздвиженскій* женскій монастырь, въ неизвѣстное время въ городѣ Бѣлевѣ, встрѣчается съ 1625 года.

6. Бѣлевская *Жабынская* мужеская пустынь, основанная на берегу Оки, на дворцовой землѣ, въ 1585 году, старцами Макаріемъ и Онуфріемъ.

7. Одоевскій *Анастасовъ* мужескій монастырь, основанный на берегу рѣки Упы, въ двухъ верстахъ отъ Одоева, извѣстенъ съ 1566 года. Здѣсь погребались князья Одоевскіе и Воротынскіе.

8. Каширскій *Бѣлопесоцкій* мужескій монастырь, основанный на лѣвомъ берегу рѣки Оки, встрѣчается съ XV столѣтія.

9. Каширская *Соколовская* мужеская пустынь, основанная при рѣкѣ Окѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1628 года.

10. Епифанскій *Тихвинскій* женскій монастырь, основанный въ неизвѣстное время, внутри города Епифани встрѣчается съ XVII столѣтія.

11. Ефремовская *Преображенская* мужеская пустынь, построенная въ городѣ Ефремовѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

12. Новосильскій *Ильинскій* женскій монастырь, основанный въ неизвѣстное время, въ городѣ Новосилѣ, встрѣчается съ XVII столѣтія.

13. Новосильскій *Святодуховскій* мужескій монастырь, основанный при рѣкѣ Зушѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVI столѣтіе.

14. Веневскій *Николаевскій* мужескій монастырь, основанный въ чертѣ Картасеневской засѣки, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1707 года.

15. Веневскій *Никольскій* мужескій монастырь, основанный внутри города Венева, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

16. Крапивенская *Троицкая* мужеская пустынь, основанная близь города Крапивны, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

17. Епифанскій *Успенскій* мужескій монастырь, основанный въ Епифанскомъ уѣздѣ, на Ѳедосьиномъ городищѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1624 года.

18. Алексинскій *Бунырево* мужескій монастырь, основанный въ неизвѣстное время; въ 12 верстахъ отъ города Алексина, встрѣчается съ XVII столѣтія.

И. Сахаровъ.

ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ.

Дорида! я спѣшу въ безмолвный мракъ лѣсовъ;
Съ уединеніемъ сдружается любовь.
Весь міръ какъ даръ пустой лежитъ передо мною;
Лишь тамъ любовникъ твой мечтаетъ быть съ тобою,
Тамъ, въ одиночествѣ, коварную любя,
Богатъ на вымыслы, я счастливъ безъ тебя.
Надежда свѣтлая и сны воображенья
Являютъ сердцу тамъ волшебныя видѣнья.
Со мною снова ты; но пылкая любовь,
Забывъ и строгій взглядъ и звукъ холодныхъ словъ,
Любуясь дѣвою чувствительной и томной,
И ласкамъ нѣжности тогда лишь благосклонной,
Съ ней бродитъ по тропамъ заброшенныхъ дорогъ,
Иль укрывается въ пустынный уголокъ,
Куда ни дровосѣкъ, ни лучъ не проникаетъ,
Или прекрасную въ объятья заключаетъ
Подъ сумракомъ нѣмымъ муравчатыхъ пещеръ.

Когдажь у ногъ твоихъ безумный суевѣръ
Встрѣчаетъ на яву твой взоръ неотъемленный,
Въ замѣну сладкихъ сновъ находитъ обольщенный
Тоску всегдашнюю, мучительный обманъ,
Какой таинственный, всесильный талисманъ,
Скажи, Дорида, мнѣ глаза твои скрываютъ?
Они лазурь небесъ и землю украшаютъ.
Лежишь ли ты въ селѣ на полевыхъ цвѣтахъ,
Иль въ пышномъ городѣ на шелковыхъ коврахъ,
Пастушка скромная, иль гордая Армида,
Ты все владычица, ты все, ты все — Дорида;
А я лишь рабъ любви, поклонникъ вѣчный твой,
Плѣненный призракомъ, отверженный тобой!

П. Бекъ.

ЭЛЕГІЯ.

Лишь ты одна смиришь мои желанья,
Лишь тамъ гдѣ ты святая тишина
Въ моей груди смѣнитъ гласъ роптанья
И въ горній міръ душа увлечена!
Лишь при тебѣ дневныя треволненья
На поприщѣ враждующихъ страстей,
Стяжанья, споръ, всѣ помыслы людей
Мнѣ кажутся достойными презрѣнья.
Склонясь къ устамъ, внимая звукъ рѣчей,
Гдѣ лести нѣтъ, но гдѣ любовью лестной
Твои слова и дышатъ и горятъ,
У милыхъ ногъ владычицы прелестной,
Слагая цѣпь мучительныхъ утратъ,
Мгновенно я къ блаженству воскресаю,
Отзывный гласъ минувшаго ловлю,
Смиренный бытъ молвѣ предпочитаю,
Горжусь собой, мечтаю и люблю.

Что нужды мнѣ тогда въ рукоплесканьяхъ
Толпы слѣпой зовущей изъ гробовъ
Безсмертный духъ земныхъ полубоговъ
Чья жизнь прошла въ невѣдомыхъ страданьяхъ?
Сравню ли я безплодный славы громъ
Мученьями и кровью искупленный
Съ мечтой любви тобою вдохновенной,
Обнявшей насъ таинственнымъ крыломъ?
Кто былъ любимъ, кто страстію взаимной
Украсивъ жизнь, на небо возлеталъ,
Тотъ жаждетъ ли потомственныхъ похвалъ,
Цѣнитъ ли тотъ торжественные гимны?
Не часто-ли предъ идоломъ своимъ
Вселенная проклятья забывала,
И вмѣсто ихъ кумиру возсылала
Восторговъ кликъ, кадила чистый дымъ?
Не часто-ли поборникъ чистой славы,
Поверженный стрѣлами клеветы
Жалѣлъ о томъ что отдалъ въ судъ неправый
Своей души святѣйшія мечты?
Пускай же свѣтъ блистательнымъ подлогомъ
Надъ истиной смѣется безсмной:
Но я храню безсмертія залогомъ
Обѣтъ любви, дарованный тобой!

И. Бѣкъ

ДВѢ СЛЕЗЫ.

Въ священный часъ, когда въ душѣ твоей
Рождаются молитвенные звуки,
И къ небесамъ ты воздѣвашь руки
И со слезою молишься о ней,—

Въ тотъ часъ, она невидимо съ тобою,
Она не слышитъ—чувствуетъ твой гласъ. . . .
Ея слеза слилась съ твоей слезою—
И Богъ-Отецъ благословляетъ васъ!

Н. Языковъ.

ПРОЩАНІЕ СЪ МОСКВОЙ.

(НАПИСАНО ВЪ 1830 ГОДУ.)

I.

Прощай, — Россіи голова,
Первопрестольная, родная,
Семисотлѣтняя Москва!..
Прощай столица боевая!..
Иконѣ Спаса поклонясь,
Предъ мрачной, тягостной разлукой,
Я можетъ быть въ послѣдній разъ
Гляжу — волнуемъ тайной мукой —
На этотъ древній, милый домъ
Гдѣ выросъ я,... гдѣ сталъ учиться,...
На этотъ храмъ — куда съ отцомъ
За Русь ходили мы молиться,...
На дивный Кремль — гдѣ въ нѣдрѣ благъ

Я началъ молодость безъ пятенъ,...
Гдѣ каждый памятенъ мнѣ шагъ,
И каждый камень мнѣ понятенъ!...
Ахъ много, много свѣтлыхъ думъ
Волнуютъ душу мнѣ и умъ,...
Но сердцу—тяжко, грустно, больно,...
Темнитъ предчувствіе глаза,
И въ нихъ жемчужится невольно
Печали горькая слеза!...

II.

Какая нить воспоминаній
Какая роскошь чудныхъ дѣлъ!...
Вездѣ и всюду наши грани!...
Вездѣ орелъ нашъ пролетѣлъ!
Но здѣсь—гнѣздо ихъ; здѣсь—разсадникъ;
Здѣсь пѣшій брался за копье,
Здѣсь на коня садился всадникъ,
Когда самъ знамя взявъ свое
Царь всей Россіи, Царь Московской,
На Ягеллоновъ кликалъ рать!...
Когда грозилъ Кремлю Жолковской
И Кремль ходилъ его карать!..
И вотъ,—онъ весь передомною
Въ красѣ торжественной своей,

Хранимый стражей вѣковою
Своихъ соборовъ и церквей!...
Вотъ онъ,—кивотъ Царя и царства,
Всего великаго купель!...
Вотъ—сердцевина Государства
И славы нашей колыбель!...
Вотъ Грановитая Палата
Великолѣпіемъ объята,
Гдѣ вѣрный слову казака
И господину Атаману,
Иванъ Кольцо, отъ Ермака
Принесъ письмо Царю Ивану,
И снявъ побѣдный свой шеломъ
Сибирью билъ ему челомъ!!..
Вотъ полный красотою дикой
Свѣтъ-богатырь Иванъ Великой,
Великимъ созданный умомъ!...
Вотъ цѣлый полкъ Кремлевскихъ башенъ,
Надъ коими могучь и страшенъ
Царилъ разумный Годуновъ!..
Вотъ обелискъ семи вѣковъ,
Дворецъ Князей и Государей,
Гдѣ имъ дивился Олеарій
И ихъ съ Европою сближалъ!...
Гдѣ, сфинксъ минувшихъ поколѣній,
Въ борьбѣ гражданственныхъ волненій

Отрепьевъ властвовалъ, и—палъ . . .
И гдѣ потомъ судьбу народа
Два раза волею судьбины
Спасли, безусый воевода,
Да бородатый мѣщанинъ! . .

III.

Здѣсь, здѣсь въ Кремлѣ, рекъ Петръ Россіи:
«Цвѣти Россія! . . .» и цвѣтетъ.
Здѣсь, онъ умѣвъ постичь стихіи,
Опередилъ временъ полетъ,
Срылъ горы, высушилъ болоты,
Почтилъ науки алтаремъ,
Установилъ полки и флоты,
Сталъ патріархомъ и царемъ,
Смирилъ мятежъ стрѣлецкой рати,
Судьбѣ дерзнувъ взглянуть въ лицо,
И бородами Русской знати
Усѣлъ Красное Крыльцо! . . .
Здѣсь Онъ сказалъ: « конецъ неволѣ!
« Очеловѣчься мой народъ!
« Иди, шагай къ высокой долѣ, . . .
« И стань царемъ земли и водъ! . . .»

IV.

Сказалъ, ... и бысть! ... но мчится время! ...
Раздвинулъ крылья новый вѣкъ,
И было здѣсь другое племя! ...
И былъ другой здѣсь человѣкъ! ...
Тотъ—плотоносный Ангелъ брани,
Тотъ—современный Фараонъ,
Тотъ—загорѣвшій отъ сіяній
Своихъ безчисленныхъ коронъ! ...
Тотъ—смуглый вождь, любовникъ славы,
Рукою пяты величаво
Муропомазанный Алкидъ! ...
Тотъ—полный дивною отвагой,
Тотъ—пригвоздивший гербъ свой шпагой
Къ челу Мемфисскихъ пирамидъ! ...
Тотъ—вдохновенный подъ Маренгомъ
Огнемъ Тулонскихъ батарей! ...
Тотъ—царь летавшій по шеренгамъ
Съ послушной свитою царей! ...
Онъ былъ здѣсь счастьемъ упоенный! ...
Онъ проложилъ въ Россію путь,
И мыслилъ здѣсь, въ глазахъ вселенной
Попрать ногами нашу грудь, ...
Засѣять городъ нашъ ковылью!! ..
Но Бородинское ядро

Обь Кремль ударясь, стало—пылью!...
И Божьихъ храмовъ серебро
Слилось—въ мечи, въ штыки и пики!...
Русь превратилася въ бивакъ,
Побѣдъ обычныхъ вторя клики!...
Дохнулъ морозъ, взвился казакъ,
И оба вмѣстѣ, дѣти чести,
Подъемля вихрь и ятаганъ,
Воздвигли—въ память Русской мести
Тебя, Березинской курганъ!...
И сила быстраго удара
Тѣснитъ врага понятный шагъ!...
И отъ Кремлевскаго пожара
Дымится Тюльерійской флагъ...
Ура — Москвѣ!...

V.

А я, на долго
Въ ряды полка,—въ враждебный край,
Спѣшу отсель невольникъ долга
И говорю тебѣ: «Прощай!...»
Прощай и ты земля родная,
Пріютъ послѣдній мертвеца,
Еще столь свѣжая,—святая
Могила друга и отца!...

Прощай!..печалью умиленный,
Вчера, въ Донскомъ монастырѣ,
Предъ милымъ гробомъ преклоненный
Я горько плакалъ на зарѣ!..
И слушалъ грустно убитый
Какъ совершалась литія,—
И какъ монахъ, старикъ маститый,
Скорбящей ризою покрытый,
Средь онміама,—надъ тобой
Пѣлъ: — «Со святыми упокой!»
И долго я подъ игомъ горя,
Могильной пѣснѣ громко вторя,
Тебя безумно призывалъ!..
И думалъ слышать гласъ отрадный,—
А ты разрушенный и хладный
Изъ гроба мнѣ не отвѣчалъ!...

VI.

Пошелъ же! Ну, ямщикъ, валяй!...
Неси меня къ Невѣ гранитной,
Потомъ оттуда, въ вражій край,
Въ дымъ битвъ, въ вихрь жизни самобытной!..
Неси, присѣвъ на облучекъ,
Мой путь онасенъ и далекъ!..
А я,—пока въ виду родная,—

Не отведу моихъ очей,
Съ ея соборовъ и церквей!...
И сонмы ихъ благословляя
Не перестану повторять:
Скажи Москва, мнѣ суждено ли
Увидѣть нѣкогда, опять
Твой Кремль—нашъ Русской Капитолій? —
Скажи вернусь ли я домой?..
Паду ли вновь въ твои объятья!...
Или въ послѣдній разъ какъ братья
Мы обнимаемся съ тобой?...

Рахманный.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О С. ПЕТЕРБУРГѢ

Изданы при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. С. П. Б. Въ Гуттенберговой типографіи, 1836 г. Съ таблицами и 8 планами.

Эта книга есть безъсомнѣнія замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ вышедшихъ у насъ въ прошедшемъ году по части Статистики. Она составлена г. Заблоцкимъ, однимъ изъ немногихъ людей, съ постоянствомъ и любовію подвизающихся на семъ трудномъ поприщѣ. Изданіемъ оной мы обязаны просвѣщенному управленію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (*).

О ней было упомянуто въ одномъ или двухъ періодическихъ изданій, а между тѣмъ при недо-

(*) Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ новомъ учрежденіи своемъ— *Статистическомъ Отдѣленіи при Совѣтѣ Министра*— столько подастъ прекрасныхъ надеждъ для науки. Связанное съ подобными учрежденіями въ губерніяхъ, и имѣя сотрудниковъ во всѣхъ концахъ Имперіи, оно составляетъ центръ, куда должны стекаться всѣ разнообразныя свѣденія объ нашемъ отечествѣ.

статкѣ у насъ вообще произведеній важныхъ, проникнутыхъ истинными началами науки, она заслуживала бы кажется бо́льшаго вниманія со стороны журналистовъ. Не льзя однако при семъ случаѣ не замѣтить, что судьба статистическихъ работъ почти вездѣ одна и таже; рѣко онѣ вознаграждаются тѣмъ всеобщимъ, продолжительнымъ вниманіемъ, которымъ пользуются произведенія, относящіяся къ другимъ отраслямъ знаній. На статистическія свѣденія смотрятъ лишь со стороны практической; при оцѣнкѣ ихъ берутъ во вниманіе, кромѣ достовѣрности, современность, и Статистику вгоняютъ въ рамку календаря, какъ сдѣлалъ Ж. Б. Сей; а кто же заглядываетъ въ календари прошедшихъ годовъ? Тутъ преимущественно приводятъ въ доказательство измѣняемость статистическихъ фактовъ;— правда, значительная ихъ часть измѣняется безпрестанно потому что измѣняемся мы сами, измѣняются и предметы насъ окружающіе, связанные съ нами неразрывно, дѣйствующіе на насъ, и взаимно отъ насъ претерпѣвающіе измѣненія. Но въ каждой наукѣ находятся двѣ стороны, изъ которыхъ одна постоянна, другая безпрестанно измѣняется; обратите вниманіе на исторію естественныхъ наукъ, на исторію Исторіи; каждый день не только измѣняетъ понятія объ ихъ основныхъ законахъ, но вводитъ новые предметы въ сферу ихъ дѣятельности. Настоящее состояніе каждой науки также можетъ быть названо календаремъ для будущихъ читателей.

Въ Статистикѣ напротивъ постоянная часть обширнѣе, ибо въ нее входятъ многіе предметы, которые или вовсе не измѣняются, или измѣняются, но чрезвычайно медленно, и, что всего важнѣе, существуютъ постоянные законы для самыхъ сихъ измѣненій. Съ другой стороны не только внѣшнимъ успѣхамъ Статистики, но и внутреннему ея развитію препятствовало то, что для этой науки полагаютъ не только ненужнымъ, но даже безполезнымъ свободное размышленіе, живую мысль, отвлеченіе, и считаютъ главнымъ предметомъ — искусство собрать и расположить факты, — почти тоже что начертить таблицы.

Гери, который съ такою тщательностію, съ такимъ трудолюбіемъ разобралъ десятилѣтніе отчеты Французскаго министерства юстиціи, въ своей «Нравственной Статистикѣ» говоритъ, что онъ избѣгалъ размышленія о причинахъ, «pour ne pas nous écarter de l'objet de la Statistique qui, se bornant à resserrer les faits sous leur forme la plus concise n'en montre pas directement la liaison.» Здѣсь очевидно авторъ смѣшиваетъ средства съ цѣлію, которая ему, скажемъ откровенно, не ясно представлялась.

Далѣе Гери продолжаетъ: «никакой духъ системы «не руководилъ нами; мы не искали опоры ни въ «какой теоріи». Прекрасно первое, не совсѣмъ похвально второе. Что такое теорія? теорія полагаетъ начала, на основаніи которыхъ отдѣльныя свѣдѣнія, факты, соединяются въ одно цѣлое. Теорія не про-

изводитъ, не выдумываетъ фактовъ; а только предполагаетъ, допускаетъ ихъ существованіе, предполагая въ тоже время потребность соединить ихъ въ систему: такимъ образомъ теорія приводитъ въ порядокъ человѣческія дѣйствія, обращая вниманіе на ихъ точки соединенія. Какимъ же образомъ отвергать пользу теоріи въ Статистикѣ? это все равно что не допускать возможности ее какъ науки? Знаніе фактовъ для Статистики есть необходимое, существенное дѣло; но не должно забывать, что 1) не льзя съ успѣхомъ собирать факты, не имѣя яснаго сознанія объ идеѣ науки, и что безъ сего сознанія изслѣдователь не имѣя мѣрила для оцѣнки фактовъ, будетъ бродить ощупью между явленіями, и необъятное ихъ множество подавитъ его; 2) отдѣльный феномень, одинъ какой либо фактъ, самъ по себѣ не имѣетъ большой важности; полную цѣну онъ получаетъ тогда, когда смотрятъ на него, какимъ образомъ онъ, какъ членъ живаго организма, соединяется съ прочими членами. Но чтобъ правильно объяснить какой нибудь фактъ, узнать тотъ законъ, который въ немъ является, постигнуть его отношеніе къ другимъ фактамъ, возвыситься до созерцанія идеи, нужна теорія или, если хотите, умозрѣніе; оно нужно даже и для того, чтобы самому значенію фактовъ дать ту естественную внутреннюю симметрію, которую мы называемъ *системою науки*.

И посмотрите, отъ чего мы такъ часто подъ названіемъ Статистики видимъ безсвязныя собранія

чиселъ, фактовъ, наименованій? отъ чего безъ разбора приписываемъ имя Статистики свѣдѣніямъ о Готтентотахъ и объ Англичанахъ? именно оттого, что теорію считаемъ враждебною фактамъ,—что отклоняя умозрѣніе, не объяснили себѣ идеи Статистики.

Общество человѣческое, а не человѣкъ какъ недѣлимое—вотъ поприще Статистики;—силы природы и силы самаго человѣчества, способствующія его развитію въ обществѣ—вотъ предметы ея изслѣдованій. Далеко ли мы ушли на этомъ великомъ поприщѣ? пока узнали только за непреложное, что силы природы вѣчны, неизмѣняемы, что напротивъ силы человѣческія то напрягаются, то ослабѣваютъ. Но мы не знаемъ еще законовъ этаго колебанія, какъ знаемъ законы магнитной стрѣлки, или напряженія электрометра. И потому намъ не должно быть односторонними, не должно пренебрегать и фактами, думая, что ихъ уже слишкомъ довольно, и безъ ихъ пособія заниматься только чистыми отвлеченіями. Правда, фактовъ не мало у насъ собрано,—но всѣ ли они подвергнуты анализу, всѣ ли они очищены огнемъ критики,—изучили ли мы всѣ ихъ отношенія, распутали ли мы безчисленныя нити, которыми этѣ всѣдневныя, важныя и мелкія событія жизни нашей перепутаны одинъ съ другими? Статистика, не только въ смыслѣ науки, но въ смыслѣ знанія, — еще весьма юна; а между тѣмъ уже думаютъ ею рѣшить важнѣйшіе вопросы гражданственности! Давно ли стали появляться, и то въ немногихъ госу-

дарствахъ, отчеты судилищъ, и уже цифрами ихъ одни хотѣли рѣшительно поддерживать извѣстный софизмъ Жанъ Жака Руссо о вредномъ вліяніи просвѣщенія на нравственность народовъ; другіе гордясь, что они нашли масштабъ для измѣренія нравственности народной, вздумали отвѣчать на вопросъ Хаджи Бабы, умнѣе ли, добрѣе ли Французы Англичанъ, и во сколько разъ. Не смотря на то, настоящее состояніе статистическихъ знаній обсужденное безпристрастно, доказываетъ, что теперь въ рѣшеніи многихъ практическихъ, административныхъ вопросовъ, они приносятъ несомнѣнную пользу. Укажемъ только на изслѣдованія о народонаселеніи,—имъ государства обязаны, кромѣ болѣе равномѣрнаго, и слѣдовательно болѣе справедливаго распредѣленія общественныхъ пожертвованій, налоговъ, — прекраснѣйшимъ учрежденіемъ новѣйшихъ временъ—застрахованіемъ жизни человѣческой (*).

И такъ, руководимые любовію къ знанію, къ истинѣ, предчувствуя высшую, отвлеченную Статистику, будемъ внимательны къ эмпирической ея части,—будемъ признательны къ тѣмъ, которые посвя-

(*) На постоянномъ законѣ статистическихъ измѣненій основаны всѣ страховыя общества, которыя бы не могли существовать, еслибы Статистика не открыла возможности подчинить такъ называемую игру случая математическому вычисленію.—Такъ напримѣръ, что на первый взглядъ кажется менѣе подверженнымъ вычисленію какъ пожары, происходящіе отъ столь многоразличныхъ причинъ? Спросите страховыя отъ огня общества: онѣ, опираясь на статистическія свѣденія многихъ годовъ, скажутъ вамъ почти постоянное число пожаровъ, могущихъ случиться въ данномъ городѣ, при данныхъ обстоятельствахъ. Тоже должно замѣтить о Статистикѣ смертности, даже о Статистикѣ преступленій.

щаютъ труды свои на собраніе фактовъ, еще болѣе къ тѣмъ, которые стараются эти факты очистить, сблизить однородные изъ нихъ, и указывать по возможности мысли, скрывающіяся подъ этими безчисленными рядами цифръ.

Во Франціи, въ 1819 году, изданы были въ первый разъ, префектомъ Сенскаго департамента, графомъ Шабролемъ: Recherches Statistiques sur la ville de Paris, — и эта книга имѣла большой успѣхъ: нынѣ первой ея части нельзя найти даже во Франціи. Мы не знаемъ, таковъ ли успѣхъ книги, изданной нашимъ правительствомъ, но не можемъ не замѣтить, что если Парижское изданіе богаче фактами, что́ и естественно при давно введенной тамъ административной отчетности, то «Статистическія Свѣдѣнія о С. Петербургѣ» превосходятъ книгу Шаброля тѣмъ, что въ нихъ многочисленные факты уже сведены въ результаты ближайшіе; сему посвящено первое отдѣленіе, текстъ изданія; подробности же или pièces justificatives заключаются въ таблицахъ, составляющихъ особый томъ. А это дѣло не маловажное, какъ извѣстно всякому, кто занимался статистическими работами, испытывалъ изучать огромныя пестрыя таблицы, кто просиживалъ надъ ними по цѣлымъ днямъ, тщетно искавши жезла Моисеева, который бы изъ этихъ мертвыхъ цифръ вызвалъ струю живой мысли.

Таблицы состоятъ изъ 98 нумеровъ, и многія изъ нихъ расположены съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ, напр. 53, 54, 55, 56, 57, 58 и другія.

Планы объясняютъ состояніе столицы въ разные періоды, начиная съ 1703 года, когда на мѣстѣ нынѣшней крѣпости были рыбачьи хижины, до настоящаго времени.

Большая часть статей текста начинается историческими обозрѣніями основанія и постепеннаго устройства нашей великолѣпной столицы; сіе обозрѣніе основано на многочисленныхъ правительственныхъ актахъ, заимствованныхъ, какъ видно по сеылкамъ, не только изъ Полнаго Собранія Законовъ, но и изъ архивовъ Министерства, до нынѣ бывшихъ неизвѣстными публикѣ.

Послѣ взятія Нотеборга (Шлиссельбурга) и Нієншанца, 16 Мая 1703 года, въ праздникъ Св. Троицы, Великій Царь заложилъ земляную крѣпость при устьѣ Невы, на о. *Енисари* (Заячьемъ), лежащемъ на большой Невѣ, предъ другимъ большимъ островомъ *Койвисори* (Березовомъ), который покрытъ былъ вязкимъ болотомъ и потому представлялъ естественную защиту новой крѣпости, названной Санктпетербургомъ. До 1710 года всѣ усилія Царя устремлялись лишь къ тому, чтобы скорѣе воздвигнуть здѣсь крѣпкой военный постъ и портъ; но когда *утвердился камень основанія Невскаго города,* какъ писалъ самъ Петръ съ поля битвы подъ Полтавою, тогда немедленно состоялись повелѣнія о постройкѣ въ С. Петербургѣ каменныхъ домовъ, и о переселеніи туда высшихъ государственныхъ сановниковъ, дворянъ, торговцевъ и про-

мышленниковъ. Тогда же начались дѣятельныя сношенія съ Германскими владѣніями для привлеченія иноземныхъ торговцевъ въ новый городъ, который уже назначался быть главнымъ складочнымъ мѣстомъ нашей заморской торговли, для развитія которой вскорѣ были начаты водяныя сообщенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ. Потомъ постепенно учреждались вновь и переводились изъ Москвы высшія правительственныя мѣста, гражданскія и духовныя, и цѣлыми полками гвардіи заселялись особыя слободы. Положивъ основаніе общественнымъ зданіямъ столицы, Государь обратилъ вниманіе на ея окрестности пустынныя, болотистыя, безжизненныя какъ природные обитатели Ингріи — и принялъ намѣреніе преобразовать ихъ. Иныя мѣста предоставилъ хозяйству Двора, многія раздалъ сановникамъ своимъ съ обязательствомъ заселить ихъ природными Русскими, и потомъ населилъ огромныя слободы Своими собственными крестьянами, переведенными изъ внутреннихъ губерній. Все это безъ сомнѣнія совершалось нелегко. «Строеніе Петербурга было въ началѣ своемъ всеобщимъ поголовнымъ налогомъ, а жизнь въ новой столицѣ почти государственною службою: обязанные селиться въ столицѣ не только не могли жить въ другихъ мѣстахъ, но даже и отлучаться изъ города на долгое время было воспрещено. Однако успѣхи не вполнѣ соотвѣтствовали усиліямъ Царя; за жителями Петербурга должно было посылать въ губерніи гонцовъ; несмѣя противиться волѣ Государя, они строили домы и при малѣйшей возможности покидали ихъ. Мысль соз-

дать городъ на краю государства, въ странѣ совершенно дикой и безлюдной, избрать его мѣстопребываніемъ Двора и высшихъ властей, въ то время когда въ центрѣ Имперіи существовала столица, къ которой народъ привязанъ и долговременнымъ ходомъ дѣлъ, и направленіемъ промышленности, мысль эта не могла не казаться для современниковъ непонятною. Не многіе могли предвидѣть всѣ благодѣтельныя послѣдствія сего предпріятія, для приведенія котораго въ исполненіе требовались мѣры тѣмъ болѣе строгія, чѣмъ менѣе оно находило себѣ противниковъ, и которыя начали смягчаться не ранѣе царствованія Императрицы Елисаветы, когда жители столицы получили возможность располагать домами на полномъ правѣ собственности. Въ это время Адмиралтейская сторона, между Невою и Фонтанкою, болѣе и болѣе застроивалась; здѣсь были воздвигнуты многія зданія общественныя, кромѣ того многіе изъ вельможъ построили также огромные каменные домы и часть сія принимала постепенно болѣе правильный видъ. Императрица Екатерина II, вскорѣ по вступленіи на престолъ, учредила особую коммисію для устройства столицы. Между многими мудрыми постановленіями сей Государыни, улучшившими внутреннюю администрацію, нельзя не отличить въ особенности тѣхъ, которыми дарованы новыя права среднему классу народа, и которые такъ много способствовали къ развитію промышленой и торговой дѣятельности городовъ: сколько новыхъ городовъ явилось въ это царствованіе и какъ быстро богатѣли и людѣли города старые, пользовав-

ніеся естественными выгодами мѣстности! Но на пути преуспѣянія первое мѣсто занимать безъ сомнѣнія Петербургъ.»

Постановленія жить и строиться въ Столицѣ уже не существовали, и между тѣмъ населеніе быстро возростало; это было причиною новаго раздѣленія столицы (въ 1782 году) на девять частей: 1, 2 и 3 Адмиралтейскія, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборскую. По свидѣтельству современниковъ, разсматривая Петербургъ въ царствованіе Екатерины, «нельзя было не удивляться пестротѣ и противоположностямъ: изъ великолѣпнаго квартала вы вдругъ переноситесь въ дикой и сырой лѣсъ; рядомъ съ огромными палатами, и роскошными садами находите развалины, или пепелища, деревянныя, хижины или пустыри; но всего поразительнѣе то, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сіи самыя мѣста нельзя узнать. Иногда вдругъ изчезаютъ цѣлые ряды домовъ и вмѣсто ихъ являются дворцы, каменныя палаты, еще неокончанныя и уже населенныя. Такимъ образомъ нѣкоторыя части города столь измѣняются что чрезъ нѣсколько лѣтъ не возможно ихъ узнать.» Всё относящееся до устройства, распространенія столицы въ послѣдніе два царствованія—такъ живо, такъ свѣжо, такъ близко къ намъ, что излишне было бы здѣсь говорить объ этомъ. Мы окинули бѣглое рожденіе и постепенный возростъ С. Петербурга — сколько позволяетъ журнальная статья,—но читатели найдутъ въ разбираемой нами книгѣ подробности, факты имѣющіе историческій интересъ,

особенно относящіеся къ царствованію Петра I-го. Въ первой главѣ изложены естественныя свойства мѣстности, т. е. почва, воды и климатъ; главныя соображенія о семъ послѣднемъ основаны на десяти лѣтнихъ наблюденіяхъ, съ 1825 по 1852. Изъ нихъ оказывается что средняя температура года въ С. Петербургѣ есть + 3, 55° R; но она измѣняется въ разные годы отъ 0, 96° до 5°, 56, такъ что maximum измѣненій средней годовой температуры простирается до + 4, 45° т. е., болѣе средней температуры года. Климатъ С. Петербурга не смотря на главный свой характеръ — непостоянство, долженъ быть отнесенъ *къ послѣдовательнымъ*, или какъ называетъ Гумбольтъ, къ *климатамъ острововъ* (climat des iles) и *западныхъ береговъ*, отличительная черта которыхъ состоитъ въ постепенномъ періодическомъ движеніи средней температуры мѣсяцевъ.

Но съ другой стороны отдаленность отъ прибрежій Западнаго океана, гдѣ собственно господствуютъ климаты послѣдовательные, не умѣряетъ быстрыхъ переходовъ отъ тепла въ холоду. Климатъ Петербурга измѣнился въ послѣднее столѣтіе существованія города. Сіе измѣненіе состоитъ въ уменьшеніи высшаго и низшаго столпія ртути въ термометрѣ. Если въ послѣдніе годы не было столь жестокихъ зимъ, какова напр. была зима 1740 года (когда термометръ съ половины Января и до Марта почтенно держался между — 26° и 31°), то и сильные жары лѣтомъ также сдѣлались рѣже. Однимъ словомъ крайніе предѣлы температуры сближаются и средняя

температура года возвышается: климатъ слѣдовательно дѣлается умѣреннѣе. Столь благотворную перемѣну должно приписать безъсомнѣнія, той же причинѣ, которая сдѣлала умѣреннѣйшимъ климатъ Западной Европы и Сѣверной Америки: увеличенію народонаселенія, уменьшенію лѣсовъ и осушенію болотъ; равнымъ образомъ разведеніе садовъ и огородовъ, осушеніе и застройка сырыхъ мѣстъ въ самомъ городѣ имѣли и продолжаютъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшеніе климата.

Глава вторая посвящена описанію измѣненія и улучшенія мѣстности столицы; сюда же должно отнести и особое приложеніе объ осушеніи и воздѣлываніи окрестностей Петербурга и Царскаго-Села. Третья глава заключаетъ свѣдѣнія о пространствѣ города. Площадь ограниченная городскою чертою содержитъ въ себѣ 20,285,147 кв. сажен; или 81 квад. версту и 35,147 кв. саженъ. По плану 1828 года каменнымъ строеніемъ была занята едва только $\frac{1}{20}$ сего пространства, именно 964,050 к. с.,— деревянными 899,122 к. с.; дворами 2,308,487 к. с.; прочее пространство находится подъ каналами и рѣками, площадями и плацъ-парадами, улицами, садами, лугами, огородами, пустыми мѣстами и кладбищами (см. таб. № 9.). При соображеніи общаго пространства столицы съ народонаселеніемъ, оказывается, что на каждаго человѣка приходится около 43 квадр. саж. Наиболѣе народонаселеніе стѣснено въ 3-й Адм. части, гдѣ на каждаго человѣка приходится только 3 к. саж., наименѣе въ Каретной—263 кв. саж.

По точнѣйшимъ исчисленіямъ въ 1855 году оказалось домовъ въ С. Петербургѣ 7976 (2730 каменныхъ и 5246 деревянныхъ). Почти половина изъ сего числа принадлежала высшему сословію, т. е. дворянамъ и чиновникамъ, за тѣмъ купцамъ ($\frac{1}{3}$) и мѣщанамъ ($\frac{1}{12}$). Большая часть купеческихъ домовъ—каменные; напротивъ у чиновниковъ менѣе половины, а у мѣщанъ менѣе пятой доли домовъ каменныхъ.—Большая часть домовъ въ С. Петербургѣ такихъ въ которыхъ помѣщается отъ 5 до 50 (1071). Таблица № 10, заключая извлеченіе изъ переписныхъ книгъ 1717 г. показываетъ, что въ сіе время было домовъ въ С. Петербургѣ 2,555. Въ 1788 году (таб. № 11) было уже 655 каменныхъ и 5167 деревянныхъ домовъ. Въ каменныхъ считалось 15,625 комнаты или 21 $\frac{1}{2}$ комнаты въ каждомъ домѣ,—въ деревянныхъ 9,975 комнаты или 5$\frac{1}{2}$ на каждый домъ. Въ это время въ столицѣ считалось до 185,000 жителей. Въ 1814 году Петербургъ имѣлъ 7,125 дома,—слѣдовательно въ теченіе 19 лѣтъ, съ 1814 по 1855, прибавилось 853 дома (549 кам. и 304 дерев.) Но сіи числа не означаютъ всей дѣятельности отваживающихъ свои капиталы на постройки, ибо по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ теченіе 6 только лѣтъ (1826—1831) въ Петербургѣ начато и окончено 568 каменныхъ и 494 деревянныхъ строенія, слѣд. покрайней мѣрѣ половина капиталовъ назначается на перестройки, распространенія или улучшенія. Дѣятельнѣйшія постройки новыхъ домовъ въ послѣднее время производились преимущественно въ частяхъ: Литейной, Московской и отчасти Васильевской.

Всѣ домы подлежащіе оцѣнкѣ (т. е. частные и только нѣкоторые общественные) съ принадлежащими къ нимъ лавками, землями и разными пристройками, оцѣнены (въ 1833 году) въ 168,192,469р. Число всѣхъ отдѣльныхъ собственностей, вошедшихъ въ оцѣнку, простиралось до 8,549. Цѣннѣйшія собственности находятся въ 1-й и 2-й Адмиралтейской частяхъ. Дворянству принадлежало $\frac{2}{5}$ (3568) всего числа собственностей, оцѣненныхъ свыше 63 мил. рублей; купечеству 2979—75 мил., мѣщанамъ 795—4,500,000 р. Въ 1822 году всѣхъ оцѣненныхъ собственностей считалось 8,400, стоившихъ 154,506,570 р. Съ тѣхъ поръ цѣнность имуществъ, принадлежащихъ дворянамъ и чиновникамъ—увеличилась почти 10 мил., или 15%; цѣнность купеческихъ собственностей увеличилась 7 мил. или 10%. Имущества принадлежащія духовенству, ни увеличились, ни уменьшились въ своей цѣнности. Имущества мѣщанскія уменьшились и въ числѣ, и въ цѣнности: въ 1822 году ихъ считалось 10,167, цѣною на 858,350 руб.

Переходимъ къ народонаселенію: сличая разныя показанія, можно вывести слѣдующую довольно вѣроятную таблицу народонаселенія С. Петербурга, за разные годы: въ 1750 году—80,000 человѣкъ, въ 1765—150,335; въ 1770—158,782; въ 1775—158,565; въ 1780 — 174,778; въ 1784 — 192,446; въ 1789—217,948; въ 1800 — 220,208; въ 1805 — 271,137, въ 1812 — 308,474; въ 1814—335,715, въ 1817—365,958; въ 1819 — 344,619; въ 1829 — 424,741. Послѣднее исчисленіе относится къ началу 1833

года, когда считалось въ столицѣ 442, 890 человѣкъ обоего пола. Высшее сословіе т. е. дворяне и чиновники (ихъ жены и дѣти) составляютъ болѣе $\frac{1}{10}$ части всего народонаселенія; однихъ служащихъ считалось до 15,528 человѣкъ.

Купцовъ было 9,005, въ томъ числѣ иногородныхъ 2,528. Изъ 55,005 человѣкъ мѣщанъ, считалось торгующихъ—только 2,062 человѣка; изъ этаго можно вывести заключеніе о нѣкоторыхъ чертахъ Петербургской торговли: она не такъ мелочна, какъ наприм. Московская, гдѣ, по этому самому, сословіе мѣщанъ принимаетъ гораздо болѣе участія въ торговлѣ; тамъ $\frac{7}{10}$ мѣщанъ занимаются торговлею, тогда какъ въ Петербургѣ только $\frac{1}{30}$. — Самая значительнѣйшая часть народонаселенія столицы состоитъ изъ людей промышляющихъ безъискуственною работою; сюда должно отнести большую часть мѣщанъ, дворовыхъ людей и крестьянъ.—Дворовыхъ людей считалось до 76,725 человѣкъ обоего пола; но по числу ихъ нельзя еще заключать о числѣ слугъ: это можно сдѣлать только по числу дворовыхъ, живущихъ при домахъ своихъ господъ: такихъ считалось только треть: именно 25,704. Въ Москвѣ при господскихъ домахъ живетъ вдвое болѣе. Изъ числа дворовыхъ проживающихъ по паспортамъ (коихъ считалось болѣе 50,000), многіе не входятъ вовсе въ цѣхъ слугъ, занимаясь разными ремеслами, какъ то портнымъ, сапожнымъ и проч., притомъ значительная часть находится въ услуженіи у разночинцевъ, купцевъ и иностранцевъ. Посему несправедли-

во замѣчаніе тѣхъ, которые говорятъ, что въ Петербургѣ приходится по девяти дворовыхъ на одного дворянина.—Почти половину народонаселенія составляютъ крестьяне разныхъ наименованій, въ томъ числѣ $\frac{7}{10}$ крѣпостныхъ. Нижніе воинскіе чины съ женами и дочерьми) составляютъ менѣе $\frac{1}{7}$ части всего народонаселенія.—Иностранцевъ всѣхъ вообще считалось 12,059; болѣе половины составляютъ Нѣмцы, за тѣмъ Французы, Англичане и Шведы. Почти половина иностранцевъ пріѣзжаетъ для ремеслъ; путешественниковъ въ восемь лѣтъ (1825 — 1833) было 759 (686 муж. и 73 жен).—Путешествуютъ наиболѣе Англичане и Французы. Особенный характеръ населенія нашей столицы состоитъ въ чрезвычайномъ перевѣсѣ мужескаго пола надъ женскимъ. Вотъ отношенія въ разные годы: въ 1750 году на 100 женщинъ приходилось 140 мужчинъ; въ 1784 — 194; въ 1789—215; въ 1814—234; въ 1825 — 255; въ 1831—231. Изъ сего открывается, что отношеніе мужескаго пола къ женскому увеличивается съ увеличеніемъ народонаселенія; главная прибыль и убыль на счетъ мужчинъ.—

Глава «движеніе народонаселенія» (стр. 131—200) представляетъ множество интересныхъ фактовъ; въ ней разсматриваются: браки, рождающіеся, болѣзни и смертность. Въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ число браковъ увеличилось 19: или $\frac{1}{3}$, — слѣд. вовсе непропорціонально съ возрастаніемъ народонаселенія; въ періодъ съ 1764 по 1780 годъ приходился 1 бракъ на 126 жителей; нынѣ ровно вдвое менѣе, именно 1 на 255 человѣкъ.

Число рождающихся въ сей же періодъ времени увеличилось 67 на 100, или двумя третями; тогда одинъ рождающійся приходился на 31, теперь одинъ на 49 жителей. — Отношеніе общаго числа умирающихъ къ народонаселенію колебалось въ различные періоды времени, между 1:29 и 1:42. Въ періодъ между 1810—1820 оно было 1:34, между 1820—1830—1:42. Результатъ утѣшительный! можетъ быть онъ и не имѣетъ всей желаемой точности, но всѣ сомнѣнія о благопріятности его изчезнутъ, если вспомнить о тѣхъ обширныхъ успѣхахъ, какіе оказала у насъ медицина въ послѣднее тридцатилѣтіе, о тѣхъ попеченіяхъ, какія Правительство принимаетъ нынѣ къ сохраненію народнаго здоровья, открытіемъ новыхъ лечебницъ, распространеніемъ и улучшеніемъ прежнихъ! А улучшеніе мѣстности города развѣ мало значитъ въ этомъ отношеніи? Притомъ нѣтъ сомнѣнія, что и самый народъ содержитъ себя вообще съ бо́льшею опрятностію и даже довольствомъ нежели прежде, о дѣтяхъ печется тщательнѣе, и оттого смерть производитъ менѣе между ними опустошеній. Въ статьѣ о смертности заключаются выводы о скоропостижно умершихъ, насильственныхъ лишеніяхъ жизни и самоубійствахъ. Тутъ заключаются многіе матеріялы для Нравственной Статистики. Нельзя не быть благодарнымъ къ тѣмъ, которые извлекли изъ пыльныхъ архивовъ, изъ полицейскихъ замѣтокъ, эти факты, изъ которыхъ надъ многими невольно задумается Филантропъ - Философъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: въ Мартѣ 1828 года 13 лѣтній дворовый мальчикъ повѣсился отъ тоски по родинѣ; 14 лѣтній ученикъ

аптекаря отравился, не могши перенести смерть матери, какъ онъ самъ писалъ къ отцу; крестьянка зарѣзалась, услышавши о кончинѣ сына, умершаго въ Москвѣ; дворовый человѣкъ покушался повѣситься отъ тоски по умершей женѣ; одинъ достаточный купецъ, хорошій семьянинъ, бросился въ воду, не могши перенести тоски по умершемъ братѣ, для разсѣянія которой онъ путешествовалъ цѣлый годъ въ чужихъ краяхъ. Не убѣждаютъ ли эти примѣры въ томъ, что человѣкъ можетъ изнемочь отъ самыхъ благороднѣйшихъ побужденій! Въ противоположность можно привести примѣръ страннаго, неизъяснимаго юмора, который иногда овладѣваетъ самоубійцами въ минуту преступленія (стр. 196.) У одного застрѣлившагося чиновника нашли въ карманѣ бумагу слѣдующаго содержанія: «въ.....тскій Департаментъ, отъ коллежскаго секретаря..... рапортъ. Мнѣ наскучило жить на этомъ свѣтѣ, почему я и вознамѣрился отправиться на тотъ свѣтъ; о чемъ и имѣю честь донести.....тскому Департаменту.»

Въ отношеніи къ насильственнымъ лишеніямъ жизни, къ чести нашей столицы, должно сказать, что въ ней убійства случаются гораздо рѣже нежели въ другихъ большихъ городахъ Европы. Въ три года, 1831, 1832 и 1833 было убито 10 человѣкъ, — удавленъ 1, зарѣзано 6 чел., застрѣленъ 1 и умерло отъ побоевъ 2; всего 20 человѣкъ. Самая обыкновенная причина къ убійству — грабежъ; случаи, въ которыхъ замѣтна расчитанная злоба, весьма рѣдки.

Зная страсть нашего народа къ вину, мы должны удивляться рѣдкости убійствъ, совершаемыхъ въ пьяномъ видѣ; конечно ссоры въ такомъ случаѣ не рѣдки, но они рѣдко оканчиваются важными послѣдствіями. «Перебирая донесенія полиціи, сказано на стр. 190, послѣднихъ годовъ, мы встрѣтили не много случаевъ достойныхъ замѣчанія по своей странности:

«Два крестьянина, двоюродные братья, поссорясь между собою, сдѣлали драку и одинъ откусилъ у другаго кончикъ языка, а сей вырвалъ у своего противника часть бороды. — Двѣ дворовыя женщины поссорились между собою, и одна за упрекъ ее въ кражѣ шестка, окатила другую кипяткомъ. — Одинъ пьяный мужикъ ранилъ ножемъ другаго, за то что сей легъ спать на его койку. — Двѣ женщины пошли на богомолье въ Сергіеву пустынь; на обратномъ пути, подгулявши, сѣли отдохнуть у одной дачи на Петергоффской дорогѣ, и начали цѣловаться, причемъ одна откусила у другой часть подбородка.»

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ продолжать далѣе извлеченія изъ *Статистическихъ свѣдѣній о С. Петербургѣ;* скажемъ только что книга сія, кромѣ богатыхъ матеріяловъ для соображеній мыслящаго читателя, многими своими статьями можетъ служить образцемъ статистическихъ работъ; въ ней въ первый разъ, на Русскомъ языкѣ, встрѣчаемъ графическій способъ изложенія важнѣйшихъ

результатовъ (см. таблицы, приложенныя къ стр. 23, 170, 172, 252),—а равнымъ образомъ изслѣдованія политико-ариѳметическія, каковы напр. глава о народонаселеніи, и два къ ней приложенія: о причинахъ неравнаго числа рожденій и зачатій въ разные мѣсяцы года, и о вліяніи времени года на силу болѣзней въ С. Петербургѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Полная Россійская азбука, составленная по новѣйшей методѣ. А. К.—М. въ тип. Смирнова.

Россійская Христоматія, или отборныя сочиненія Отечественныхъ Писателей. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи и Министер. Внутрен. Дѣлъ.

Дѣтскія игры, подарокъ послушнымъ малюткамъ. Съ 6 картинками. Переводъ съ Французскаго. М. въ тип. Степанова.

Частная Реторика, Н. Кошанскаго. Изданіе 4-е С. П. Б. въ тип. Министер. Внутрен. Дѣлъ.

Взглядъ на старинную Русскую Поэзію. М. въ тип. Смирнова.

Стихи Е. Бернета. С. П. Б. въ тип. Сѣгирева.

Стихотворенія Константина Бахтурина. С. П. Б. въ тип. Праца и К°.

Опытъ въ стихахъ пятнадцатилѣтней дѣвицы Елисаветы Шаховой. Писано въ 1836 году. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Стихотворенія Виктора Кашаева. М. въ тип. Кирилова.

Народныя Русскія Пѣсни, собранныя М. М.— М. въ тип. Смирнова.

Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ книжкахъ. М. въ тип. Кирилова.

Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Новое исправленное изданіе братьевъ Кузнецовыхъ. М. въ тип. Смирнова.

Поэтическіе очерки Украйны, Одессы и Крыма, письма въ стихахъ къ графу В. П. З.....у, Ивана Бороздны. М. въ тип. Селивановскаго.

Колдунъ и его дѣти. Старинная Русская сказка. Соч. К. Мартынова. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Энциклопедическій Лексиконъ. Томъ девятый. С. П. Б. въ тип. А. Плюшара.

Повѣсти и разсказы Петра Суморокова. часть четвертая М. въ тип. Степанова.

Провидѣніе, или событіе 18 вѣка. Соч. И. Штевена. 4 части С. П. Б. въ тип. Воробьева.

Никласъ, Медвѣжья Лапа, Атаманъ контрабандистовъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Фридриха II. Историческій романъ. Сочиненіе Р. Зотова. 3 части С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Михаилъ Новгородскій, или нарушенная клятва. Россійско-Историческій Романъ въ трехъ частяхъ. Сочиненіе И. Зрялова. М. въ тип. Смирнова.

Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Часть I Сановники, управлявшіе дѣлами, до учрежденія званія Канцлеровъ. Часть II Канцлеры. Часть III Вице-канцлеры. Соч. А. Терещенко. С. П. Б. въ тип. вдовы Байковой и въ тип. Имп. Рос. Академіи.

Статистика Европейскихъ Государствъ, въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Заслуженаго Профессора Е. Зябловскаго. 2 части. Второе изданіе, исправленное. Иждивеніемъ Ильи Глазунова. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Алгебра Лефебюра де Фюрси, съ дополненіями переводчика. Часть I второй отдѣлъ и часть II отдѣлъ первый С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Вн. Стражи.

Ручная Математическая Энциклопедія. Книжка XIV. Предварительный курсъ Астрономіи. М. въ Университет. тип.

Военный Энциклопедическій Лексиконъ. Часть первая. Книжка вторая. С. П. Б.

Рисунки Санктпетербургской Флоры, съ краткимъ описаніемъ ея растеній, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о классахъ и отрядахъ ихъ, по Линнеевой системѣ, о мѣсторожденіи, времени цвѣтенія, продолженіи жизни, о полезныхъ или вредныхъ свойствахъ, и употребленіи въ общежитіи: издаваемые К. Левинымъ. Книжка 4-я и 5-я. С. П. Б. въ тип. Смирдина и Глазунова и К°.

Новѣйшій свекловично-сахарный заводчикъ, или наставленіе, какимъ образомъ разводить и сохранять отъ порчи свекловицу, и проч. Сочиненіе Самуила Людердорфа. Переводъ съ 12 изданія. М. въ тип. Кирилова.

Выставка Костромской губерніи. М. въ тип. Селивановскаго.

Выставка издѣлій Рязанской Губерніи. М. въ тип. Селивановскаго.

Каталогъ книгъ, продающихся въ книжной лавкѣ Кс. Ал. Полеваго, М. въ тип. Степанова.

Постепенныя занятія въ переводахъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій и Французскій, изданныя Докт. Ѳ. Кистеромъ. Третье исправленное изданіе. М. въ Университет. тип.

Систематическій выборъ мелкихъ статей и отрывковъ въ прозѣ и стихахъ изъ сочиненій Нѣмец-

кихъ классиковъ, составленный Карломъ Гаке. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Разсказы моего отца. Тетрадь для юношества. Соч. Пушкарева, Второе изданіе. С. П. Б. въ тип. Отд. Корп. Внутр. Стражи.

Ручная музыкальная книга. Составленная Л. Снѣгиревымъ. С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи.

Архитектура для сельскихъ и деревенскихъ жителей, или наставленіе недостаточнымъ помѣщикамъ, какъ прочно строить дома и крестьянскія жилища матеріалами дешевыми, находящимися у нихъ почти подъ руками. М. въ тип. Смирнова.

Сказка о мельникѣ колдунѣ Ѳедотѣ, о хлопотливой старухѣ, о двухъ Жидкахъ, и о двухъ батракахъ. Соч. Е. Алипанова. С. П. Б. въ тип. Неймана и К°.

Титулярные Совѣтники въ домашнемъ быту. Водевиль въ одномъ дѣйствіи Ѳ. Кони. С. П. Б. въ тип. Греча.

Чиновникъ по особымъ порученіямъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Каратыгина. С. П. Б. въ тип. Плюшара.

Лѣина арфа. Пер. съ Французскаго Людмилы К . . . . . ой. С. П. Б. въ тип. Крайя.

Адель. С. П. Б. въ тип. Гинце.

Димитрій Донской. Историческій Романъ. 3 части. Сочиненіе М..... Д..... М. въ тип. Смирнова.

Борисъ Годуновъ, и Россія въ XVII столѣтіи Романъ полу-историческій. Сочиненіе М—Р—К—. 3 части. М. въ тип. Смирнова.

Карантинъ въ Ахіоло, или сонъ и предчувствіе. Военная быль, взятая изъ писемъ Русскаго офицера въ Турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ. Составленная И... А... К.... М. въ тип. Степанова.

Малороссійская Васильковская повѣсть: Твердовскій. Сочиненіе Степана Карпенка, М. въ тип. Кирилова.

Малороссійская повѣсть: Плачевная участь древняго Василькова. Сочиненіе Степана Карпенка. М. въ тип. Кирилова.

Рѣчи, произнесенныя въ разныя времена Директоромъ Кіеванской Гимназіи, Иваномъ Кулжинскимъ. М. въ Университет. тип.

Исторія царствованія Государыни Императрицы Екатерины II, А. А. Лефорта. 2 части. М. въ тип. Селивановскаго.

Первое тридцатилѣтіе Исторіи города Одессы, 1783—1823. Соч. Одесскаго жителя А. Скальковскаго. Одесса, въ городской тип.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя И. Сахаровымъ. Часть первая. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Гуттенберговой.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя И. Сахаровымъ. Часть 3-я Книга 2-я С. П. Б. въ тип. Гуттенберговой.

Лекція Профессора Погодина, по Герену, о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. 2 части М. въ Университет. тип.

Сокращеніе Исторіи Среднихъ вѣковъ Соч. М. де Мишеля. Переводъ съ 4-го изданія, исправленнаго и дополненнаго генеалогическими таблицами. 2 части С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Записки Герцогини Абрантесъ, или историческія воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, директоріи, консульствѣ, Имперіи и возстановленіи Бурбоновъ, переведенныя съ Французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ XIV. М. въ тип. Семена.

Всеобщая Географія, для начальнаго преподаванія составленная по Гольтье, Бальби и Мальтъ-Бруну В. Бардовскимъ. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Краткая Географія для дѣтей, изданная по руководству Г-на Статскаго Совѣтника и Кавалера И. А. Гейма. Десятое изданіе. М. въ тип. Лазаревыхъ Институт. Восточ. языковъ.

Воспоминанія о Сициліи, А. Черткова. 2 части. М. въ тип. Семена.

Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, читанныя въ Морскомъ Корпусѣ Академикомъ Остроградскимъ. Составлены Корп. Кораб. Инж. Кап. С. Бурачкомъ и Лейтенантомъ С.. Зеленымъ. Первый годъ, (начаты 16 Октября 1836). С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Начальныя основанія счетоводства, для хозяевъ, торговцевъ и промышленниковъ вообще, П. Цвѣтаева. М. въ тип. Лазаревыхъ Институт. Восточ. языковъ.

Руководство къ содержанію и размноженію камелій, изданное Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Егоромъ Классеномъ, Членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ М. въ тип. Семена.

Указатель естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній, находящихся на Рязанской Губернской выставкѣ, 1837 года. М. въ тип. Селивановскаго.

Описаніе выставки произведеній Владимірской губерніи 1837 года. М. въ тип. Семена.

Военно-походная Медицина въ пяти частяхъ. Сочиненіе Доктора Медицины и Хирургіи, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Акима Чаруковскаго. Печатано, по Высочайшему повелѣнію, иждивеніемъ Правительства. С. П. Б. въ тип. Воробьева.

Три статьи о Гомеопатіи. Переводъ съ французскаго, съ дополненіемъ объ успѣхахъ гомеопатическаго леченія въ Россіи. С. П. Б. въ тип. Сѣнгирева.

Книга адресовъ С. Петербурга на 1837 годъ. Изданная съ разрѣшенія и одобренія С. Петербургскаго г. Военнаго Генералъ-Губернатора, Карломъ Нистремомъ. С. П. Б. въ тип. III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

Объ учрежденіи привилегированнаго заведенія для производства уничтожающаго зловоніе порошка и землеудобрительнаго тука. С. П. Б. въ тип. Греча.

Грамматика, для начальнаго обученія дѣтей первоначальному употребленію Русскаго языка. Составлена Зосимою Воробьевымъ. С. П. Б. въ тип. Конторы Журнала Общеполез. свѣденій.

Генрихъ и Марія или осиротѣвшія дѣти. Трогательная и нравоучительная исторія для дѣтей обоего пола отъ 8 до 12 лѣтъ. Съ Нѣмецкаго перевелъ Мартинъ Кедровъ. М. въ тип. Евреинова.

Нѣмецкая словесность. Изъ книги Вольфганга Менцеля. Часть 1. С. П. Б. въ тип. Плюшара.

Мой кальянъ. Стихотворенія И. Громова. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточ. языковъ

Ксантиппа. Экспромтъ. С. П. Б. въ Морско[illegible] тип.

Иванушка дурачокъ. Русская сказка въ [illegible] частяхъ С. П. Б. въ тип. Имп. Академіи наукъ.

Родственники, или покойникъ-то не умеръ. Водевиль въ 1 дѣйствіи. Соч. Актера П. Григорьева младшаго. С. П. Б. въ тип. Греча.

Лоретъ, или правда глаза колетъ, фантастической водевиль, перев. съ французскаго. С. П. Б. въ тип. Бенкена.

Римъ и Карѳагенъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Т. м. Ф. а. С. П. Б. въ тип. Гнице.

Норма. Лирическая трагедія въ 2 дѣйствіяхъ; слова Феликса Романи, музыка соч. Беллини. Переводъ съ Итальянскаго С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Эмигрантъ съ краткимъ описаніемъ Американской войны, Луизіяны и Французской революціи. 2 части П.... С..... С. П. Б. въ тип. Сычева.

Неправдоподобные разсказы Чичероне дель К..... о. часть 1 Бимбашъ, Часть II Ѳедоръ Петровичъ Каталкинъ, Часть III Несчастливцы. С. П. Б. въ Гуттенберговой тип.

Поэтъ и Актриса. Соч. Павла Попова. М. въ тип. Ефремова.

Фортуна и Промыслъ, или встрѣча съ погибшимъ;—пожалуй Русскій, только опять не историческій и не нравственно-сатирическій романъ въ 2 частяхъ, или картина свѣтскихъ современныхъ нравовъ, раздѣленная на 4 части, а части на сцены. Соч. Н. А. К..... го. М. въ тип. Ефремова.

Сцены изъ жизни Испанцевъ. Соч. Герцогини Абрантесъ, переводъ съ Французскаго П. Б. М. въ тип. Евреинова.

День въ Батавіи. Фантастическая повесть. Соч. Маркиза Делагранжа. С. П. Б. въ тип. Греча.

Пичіола, соч. Сентина. Перевелъ съ Французскаго А. П. Ж. С. П. Б. въ тип. Конторы Журнала общеполез. свѣденій.

Аделина Мовбрай, соч. Мистрисъ Опи. Перев. съ Франц. Ни — лай Гра — вскій. 3 части. М. въ тип. Степанова.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московской 1-й Гимназіи, 1837 года Сентября 13 дня. М. въ тип. Университетской.

Краткій Катихизисъ Русскаго народа. Соч. Е...ны М...ны К...ой. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Очеркъ Исторіи Философіи по Рейнгольду, сдѣланный Ѳ. Надеждинымъ. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней Торговли.

Правила семейныя, четвертое изданіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена.

Подарокъ дочери-невѣстѣ въ число приданаго. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Записки Морскаго Офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Д. Н. Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ. Въ 4 частяхъ. Второе изданіе. С. П. Б. въ тип. Имп. Рос. Академіи.

Очерки Іерусалима и Святыхъ окрестностей, Виѳлеема, Виѳаніи, Іордана, Пустыни Св. Іоанна, монастыря Св. Саввы, Хеврона и проч. Изъ переписки о Востокѣ Мишó и Пужулá А. Т. С. П. Б. въ тип. Греча.

Гимназическій курсъ чистой Математики, содержащій въ себѣ Ариѳметику, Основаніе Алгебры и Геометріи, прямолинейную Тригонометрію и Коническія сѣченія, составленъ Профессоромъ Перевощиковымъ. М. въ тип. Семена.

Курсъ практической Механики. Часть первая. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Расчисленіе о металлахъ по горной части, составленныя И. Перцевымъ. С. П. Б. въ тип. Глазунова.

Учебныя руководства для военныхъ заведеній. Тактика. Часть первая, заключающая въ себѣ Тактику чистую. Составилъ Б-нъ И. В. Медемъ. С. П. Б. въ тип. II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Военная Географія Европы въ таблицахъ. Сочиненіе Франца Рудторфера. Переведена съ Нѣмец-

каго по соизволенію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Въ переводѣ исправлена и дополнена И. О. Штукенбергомъ. Двѣ тетради. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Чудеса премудрости Божіей въ природѣ или краткое объясненіе нѣкоторыхъ явленій въ физическомъ мірѣ, не для ученыхъ, а для учащихся, въ вопросахъ и отвѣтахъ: I О воздухѣ. II О водѣ, III О свѣтѣ, и IV Объ огнѣ. С. П. Б въ тип. Греча.

Извѣстіе о мѣстонахожденіи грифитовъ въ Орловской губерніи, и географическій взглядъ на почву сей губерніи. Соч. Дѣйств. Члена Минералог. Общества въ С Петербургѣ, Штабъ-Лекаря И. И. Брыкова. Издано онымъ Обществомъ. С. П. Б. въ тип. Греча.

Плодовитая оранжерея, или искусство воспитывать и разводить въ обыкновенныхъ цвѣточныхъ горшкахъ яблони, груши, сливы, вишни, абрикосы, персики, миндаль и т. д. по руководству Профессора Диля. Соч. Карла Фридрига Рихтера. М. въ тип Кирилова.

Памятная книга сельскаго хозяйства или Хозяйственный Мѣсяцесловъ, содержащій въ себѣ указаніе распредѣленія сельскихъ работъ въ послѣдовательномъ порядкѣ по временамъ года, по многолѣтнему опыту. Составленный Боропомъ Карломъ Фонъ-Виттенгеймомъ. С. П. Б. въ тип. Экспедиціи Заготовленіе Государственныхъ бумагъ

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ неоднократно говорили болѣе или менѣе неосновательно, болѣе или менѣе непристойно о написанной мною, но еще не напечатанной, біографіи фонъ Визина. Донынѣ по двумъ причинамъ не отвѣчалъ я ни слова на сіи неумѣстные отзывы. Вопервыхъ потому, что я узнавалъ случайно, стороною и часто поздно о журнальныхъ выпазкахъ противъ меня, ибо я давно уже не читаю нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, приняв съ лѣтами за правило беречь глаза и время. Во вторыхъ потому, что отвѣчать значитъ входить въ разговоръ, а съ лѣтами научился я другому правилу, что никогда не должно вступать въ разговоръ съ тѣми, которые говорятъ неосновательно и непристойно.

Но нынѣ узнавъ, что въ Москвѣ готовится новое изданіе сочиненій фонъ Визина, и что нѣкоторые ожидаютъ при немъ и составленную мною біографію почитаю обязанностію своею, для объясненія истины, сказать нѣсколько словъ о настоящемъ поло-

женіи спорнаго дѣла. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по просьбѣ покойнаго Платона Петровича Бекетова, получившаго отъ наслѣдниковъ фонъ Визина право издать полныя сочиненія его, обѣщалъ я ему написать упомянутую біографію. Въ послѣдствіи времени П. П. Бекетовъ передалъ право свое Московскому книгопродавцу Салаеву, которому подтвердилъ я обѣщаніе, мною однажды данное. Но это обѣщаніе не было ни срочнымъ, ни денежнымъ обязательствомъ ни предъ публикою, ни предъ издателемъ. Трудъ мой былъ безкорыстный и независимый. Я твердо знаю, и дай Богъ всѣмъ знать это также твердо какъ и я, что взявъ съ публики напередъ деньги за обѣщанную книгу, должно поставить ей книгу въ срокъ, или возвратить деньги. Но я совершенно въ иномъ положеніи. Я ни съ кого денегъ не бралъ: слѣдовательно я полный и безотвѣтственный хозяинъ моей рукописи. Біографія нѣсколько лѣтъ тому уже написана, около двухъ лѣтъ уже одобрена Цензурою, а когда выйдетъ она въ свѣтъ, не знаю: когда мнѣ вздумается, — вотъ одно мое условіе. Если же г. Салаевъ, какъ слышно, передалъ свое изданіе другому книгопродавцу, то ни въ какомъ случаѣ передача сія не можетъ относиться до моего труда, который остается мою собственностію безраздѣльною. Наконецъ довожу до свѣдѣнія не журналовъ и не книгопродавцевъ, но подписчиковъ на первое изданіе сочиненій фонъ Визина, что когда напечатана будетъ біографія, то лица, коихъ имена означены въ спискѣ приложенномъ къ помянутому изданію, получатъ ее отъ меня без-

денежно. Не полагаю, что подписчики очень дорожатъ трудомъ моимъ: и не думаю нынѣшнимъ обѣщаніемъ успокоить заботливое ихъ нетерпѣніе, вѣроятно и безъ того довольно спокойное: сочиненія фонъ Визина и безъ моей придачи имѣютъ въ себѣ достаточную цѣну. Но питая безкорыстную любовь къ книжному дѣлу и къ успѣхамъ сей умственной промышленности въ Россіи, не хочу я, хоть бы и невольно и совершенно невинно нарушить случайнымъ примѣромъ своимъ довѣренность, которую потребители должны имѣть къ обѣщаніямъ производителей. Довѣренность сія къ сожалѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей и такъ уже въ нашъ не золотый, но денежный вѣкъ, слишкомъ часто потрясаема съ тѣхъ поръ, что литература не что иное, какъ новая вѣтвь внутренней торговли.

Кн. Вяземскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Появленіе седьмой части Современника было задержано обстоятельствами, большею частію независѣвшими отъ Редакціи, къ числу которыхъ между прочимъ принадлежитъ и несвоевременный выходъ 5-й части, естественно повлекшій за собою замедленіе остальныхъ книжекъ, особенно по причинѣ рисунковъ въ нихъ помѣщенныхъ. Сверхъ того Редакція почла долгомъ удовлетворить желанію особъ находившихся или во внутреннихъ губерніяхъ имперіи или внѣ оной, и хотѣвшихъ почтить память поэта, оплакиваемаго Россіею, участіемъ въ основанномъ имъ журналѣ. Редакція получивъ статьи сихъ особъ недавно, признала за лучшее издать оба послѣдніе тома вдругъ; такимъ образомъ 8-й томъ выйдетъ черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за седьмымъ. Читатели замѣтятъ что вышедшіе въ 1837 году книжки содержатъ въ себѣ до двухъ сотъ страницъ болѣе назначеннаго.

О продолженіи Современника.

Журналъ «Современникъ» будетъ издаваться и въ будущемъ 1838 году. Продолженіе его остается соотвѣтственно плану первыхъ двухъ годовъ, то есть, каждые три мѣсяца выйдетъ одинъ томъ въ 20 печатныхъ листовъ, а въ годъ четыре тома.

Подписная цѣна 25 руб. ассигн. въ годъ; за пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ, здѣсь, въ С. Петербургѣ, прибавляется 5 руб. Для полученія журнала можно адресоваться: въ газетную экспедицію, или въ книжный магазинъ А. Ф. Смирдина, или прямо къ издателю его, дѣйствительному Статскому Совѣтнику Петру Александровичу Плетневу, живущему у Обухова моста въ домѣ Тайной Совѣтницы Сухаревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

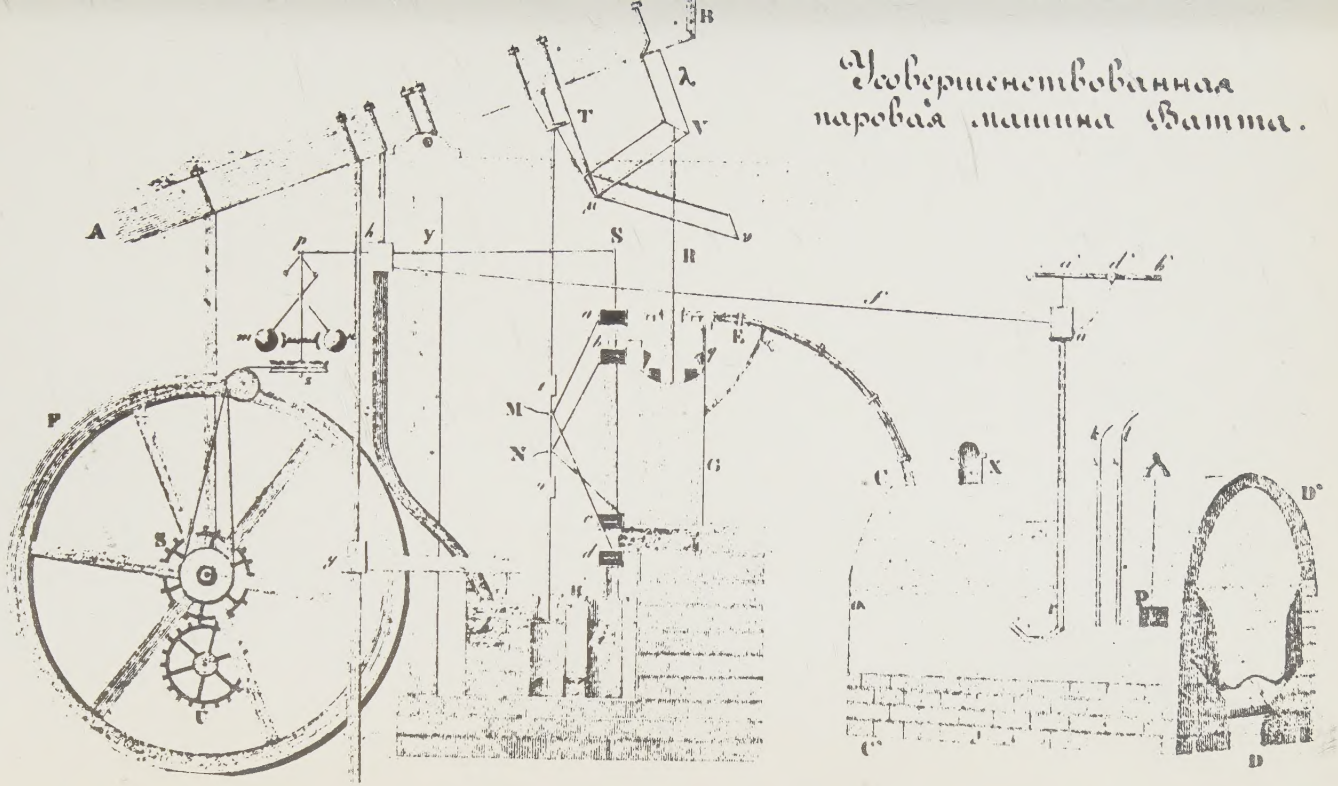
Стихотворенія.

Стран.

1. Галубъ. *А. Пушкина.* . . . . . 1.
2. Месть. Г. Е. Р. . . . . 47.
3. Переѣздъ черезъ Яйлу на южномъ берегѣ Тавриды. *А. Подолинскаго.* . . . . . 87.
4. Юность души. *А. Лаголова* . . . . . 102.
5. Улей. *Д. Струйскаго* . . . . . 105.
6. Надежда-Ангелъ. *Шевырева.* . . . . . 106.
7. Элегія *В. Тумапскаго* . . . . . 139.
8. Элегія. *А. Лаголова.* . . . . . 141.
9. Органъ. *Авдотьи Глинки.* . . . . . 142.
10. Ангелъ. *Ѳеодора Глинки.* . . . . . 146.
11. Самоубійца. *Д. Струйскаго* . . . . . 180.
12. Сцены изъ трагедіи: «князья Шуйскіе». *П. Ободовскаго* . . . . . 181.
13. Имя милое Россіи. *В. Тумапскаго.* . . . . . 195.
14. Молитва. *Е. Гребенки.* . . . . . 221.
15. Грусть. *М. де-Ларю* . . . . . 223.
16. Буря. *М. де-Ларю.* . . . . . 250.
17. Къ Языкову . . . . . 262.
18. Баллада . . . . . 264.
19. Зеленый цвѣтъ. *П. Ершова* . . . . . 291.
20. Кольцо съ бирюзою *П. Ершова.* . . . . . 293.
21. Подражаніе Шенье. *П. Бека* . . . . . 326.
22. Элегія. *П. Бека* . . . . . 328.
23. Двѣ слезы. *Пв. Панаева.* . . . . . 330.
24. Прощаніе съ Москвой. *Рахманнаго.* . . . . . 331.

Проза.

1. Графъ Каліостро. *М. Загоскина.* . . . . . 17.
2. Краткое начертаніе теоріи паровыхъ машинъ. *Кн. Козловскаго.* . . . . . 51.
3. Солдатскій портретъ. *В. Луганскаго* . . . . . 108.
4. Свѣтскій человѣкъ, дипломатъ, литераторъ, воинъ. *Т. Кокшакратова.* . . . . . 148.
5. Лѣтопись села Горохина. *А. Пушкина* . . . . 197.
6. Воспоминанія о Бессарабіи. . . . . 226.
7. Три письма о Томбовской выставкѣ. *Я. Карамзинскаго.* . . . . . 267.
8. Общественное образованіе Тульской губерніи. *П. Сахарова* . . . . . 295.
9. Разборъ книги: Статистическія свѣденія о С. Петербургѣ. . . . . 339.
10. Новыя книги. . . . . 260.
11. Объясненіе. *Кн. Вяземскаго.* 373
12. Отъ Редакціи. . . . . 376.
13. О продолженіи Современника. . . . . —

На стр. 78 строкѣ 8-й сверху, слѣдуетъ читать *и г,* вмѣсто *U V.*

Усовершенствованная паровая машина Ватта.